

**ECONOMIC
HERALD**
of ROSTOV
S T A T E
UNIVERSITY

1

ТОМ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК
РОСТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

3

НОМЕР

2003

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телевидения и средств массовых коммуникаций от 20 сентября 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ N№ 77-13577

**Журнал издается с 2003 г.,
выходит 4 раза в год.
Подписной индекс 81958**

Учредитель:

Ростовский государственный университет

Редакционная коллегия:

Главный редактор

доктор экономических наук, профессор **Мамедов О.Ю.**

доктор экономических наук, профессор **Алешин В.А.**,

кандидат экономических наук, доцент **Вольчик В.В.** (зам. главного редактора),

доктор экономических наук, профессор **Матвеева Л.Г.**,

заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор **Овчинников В.Н.**

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета

заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор **Овчинников В.Н.**

доктор	экономических наук,	профессор	<i>Алешин В.А.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Архипов А.Ю.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Белокрылова О.С.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Белоусов В.М.,</i>
кандидат	экономических наук,	профессор	<i>Бортник Е.М.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Германова О.Е.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Дуканич Л.В.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Кетова Н.П.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Кольвах О.И.,</i>
кандидат	экономических наук,	профессор	<i>Максимов В.А.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Мамедов О.Ю.,</i>
доктор	исторических наук,	профессор	<i>Нарежный А.И.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Солдатова И.Ю.,</i>
доктор	экономических наук,	профессор	<i>Чернышев М.А.,</i>
кандидат	экономических наук,	профессор	<i>Юрков А.М.</i>

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105.
Тел: (8632) 653 158, 648 466;
факс: 645 255.
E-mail: rectorat@mis.rsu.ru

Адрес редакции:

344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, 88, к. 211.
Тел: (8632) 409 627.
E-mail: journal@econ.rsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОГРАНКА БУДУЩЕГО ПРОИСХОДИТ СЕГОДНЯ...

На вопросы главного редактора «Экономического вестника РГУ», профессора О.Ю. МАМЕДОВА отвечает ректор Ростовского государственного университета, профессор А.В. БЕЛОКОНЬ	5
--	---

СЛОВО РЕДАКТОРА

Мамедов О.Ю. Незванный эмпиризм — хуже схоластики!.....	20
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: КРИЗИС ИЛИ ОБНОВЛЕНИЕ

Тамбовцев В.Л. О кризисе в экономической науке	24
Розмаинский И.В. Посткейнсианство + традиционный институционализм = целостная реалистичная экономическая теория XXI века	28
Вольчик В.В. Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития	36
Квасов Р.А. Философия экономических отношений	43

ЗНАМЕНИТЫЕ ИМЕНА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Артур Б. Индуктивное мышление и ограниченная рациональность	53
--	----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Блинов А.А. Модель стратегического менеджмента федеративных округов.....	62
Максимов А.В. Финансовая составляющая реструктуризации экономики города	74
Туманян Ю.Р. Научно-технический прогресс и воспроизводственный процесс в современных условиях	78
Архипов А.Ю. Внешнеэкономическая деятельность российских регионов в условиях глобализации	82

ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

Латова Н.В. В какой матрице мы живем? (этнометрическая проверка теории институциональных матриц)	89
--	----

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Жак С.В. Является ли математика аргументом в экономике?	95
Бородина И.П. Математика — муза Рекламы	98

ОТКРЫТАЯ АУДИТОРИЯ

- Юрков А.М., Зепалов В.М.* Спецсеминар по «Капиталу» К. Маркса: методические материалы (для бакалавров и специалистов) 102
- Авдашева С.Б., Калмычкова Е.Н., Розанова Н.М.* Политика поддержки конкуренции (Программа курса) 117

ЭКОНОМИСТЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Кардаш В.А.* Два великих имени в экономической науке 127

ДЕБЮТ

- Ракша С.В.* Процесс накопления социального капитала как основа институциональной трансформации 136
- Хоперская Е.Г.* Эффективность государственной поддержки социально значимых организаций 140

РЕЦЕНЗИЯ

- Белокрылова О.С.* Учебник нового поколения (рецензия на учебно-методическое пособие Р.М. Нуреева «Теория общественного выбора» (Вопросы экономики. № 8 за 2002 г. — № 7 за 2003 г.) 144

ОН ТАКОЙ ОДИН

- Джозеф Уилли Мэйнстринг (1894–1943) 146

ОГРАНКА БУДУЩЕГО ПРОИСХОДИТ СЕГОДНЯ...

На вопросы главного редактора «Экономического вестника РГУ», профессора *Октай Юсуфовича МАМЕДОВА* отвечает ректор Ростовского государственного университета, профессор *Александр Владимирович БЕЛОКОНЬ*

О.Ю. МАМЕДОВ: Александр Владимирович, как Вы охарактеризуете состояние нашего университета на рубеже веков?

А.В. БЕЛОКОНЬ: Позвольте дать ответ не в эпохальном, а в сугубо практическом, житейском ключе.

В эти действительно порубежные и во многом противоречивые годы РГУ не только не выпал из «обоймы» ведущих университетов страны, но стал одним из плацдармов модернизации образования. Скажу больше, мы ставим перед собой весьма амбициозную цель — изменить саму парадигму образовательного процесса. Главное, к чему мы стремимся, если в уме держать именно XXI в., — это изменить роль и место студентов в учебном процессе. Не просто «разжевывать» и вкладывать им в голову готовый набор научных истин, а готовить широко образованных людей, умеющих себя презентовать, имеющих навыки к самостоятельной работе и не теряющихся при решении любых задач.

Уходят в прошлое, и уходят, надо думать, безвозвратно, времена, когда преподаватель выходил на кафедру с конспектом десятилетней давности и набивал головы студентов цитатами, которые требовалось заучивать наизусть. А студентам нужно другое — умение осмысливать и на практике применять изученный материал. Университет постоянно увеличивает долю учебного времени, которая отводится на самостоятельную работу студентов в лаборатории, библиотеке, за книгой и в Интернете. На каждом факультете и курсе, как университетский преподаватель Вы, Октай Юсуфович, это хорошо знаете, предусмотрен как мини-

мум один письменный экзамен в сессию, что учит студентов излагать мысли и способствует лучшему усвоению знаний. Но этого мало, и мы намерены практиковать письменные работы в течение всего учебного года.

О.М.: *Но ведь реальная модернизация образования требует, прежде всего, нового технического и методического обеспечения учебного процесса?*

А.Б.: Да, это так, но мы не ждем готовых министерских разработок. Ежегодно, считайте, на энтузиазме наших преподавателей, появляются два-три новых электронных курса и учебника по информатике, английскому языку, истории, точным наукам. Благодаря мультимедиа студенты-естественники получили возможность моделировать любые процессы и ставить самые сложные опыты на экранах мониторов. А электронные страницы широко иллюстрированной «Истории народов Дона и Северного Кавказа» с интересом перелистывают не только гуманитарии.

Широкие возможности для самостоятельной работы предоставляет крупнейшая на Юге России научная библиотека РГУ. Информационную поддержку сотрудников и студентов осуществляет и патентная служба университета, которая является официальным представителем Российского патентного ведомства в ЮФО. Внедренная там система заказа журнальных статей «JASON» имеет доступ к банку данных по журналам более 65 тыс. наименований, имеющих в университетских фондах мира. Кстати, на получение заказанной статьи уходит не более 48 часов.

О.М.: *Много хорошего приходится слышать о деятельности и масштабах работы ЮГИНФО. Честно говоря, уже и забылось, что в недавнем прошлом это — обычный вычислительный центр.*

А.Б.: А теперь на его базе развернулся Южно-Российский региональный

центр информатизации высшей школы, связавший РГУ «паутиной» с крупнейшими университетами и научными учреждениями, библиотеками и музеями планеты и обеспечивший настоящую революцию в использовании в процессе обучения телекоммуникационных средств. Причем, благодаря практически неограниченному трафику, услугами Южно-Российского регионального центра информатизации (ЮГИНФО) пользуются и другие вузы, а также администрация Ростовской области и мэрия Ростова-на-Дону.

В 2001 г. на базе ЮГИНФО началась компьютерная подготовка школьных учителей, а в 2002 г. ее прошло уже без малого полторы тысячи человек.

О.М.: *Ну, для области с ее 1400 школами этого, откровенно признаемся, явно недостаточно.*

А.Б.: Мы, между прочим, готовы, при решении проблем финансирования, удвоить, а то и утроить масштабы подготовки, в частности в период летних каникул.

Многое здесь зависит и от личной инициативы преподавателей информатики, директоров школ, заведующих отделами образования. Мне известен случай, когда преподавательский коллектив, оказавшись перед выбором — телефон (единственный на всю школу) или Интернет, единодушно выбрал Интернет. А подключаться к всемирной «паутине», обмениваться по электронной почте курсами, проводить видеоконференции — все это вузам и школам позволяет программа формирования единой телекоммуникационной сети бюджетных организаций и учреждений Ростовской области, в которой РГУ участвует в содружестве с «ААА-Интернет». Кстати, Фонд Института «Открытое общество» на 50% финансирует эту программу, работают по ней еще в 15 регионах России. И, как признавались сотрудники Фонда, Дон — единственный регион, где областная администрация в полном

объеме выполняет свою часть обязательств. Да и база для реализации программы Интернет-образования, справедливости ради надо сказать, появилась у нас благодаря губернатору В.Ф. Чубу.

О.М.: *Давайте поговорим подробнее о современных методиках и технологиях обучения.*

А.Б.: Давайте. И давайте начнем издалека, потому что, бывает, далекое может оказаться исключительно близким.

Еще К.Ф. Ушинский в позапрошлом веке призывал видеть в школьнике не просто ученика, а личность и помогать ему развивать лучшие свои качества. И ни в коем случае не травмировать учащегося обидным словом, не ставить перед ним непосильных задач. Двоечник за партой — это потенциальный неудачник в жизни.

Конечно, следовать древнегреческому принципу Ликее «Один ученик — один учитель» затруднительно даже в элитных частных школах. Кстати, у подобных школ есть свои минусы. Ведь школа должна давать молодому человеку не только знания, но и навыки общения, поведения в окружающем его обществе. А раскрывать и проявлять свои сильные качества ученику легче, находясь среди своих обычных сверстников, нежели в привилегированном заведении, где каждый мнит себя лидером. Это наблюдение верно не только для школьного сообщества. В свое время во Франции попытались собрать «сливки» ученых-атомщиков со всей страны в закрытый элитный центр в Гренобле. И вместо оживления научно-исследовательской деятельности получили отчужденность, замкнутость ученых, настороженность друг к другу.

Иной подход демонстрируют в США, где к этой проблеме подошли с чисто американской деловитостью и прагматизмом, а именно внедрили методику определения интеллектуального уровня человека (IQ) и разработали на ее основе рекомендации: кому из учащихся

стоит ослабить нагрузку, а кому, наоборот, добавить. И дело у них пошло.

Существуют оттенки и чисто психофизиологического характера: у кого-то более развита зрительная память и он «запоминает» глазами, у кого-то — моторная и ему нужно все конспектировать; одни не реагируют на посторонние звуки и даже охотно занимаются под музыку, другие нуждаются в абсолютной тишине. Ученые создали приборы по определению уровня психологической восприимчивости человека. Эти данные очень нужны учителям, но в не меньшей мере и родителям.

В своем университете мы провели эксперимент по психологическому тестированию абитуриентов. И хотим продолжить его, охватив все факультеты и курсы. Действительно, имея психологические характеристики студентов, причем не статические, а в развитии, можно приступить к разработке индивидуальных программ обучения и, в конечном счете, резко поднять эффективность учебного процесса.

О.М.: *Вопрос — как учить, является, в известной мере, вторичным, куда важнее другой — чему учить. Между тем часто создается видимость, будто преподаватели всегда знают, что им делать. Что Вы об этом думаете?*

А.Б.: Начнем с того, что наша школьная программа чрезвычайно перегружена. Знания растут по экспоненте, учебники перенасыщаются терминами и понятиями, не всегда укладывающимися в логические схемы и труднозапоминаемыми. Отсюда и зубрежка, и искусственное натягивание троек. Между тем известно: если человек не применяет постоянно на практике полученные знания, через пять лет он забывает 10% знаний, через десять лет — уже половину.

Мировая практика показывает, что средний выпускник современного вуза в течение жизни 4–5 раз может сменить

место работы, а возможно, и профессию. Между тем система высшего образования и сегодня продолжает готовить в массовом порядке узких специалистов, которым трудно будет найти себя на рынке труда.

Будучи сторонником нового подхода к обучению, я не утверждаю, что он лучше, чем прежний. Просто — он другой, он учитывает огромные перемены во всех областях нашего бытия, он должен давать студенту, молодому специалисту фундаментальную компоненту знаний, чтобы он сам в течение всей своей производительной жизни мог продолжать учиться, совершенствоваться, менять квалификацию. С точки зрения данного подхода, смысл высшего образования заключается в воспитании человека, который не потеряет себя в окружающем его беспокойном мире и сможет решать любые жизненные задачи. Он должен обладать одним исключительно важным качеством, а именно восприимчивостью к новому, умением откликаться на новое, самостоятельно ставить перед собой и перед другими и решать задачи.

Именно такие возможности прежде всего предоставляет университетское образование. И происходящий сейчас процесс преобразования отраслевых институтов в университеты является логическим ответом на вызов времени. Другое дело, что новой форме не всегда соответствует качественное содержание. После смены вывески учебное заведение может получить право НАЗЫВАТЬСЯ университетом, но СТАТЬ им оно мгновенно не может — нужны десятилетия накопления университетского духа, взаимодействия и взаимообогащения гуманитарных и естественно-научных подразделений, научных и педагогических школ, образовательных и исследовательских программ.

О.М.: Александр Владимирович, не могли бы Вы уточнить — что же отличает классический, тради-

ционный «университет» от обычного вуза?

А.Б.: Собственная неповторимая аура, атмосфера повседневного общения пытливого юношества и умудренной профессуры, постоянного процесса познания и научного поиска. Ведь университет — это всегда и обязательно наука! Обратимся за примером к нашему университету.

В составе структурных подразделений РГУ одиннадцать (!) научно-исследовательских институтов, в числе которых известные всей стране и за рубежом НИИ механики и прикладной математики, физической и органической химии, нейрокибернетики, физики, биологии.

Ведущей в России организацией в области пьезоактивных материалов является РГУ и его структурные подразделения — НИИ физики и НКТБ «Пьезоприбор», где действует целая научно-производственная цепочка от разработки технологии и оборудования до выпуска самых современных контрольных устройств, находящих применение во всех отраслях экономики.

Наш студент органично вписан в эту систему. Более того, отвечая на запросы времени, мы посчитали необходимым открыть на этой базе новый факультет — факультет высоких технологий, и не просчитались! Факультет, во-первых, востребован, во-вторых, выходит в лидеры в своей отрасли знания, в-третьих, готовит не просто «технарей», а специалистов с глубоким знанием современных технологий и фундаментальной научной подготовкой.

В рамках факультета аккумулируются наиболее новые, нетрадиционные учебные и научные направления и специализации по лучшим образцам, которые имеются, например, в Массачусетском технологическом институте (где, кстати сказать, наибольшее число нобелевских лауреатов), Стенфордском университете и университете Беркли, Ко-

лумбийском университете. Все они, как Вы понимаете, расположены в Соединенных Штатах. Создание инженерного факультета в РГУ — это результат многочисленных дискуссий и организационных усилий большого коллектива, его вдохновителей и руководителей академика И.И. Воровича и профессора А.Е. Панича — нынешнего декана факультета. Поиск по Интернету среди первых 20 классических университетов России не обнаружил аналогов этому факультету, кроме, пожалуй, наиболее «продвинутых» университетов по направлению «системный анализ и управление» — Московского технического университета им. Баумана и Санкт-Петербургского политехнического университета. Ну, это, я думаю, понятно: совсем недавно они назывались техническим училищем и политехническим институтом соответственно.

Я мог бы назвать любой другой пример и рассказать, допустим, о колоссальной научной коллекции нашего ботанического сада, благодаря которой он занесен в реестр уникальных объектов России!

О.М. Сегодня преподавателей волнуют два вопроса — материальное положение и последствия сокращения аудиторных часов.

А.Б. Материальное положение преподавателей, к сожалению, не от меня зависит. Это проблема национальная, проблема общегосударственная.

Я — один из тех, кто эту проблему будирует постоянно, из года в год. Эти вопросы я ставил от имени российского ректорского сообщества на последнем съезде ректоров России в декабре 2002 г. в присутствии членов Правительства, его вице-преьера В.И. Матвиенко.

Всем ректорским сообществом мы «пробивали» и «пробили» надбавку к зарплате за ученые степени кандидата и доктора наук.

Давайте вместе порассуждаем о том, из чего складывается нынешний заработок вузовского преподавателя.

Итак — государственная (бюджетная) зарплата, а далее начинаем считать и плюсовать: уже названная выше надбавка за степень, плюс доплата по статье за обучение студентов, принятых в вуз на коммерческой основе, далее заработки, связанные с участием в грантах, конкурсах (в скобках дадим краткий перечень — это развернутая система всевозможных международных грантов, программ, типа «Интеграция» РФФИ, РГНФ, ЕЗН, и т.д. и т.п.). Нередко эти суммы оказываются — и слава богу, что оказываются, — выше размера официальной зарплаты. Но это — далеко не все. Есть возможность получения приработка в дополнительных образовательных структурах, таких как, например, открытый факультет, подготовительный факультет и подготовительные курсы или программы, которые мы выиграли в последнее время, — например, «мастер делового администрирования», президентские программы. Плюс ко всему — ряд президентских стипендий ученым, платные услуги за аспирантуру, за образовательные услуги в системе переподготовки кадров.

Вот сейчас, например, РГУ выиграл сложный конкурс по МИОНу — межрегиональному институту общественных наук. Это новые дополнительные финансовые средства, которые опять же улучшат материальное положение преподавателей, нанятых на работу в МИОН.

То есть я хочу сказать, несмотря ни на что, у нашего университетского преподавателя есть возможность и есть где заработать даже внутри самой структуры университета. Лично я — последовательный сторонник развития внутри и на базе РГУ различных консалтинговых фирм, подразделений и структур, подобных тем, которые ныне возглавляют достаточно «продвинутые» рыночники — директора лицеев Н.С. Кащенко, А.А. Семин, К.П. Краковский, директора институтов А.А. Лукьянцев, А.Ю. Архипов, — имею в виду Институт права и управления и Институт экономики и внешнеэко-

номических связей. Список этот — и руководителей и служб — можно продолжить без труда.

Но я хочу резко повернуть наш разговор в другую плоскость и обратить внимание на обратную сторону медали. Поступают (и нередко, к сожалению) сигналы, жалобы на низкий уровень преподавания. При этом у нас нет ни малейших сомнений в высоком профессионализме университетских преподавателей. Корень зла, по-моему, таится в достаточно устоявшейся практике подработки нашими преподавателями в негосударственных вузах, коммерческих образовательных структурах. Некогда преподавателю работать над собой, над материалом, работать с тем или иным студентом, если нужно «закрыть» точки в разных частях города. Это, конечно, очень влияет на уровень подготовки и студента, и самого преподавателя. И это, я думаю, большая проблема для всех нас.

Относительно второго блока вопросов могу со всей определенностью сказать, что руководство университета, лично я как ректор твердо стоим на позициях сокращения объема аудиторных часов. Я всегда, задолго до официального обсуждения данной проблемы, считал необходимым проводить линию на сокращение нагрузки и увеличение объема самостоятельной работы. Теперь это не только наша личная позиция или наша добрая воля. Это теперь официальная линия работы Министерства образования РФ, закреплённая приказом министра. Хотя у нас в университете, по последним данным, продолжает расти общая и, соответственно, средняя нагрузка на преподавателя.

В ряду причин, обуславливающих этот рост (а их, поверьте, немало) я бы хотел остановиться на одной, а именно на сложившейся практике, когда на ряде факультетов специализации студентов начинаются прямо с первого курса, что, естественно, ведет к дроблению учебных потоков, курсов, и наоборот, к уве-

личению числа спецкурсов. Думается, что пора ставить задачу уменьшения количества потоков. Здесь есть над чем поработать советам факультетов, учебно-методическим комиссиям. Надо крепко подумать и посчитать, прежде чем предлагать специализацию, во что она обойдется факультету, университету.

Тут ведь арифметика очень простая. Число преподавателей обусловлено числом студентов. Дробление учебного потока резко нарушает установленную законом пропорцию. В университетах США она, например, составляет 1 : 20, у нас — 1 : 10 не всегда получается. И не может получиться, если мы набираем группу в количестве, скажем, 25 человек и в полном объеме с первого курса ведем специализации. Суть-то университетского образования — дать общее, я бы сказал, универсальное, знание. И практика создания спецкурсов по узкой, допустим, диссертационной теме неизменно ведет к сужению поля знания. И это — попросту трата драгоценного учебного времени. Другое дело, когда рассматриваются темы через такие действенные и по-настоящему продуктивные формы, как деловые игры, дискуссии, круглые столы и т.д. и т.п.

Я думаю, что принципиальный разговор на эту достаточно болезненную тему всем нам еще только предстоит.

О.М.: Свидетельством научно-технического потенциала вузов сегодня становится повсеместно создаваемая система центров коллективного пользования. Как в этом отношении обстоят дела в нашем университете?

А.Б.: В нашем активе, в нашем научном обороте, в том числе и в обязательном студенческом обороте, кроме ЮГИНФО, о котором мы уже говорили, это, например, располагающий суперкомпьютером Центр высокопроизводительных вычислений для нужд вузовской и академической науки, куда обращаются даже наши коллеги из Сибири.

Вот далеко не полный перечень научно-образовательных центров коллективного пользования:

- Центр стратегических исследований администрации Ростовской области;
- Центр научно-технического и образовательного сопровождения Волгодонской АЭС;
- Центр высокопроизводительных вычислений Южно-Российского региона;
- Южно-Российский учебно-научный геотехнологический центр «Геотехноцентр-Юг»;
- Межрегиональный научно-внедренческий экологический центр «Экотон»;
- Научно-образовательный эколого-аналитический информационный Интернет-сервер «ГеоМод»;
- Научно-образовательный эколого-аналитический центр системных исследований, математического моделирования и геоэкологической безопасности Юга России;
- Южно-российский объединенный учебно-научный практический центр по прикладной математике и механике, валеологии и геотехнологии.

Новым направлением для РГУ стала подготовка специалистов-экспертов по экологической безопасности. Учеными Южно-Российского экологического центра системных исследований, математического моделирования и геоэкологической безопасности (представляющего Ростовский государственный университет, Таганрогский радиотехнический университет, Кубанский государственный университет) создана уникальная трехмерная модель Азовского моря. А в принципе Центр способен снимать, обрабатывать информацию и выдавать рекомендации по улучшению состояния воды, воздуха и почвы в любом регионе.

Широкий круг задач решает и Южно-Российский объединенный учеб-

но-научно-практический центр по прикладной математике и механике, валеологии и геотехнологии. Здесь и вопросы вовлечения в производство промышленных отходов, и ликвидация негативных последствий техногенного характера, и исследования в области медицины.

Это вообще особенность университетского подхода — работать на стыке различных отраслей знания. Например, в деятельности учебно-научно-практического центра идентификации человека участвуют специалисты по нейрокибернетике, валеологии, археологии и военные медики из 124-й лаборатории судмедэкспертизы СКВО.

Такой же идеологией — не науку «приземлять» для решения утилитарных задач, а, напротив, поднимать уровень практического мышления до теоретических решений — проникнут весь учебный процесс. Да и сам университет с его многочисленными подразделениями мы рассматриваем как единый учебно-научно-производственный комплекс.

О.М.: В последнее время здесь появились качественные новации...

А.Б.: Да вот хотя бы эта. Сейчас у нас появились «студенты» нового рода. В соответствии с президентской программой университет начал переподготовку госслужащих. Высшая экономическая школа (г. Москва) выбрала РГУ в качестве базового учебного заведения для обучения топ-менеджеров — управленцев высшего звена для крупнейших предприятий и фирм России. Вы, как специалист в этой области, об этом можете рассказать больше меня.

О.М.: Непрерывное образование, как мне кажется, нужно не только чиновникам и специалистам...

А.Б.: Полностью согласен с этим. Скажу откровенно, меня очень волнует образовавшийся провал между вузами и системой среднего профессионального образования. Необходимо поднять престиж рабочих специальностей, не жалеть времени на обучение современных ра-

бочих кадров, которые должны уметь и любой чертеж читать, и бизнес-план составить, и определенные психолого-педагогические навыки иметь. А следующим этапом должна стать учеба в техническом вузе или университете. Мы от Запада еще и потому отстаем в экономике, что на уровне рабочего, ремесленника, предпринимателя и т.д. нам не хватает самостоятельности, смелости и решительности в принятии решений. Надо, в конце концов, научиться рассчитывать только на себя, на свои желания, возможности, талант и упорство, а не ждать, что кто-то придет и все за тебя сделает.

О.М.: Александр Владимирович, что Вас сегодня особенно волнует как ректора нашего университета?

А.Б.: Если коротко, то политика правительства в области образования, его модернизации. Скажу так, в нашем университете процесс модернизации никогда не останавливался. И идет он через науку, внедрение ее достижений в учебный процесс. И второе — нужно обеспечить больше свобод в академическом процессе. Я давно уже говорю со всех ответственных трибун: не надо как путями связывать вузы стандартами образования; ведущий вуз сам может определять и задавать академическую политику, так, как это делается в передовых образовательных учреждениях мира.

О.М.: Как известно, по ряду направлений научно-технической и инновационной деятельности Ростовский государственный университет занимает приоритетные позиции.

А.Б.: Нам легче, чем другим, потому что мы опираемся на мощный научно-технический потенциал, исследования и достижения мирового уровня.

Мы имеем многолетнюю практику сотрудничества со многими мировыми научными центрами, структурами и отделениями РАН, ведущими научно-исследовательскими центрами и отраслями Российской Федерации.

Результаты исследований фундаментальных и прикладных наук находят широкое применение в масштабах страны, европейского и мирового сообщества. Они также дают возможность разрабатывать перспективные, в ряде случаев приоритетные направления науки, соответствующие мировым тенденциям развития.

О.М.: Нашим читателям было бы интересно познакомиться с перспективными научно-исследовательскими разработками, выполняемыми профессорско-преподавательскими силами Ростовского университета.

А.Б.: Начну с механики и математики. Ведущее подразделение здесь — научно-исследовательский институт механики и прикладной математики, представляющий собой учебно-научный комплекс, на базе которого действует головной совет Минобразования РФ по научному направлению «Математика и механика».

Основные научные направления и разработки связаны с исследованиями проблем механики деформируемого твердого тела и математическим моделированием эколого-экономических процессов.

Фундаментальные результаты, полученные основателем института академиком РАН И.И. Воровичем и его научно-педагогической школой в области механики тонкостенных конструкций, теории толстых плит, статических и динамических контактных задач теории упругости, получили мировую известность и стали классическими.

Приоритетный характер носят исследования математических проблем в теории устойчивости оболочек и пластин (Госпремия РФ за фундаментальные результаты в области тонкостенных конструкций).

Интенсивно разрабатываются модели конструктивно сложных композиционных оболочек, находящихся в температурно-силовых полях под воздейст-

вием статических и динамических нагрузок. Созданы высокотехнологичные программные комплексы, позволяющие численно исследовать проблемы взаимодействия сложных оболочечных систем с акустической средой с целью минимизации виброактивности и уровней акустических шумов. Совместно с главными научными организациями РАН, Минсудпрома РФ и Минобороны РФ ведутся работы в интересах безопасности страны.

Теоретические исследования по устойчивости тонкостенных конструкций реализуются в прикладных разработках и ОКР, созданы новые типы предохранительных устройств для аварийной защиты аппаратов химической, атомной и других отраслей промышленности и энергетики с характеристиками, превосходящими аналогичные образцы ведущих зарубежных фирм. На Белоярской АЭС установлены высокоточные предохранительные мембраны для систем аварийной защиты натриевого контура реакторов на быстрых нейтронах БН-600 и БН-800. Создан высокоэффективный метод акустико-эмиссионной диагностики предразрушающего состояния изделий и объектов специального назначения, отработан метод диагностики элементов теплозащиты космического аппарата «Буран». Разработаны новые виды зубчатых передач пониженной шумности, налажено серийное производство редукторов повышенной нагрузочной способности и редукторов в сельхозмашиностроении: «Дон-Ротор», «КТР-10», «Дон-1500».

Институт может выступать в роли ведущей научной организации в стране при решении разнообразных современных проблем механики деформируемого твердого тела, а также в качестве головной организации в НТП «Фундаментальные и прикладные проблемы механики деформируемых сред и конструкций».

О.М.: *Наш университет знаменит и исследованиями по нейрокибернетике...*

А.Б.: Действительно, в РГУ действует уникальный научно-исследовательский институт нейрокибернетики им. А.Б. Когана. В русле его исследований и разработок — системы активного зрительного восприятия объектов. Научные разработки в области автоматического обнаружения целей в навигации включены в перечень приоритетных направлений фундаментальных исследований, в список критических технологий федерального уровня. Успешное решение указанной проблемы делает реальным широкий спектр приложений — от автоматизации производственных процессов до задач космического мониторинга, интеллектуальных систем охраны территории и создания сверхточного оружия. Наиболее перспективными в этой области являются системы со свойствами активного восприятия для автоматического распознавания образов на основе управляемого анализа изображений.

В России исследования в области активного машинного зрения с использованием специального визуального сенсора на высоком научном уровне проводятся только в этом институте. Разработанные модели систем активного машинного зрения показали возможность сжатия входного информационного потока примерно в 200 раз.

Работы НИИ нейрокибернетики в этой области нашли международное признание. В 1995 г. на основе этой модели в компании «Хехт-Нильсон корпорейшн» в США была создана система автоматического обнаружения целей VARTAC, в Сеульском университете (Южная Корея) разработанная в НИИ модель фовеального сенсора в 1998 г. выбрана в качестве базовой при обосновании крупного научного проекта по созданию интеллектуальной системы машинного зрения.

В 2001 г. подписан договор с лабораторией машинного зрения Миддлсекского университета (Великобритания) на проведение совместной работы по

созданию интеллектуальной системы распознавания дорожных знаков, в основе которой лежит разработанная в НИИ НК РГУ модель активного восприятия визуальных образов.

Вне всяких сомнений, НИИ НК может выступать в качестве ведущей научной организации России при решении задач распознавания целей.

У нас разработана оригинальная, не имеющая аналогов в стране методика метрологической аттестации многокомпонентных тензометрических датчиков, предназначенных для разнообразных весо- и силоизмерительных систем.

Учитывая уровень исследований и разработок, имеющийся практический опыт, НИИ нейрокибернетики РГУ имеет основания считаться лидером в области силомоментного оцувствления медицинской техники для травматологии, нейрохирургии, функциональной диагностики.

Весьма интересны исследования и разработки по идентификации личности человека. Эта проблема имеет большое прикладное значение при решении широкого круга вопросов медико-криминалистической экспертизы, подбора персонала для техногенноопасных объектов, для обеспечения информационной безопасности, в том числе и для предотвращения несанкционированного доступа к закрытой информации и на режимные объекты.

При постановке и решении задач идентификации человека Ростовский государственный университет также может выступить в качестве ведущей научной организации страны.

Обратимся к области химии. НИИ ФОХ является в настоящее время одним из ведущих научно-образовательных центров России.

Здесь впервые были развиты теория стабилизации неклассических органических и элементарорганических структур, градиентная теория топологического строения поверхностей потенциальной энергии, теория гиперкоордина-

ционной связи в элементарорганических системах, проанализирована ее связь с гипервалентностью и ароматичностью, исследованы электронные свойства новых органических структур, синтезируемых в институте.

Эти работы создали не только новую компьютерную органическую химию, но и способствовали выработке нового языка и нового мышления в теоретической химии.

В институте созданы новые типы би-стабильных фотохромных и флуоресцентных органических систем, обладающих свойствами эффективных молекулярных переключателей, среды для трехмерной записи информации (молекулярная память). При использовании технологии двухфотонной лазерной записи эти материалы позволят создать принципиально новые объемные носители информации с плотностью записи от 10^{13} бит/см³. С использованием созданных в НИИ ФОХ сред уже сейчас возможно получение многослойных флуоресцентных дисков стандартного размера емкостью до 150–200 гигабайт.

Разработаны методы синтеза, изучено строение, физико-химические свойства и реакционная способность органических, природных, координационных соединений, моделирующих биологически важные процессы и объекты.

Определена зависимость кинетики электрохимических реакций от природы металла, раствора и строения добавок.

Разработаны принципы строения термобарогеохимических и палеоструктурных моделей минералообразования в окраинно-континентальных коллизионных обстановках северо-западного Кавказа.

О НИИ ФОХе и его директоре академике РАН В.И. Минкине говорить можно много и долго, и ничего лишнего не будет.

Здесь же я только хочу добавить, что год назад вышел в свет очередной номер самого цитируемого в области естественных наук отечественного жур-

нала «Успехи химии», который был полностью отдан под материалы института. Случай, прямо скажу, в науке редкий.

Институт является головным в проведении регионального совместного конкурса РФФИ и администрации Ростовской области «Юг России» по фундаментально-прикладным работам на 2004–2005 гг.

Если взять сферу физики, то и здесь я должен сказать, что в области сегнетоэлектричества и пьезоэлектрического приборостроения мы готовы предложить и в полном объеме реализовать на практике соответствующую программу на мировом уровне.

О.М.: *А что Вы можете сказать о перспективах в создании обучающих средств нового поколения?*

А.Б.: Мы ведем поиск новых образовательных технологий, связанных с индивидуализацией процесса обучения на основе внедрения современных информационных технологий и технологий, разработанных в психофизиологии и прикладной психологии.

Детализация представлений об индивидуальных психофизиологических различиях в рамках дифференциальной психофизиологии, с одной стороны, и разработка качественных и количественных методов психодиагностики в рамках прикладной психологии — с другой — в сочетании с современными информационными технологиями позволяют разрабатывать электронные средства обучения, в максимальной степени учитывающие индивидуальные психофизиологические особенности человека и его текущее функциональное состояние.

В РГУ имеются все необходимые условия как для разработки таких обучающих систем нового поколения, так и для подготовки специалистов в этой области. Очевидны достоинства подобных обучающих систем в условиях самостоятельного приобретения знаний. Уверен, что и сами системы, и специалисты по

их разработке будет иметь достаточно широкий спрос.

О.М.: *Мы в основном касались естественно-научного знания. А какова Ваша оценка достижений гуманитарных наук?*

А.Б.: Ну, то, что около года назад на базе нашего университета состоялся Третий философский конгресс, о многом говорит и дорогого стоит.

Сейчас мы подготовили к изданию весьма объемистый фолиант о научных направлениях, школах и фундаментальных исследованиях, ведущихся в РГУ, и гуманитарный блок в нем представлен, на мой взгляд, очень впечатляюще.

Кстати сказать, меня порадовали те страницы, на которых излагается экономическая проблематика. Во-первых, видно, что экономическая теория не стоит на месте: есть очень хорошие работы по теории управления экономическими системами, теории трансформационной экономики, по концепции развития регионов на базе теории «конкурентных преимуществ». Во-вторых, на экономическом факультете, его кафедрах, в НИИ экономических и социальных проблем по-настоящему хорошо, по моему мнению, поставлена работа по подготовке и переподготовке всего профессорско-преподавательского состава факультета, по научному обмену, практике стажировок, участию в борьбе за гранты, заказы, программы. В-третьих, в научном мире хорошо известны имена ведущих профессоров экономического факультета.

Есть что сказать о себе филологам и журналистам, историкам и археологам, политологам и социологам, психологам и юристам. На месте никто не стоит. Это я могу заявить со всей определенностью.

О.М.: *Слышал, что университет принимает участие в работе по созданию имитационной модели планирования и прогнозирования развития высшего профессионального образования?*

А.Б.: Современные математические методы и высокопроизводительная вычислительная техника позволяют создать прогностические имитационные модели, достаточно полно учитывающие большое число переменных и параметров, характеризующих высшее образование.

Ростовский госуниверситет располагает высококвалифицированными специалистами, имеющими опыт работы по созданию моделей разной степени сложности, может разработать имитационную модель, дающую разнообразные управленческие решения. Мы открыты для предложений.

О.М.: *Руководство Ростовским университетом Вы совмещаете с деятельностью на посту вице-президента Российского союза ректоров и председателя Совета ректоров вузов Южного федерального округа. Можно ли об этом несколько слов?*

А.Б.: Совет ректоров, президиум и его рабочие органы выполняют функции штаба, координирующего деятельность вузов Юга России и Северного Кавказа. Управлять ректорами вузов, внедрять отраслевой подход не вижу ни смысла, ни надобности.

Свою задачу Совет видит в том, чтобы создать и задать в вузах ЮФО вектор усиленного развития, обеспечить преимущество в фундаментальных исследованиях, информационных и образовательных технологиях, помочь вузам с наименьшими потерями вписаться в современные модернизационные процессы.

Высшие учебные заведения Южного федерального округа по ряду научных направлений имеют вполне оправданные претензии на лидирующие позиции в стране. Достаточно назвать таких грандов отечественной науки и образования, как Ростовский государственный, Таганрогский радиотехнический, Южно-российский технический университеты (Ростовская область), Кубанский государ-

ственный, Кубанский технологический университеты (Краснодарский край), Волгоградский государственный технологический университет, Кабардино-Балкарский, Дагестанский, Адыгейский государственные университеты, Ставропольский государственный и Ставропольский технологический университеты, Пятигорский технологический и Пятигорский лингвистический университеты (Ставропольский край); Астраханский технический университет; а также Ростовский медицинский университет, медицинские академии Краснодар, Ставрополя, Астрахани, Махачкалы, отраслевые и государственные университеты республик Северная Осетия — Алания, Карачаево-Черкесия, Калмыкия.

Всего в Южном федеральном округе насчитывается 143 высших учебных заведения, в числе которых — 75 государственных гражданских вузов, 39 из которых находятся в системе Министерства образования России, среди них — 12 классических университетов, и наконец, 68 негосударственных вузов.

Добиться того, чтобы этот мощнейший комплекс вузов, этот сложнейший социальный организм шел в ногу со временем, шел вровень, к продуманным и согласованным целям — это будет, пожалуй, сверхзадача.

Вот почему своими перспективными и рабочими планами работы Совет ректоров вузов ЮФО, его президиум не дублируют областные, краевые и республиканские объединения ректоров вузов, а разрабатывают и координируют магистральные направления развития высшей школы Южного федерального округа, в определенном смысле — и Российской Федерации, так как на округ приходится шестая часть населения страны.

Это, в первую очередь:

- модернизация национального образования, которая, повторюсь, в принципе в вузах никогда и не останавливалась, развиваясь че-

- рез науку, внедрение ее достижений в учебный процесс;
- информатизация высшей школы;
- академическая мобильность студентов;
- планирование и прогнозирование развития высшего профессионального образования.

Такой подход во многом меняет критерии оценок вузовского взаимодействия, масштаб, перспективу и постановку новых задач развития высшей школы на Юге России. Он позволяет увидеть образование и науку в масштабах ЮФО в целом, увидеть сильные и слабые места в самостоянии вузов.

Мы стараемся увязать в единое образовательное, научное пространство Юг России и Северный Кавказ, готовы инициировать процесс формирования и конкурсного выявления ведущих в округе кафедр, головных советов по отраслям знаний, определения научных школ, под которые нужно и можно создавать проекты, формировать творческие коллективы, бороться за гранты, инвестиции; целевое финансирование.

О.М.: *Ну и, конечно, подготовка высококлассных специалистов?*

А.Б.: Да, безусловно. И это, прежде всего, содержание и качество преподавания, выработка и освоение новых стандартов. Сегодня вузы ЮФО активно вводят в образовательный оборот новые, востребованные временем специальности. В РГУ, например, открыт, как я уже говорил, факультет высоких технологий, отделение регионоведения, открыты специальности «мастер делового администрирования», «специалист по управлению государственными закупками», «специалист по социальной работе».

О.М.: *Вы могли бы привести примеры успешного межвузовского сотрудничества по подготовке специалистов?*

А.Б.: Конечно. Взаимодействие Ростовского и Таганрогского радиотехнического университетов, которые в

рамках региональных программ и программ Минобразования РФ вот уже более 10 лет ведут подготовку кадров в области психологии и педагогики, психофизиологии и психиатрии, технических и медико-технических дисциплин. В рамках этих программ созданы и успешно действуют устройства и системы психофизиологического мониторинга в образовательных учреждениях ЮФО разного уровня.

Совет ректоров вузов ЮФО поощряет и пропагандирует взаимодействие вузов, какое сложилось, например, в области подготовки высококлассных специалистов между РГУ и Калмыцким госуниверситетом, Кабардино-Балкарским и Таганрогским радиотехническим университетами.

О.М.: *Как решается ректорским корпусом вузов ЮФО проблема развития и финансирования фундаментальных исследований?*

А.Б.: Решительная и бескомпромиссная позиция Совета ректоров вузов ЮФО относительно защиты вузовских фундаментальных исследований была доведена нами до Правительства РФ, дважды обсуждалась на зональных совещаниях, инициированных Министерством образования РФ и Союзом ректоров России. Усиление государственной поддержки вузовской науки — это вопрос общенационального значения. Это одно из условий выживания вузовской науки, возможность укрепить само ядро образования.

Совет ректоров считает необходимым привлечь к этой острой проблеме внимание руководства ЮФО, с тем чтобы совместно инициировать перед Правительством РФ решение вопроса о законодательном закреплении за вузами такого направления, как фундаментальные исследования.

Другая, не менее важная часть вопроса — это налаживание связи между вузами и промышленностью, которая сегодня не работает или почти не работает.

Перед вузами стоит задача отладки механизма обмена научными результатами и технологиями между вузовской наукой и реальным сектором экономики, между оборонными и гражданскими секторами, концентрации финансовых (и не только финансовых) ресурсов на решении ключевых научно-технических задач двойного применения.

Ректорское сообщество округа заботит то обстоятельство, что многое из того, что рождается в науке, не доводится до стадии товара, что нет востребованности наукоемкой продукции нашей экономикой и промышленностью.

Сейчас на науку в развитых странах тратятся гигантские деньги. Можно, пожалуй, установить закономерность: чем больше в процентном отношении идет денег на науку от ВВП, тем более развитой является страна.

В конечном итоге это очень выгодно. В свое время Маркс, возможно, и не подозревал, что к началу XXI столетия знания превратятся в производительную силу. В XIX столетии промышленность в ученых почти не нуждалась — вполне обходилась изобретателями и инженерами. В наше время ученый оказывается максимально приближенным к промышленности, к инновационной экономике, к созданию нового технологического продукта. Профессор не меньше менеджера включен в производственные отношения, без него никакой хайтек невозможен.

Все это понятно, как, к сожалению, понятно и другое: что наша вузовская научная продукция нуждается в рыночной адаптации, менеджменте, коммерциализации. И надо честно признаться, для организации этих работ у большинства вузов нет ни средств, ни соответствующей инфраструктуры.

Как воздух, нужен инновационный механизм продвижения вузовских научных разработок на региональный рынок. Однако закона под условным

названием «Об инновационной деятельности» у нас до сих пор нет.

Вы как экономист лучше меня знаете, что трансферт научных знаний в производство предполагает создание и работу технопарков, бизнес-инкубаторов на региональном, отраслевом, республиканском уровнях.

В этой связи — небольшая иллюстрация. В Земле Рейн-Вестфалия (Германия) действуют более 50 мощных технопарков. Вот это показатель, вот это отношение к делу! В наших условиях, я думаю, нужно инициировать создание в Минпромнауки (а может, и в нашем Министерстве) структурного звена, которое бы несло ответственность за создание в регионах (и не только в регионах) конкурентоспособного хозяйства и стимулировало бы разработку соответствующего регионального, равно как и республиканского законодательства.

О.М.: *Ваши слова укрепляют мое убеждение в том, что в высшей школе сложились своего рода «вечные» проблемы: нечеткое разграничение ответственности за развитие науки и производства между федеральным центром и регионами, формальная отчетность за развитие регионального наукоемкого производства, разобщенность секторов хозяйства — науки, экономики, бизнеса, финансов, технологий, производств, образования. А «президентская вертикаль» власти как-то участвует в развязывании этих «узлов»?*

А.Б.: С «вертикалью власти», как Вы говорите, а точнее — с полномочным представителем Президента РФ в ЮФО В.Г. Казанцевым, его аппаратом у нас выработались деловые, взаимоподдерживающие отношения, которые уже дают свои результаты, как, например, открытие Южного научного центра РАН, факт рождения которого для судеб нашей донской науки исключительно важен. И, прямо скажу, роль, которую сыг-

рал в этом деле В.Г. Казанцев, трудно переоценить.

Теперь ЮНЦ, возглавляемый академиком РАН Г.Г. Матишовым, должен стать полигоном для отработки взаимодействия фундаментальной вузовской и академической науки, для соединения науки и образования.

Конечно, событие это для нас знаковое. Достаточно сказать, что вопрос об открытии отделения Академии наук на Юге России впервые был поставлен в докладе Президента АН академика В.Л. Комарова в 1931 г., т.е. более 70 лет назад. В последующие годы Ю.А. Жданов едва ли не полвека упорно и последовательно работал в этом направлении.

Я полагаю, что теперь у нас появляются хорошие предпосылки и возможности для формирования сильной вузовской науки. ЮНЦ должен дать толчок развитию всего того, что в вузах ЮФО уже создано и успешно работает, дать движение отраслевой науке.

Главной идеей в деятельности ЮНЦ РАН должен стать, на наш взгляд, поиск новых точек научного роста в тесном взаимодействии с университетами и университетскими центрами. Здесь, конечно, непочатый край работы, и чем скорее мы, представители вузовской и академической науки, возьмемся за общее дело, тем лучше будет для всех.

Примеры на этот счет у нас есть. Возьмем опять же знаменитый НИИ ФОХ.

С 1998 г. он находится под научно-методическим руководством отделения общей и технической химии (с 2001 г. — отделение химии и наук о материалах) РАН. На базе НИИ ФОХ в структуре ЮНЦ организован отдел физической и органической химии. Это, наряду с созданием совместных лабораторий с институтами проблем химической физики и физической химии РАН, отражает наметившуюся в последнее время тенденцию к более тесной интеграции академической науки и образования, что исключительно важно для будущего российского общества. Мы ставим вопросы об организации и проведении совместно с РАН ежегодных «Вавиловских», «Менделеевских» чтений, чтений памяти академика РАН И.И. Воровича; об издании ежегодника «Путь к ноосфере», посвященного научному наследию академика В.И. Вернадского.

Все это, образно говоря, звенья одной цепи, ухватившись за которые — повторю старый большевистский тезис — можно вытащить всю цепь. На том, как говорится, стоим.

О.М.: *Спасибо, Александр Владимирович, за интересное интервью. Редакция нашего журнала желает успехов в реализации Ваших планов.*

А.Б.: Успех ректора вуза всегда определяется одним — общими согласованными усилиями всего коллектива. Поэтому победа может быть только общая!

СЛОВО РЕДАКТОРА

НЕЗВАННЫЙ ЭМПИРИЗМ – ХУЖЕ СХОЛАСТИКИ!

О.Ю. МАМЕДОВ

ОСНОВНОЕ внимание отечественных экономистов – если верить материалам научных конференций последних лет – сосредоточено на анализе взаимоотношения экономической теории с экономической политикой и отечественной хозяйственной практикой¹. Поскольку же в этой «триаде» экономисты-теоретики представляют только одно звено, а два других, если сказать правду, им попросту неведомы, то они вынуждены домысливать это взаимоотношение, исходя из выгодной для них трактовки. Выгодная же в переходную

¹ И это – вместо того, чтобы заниматься своим непосредственным делом, т.е. сугубо и только экономической теорией, не обращая внимания на неизбежные зигзаги экономической политики и стяжательские страсти хозяйственной практики; как с гордостью сообщалось в отчете одной именитой конференции, «красной нитью через многие доклады и сообщения проходила мысль об *ответственности* экономистов за современное состояние экономической теории, политики и практики», – каково? Видимо, погубивший советских экономистов «атлантов комплекс» никого и ничему не научил и даже, более того, – горделиво унаследован экономистами эпохи рыночных реформ. В результате уже целое десятилетие эпоха – сама по себе, а обижающиеся на нее экономисты-теоретики – сами по себе. Между тем их реальный союз требует независимости хозяйственной практики от экономической мысли (и, соответственно, экономической мысли – от хозяйственной практики). Любое иное основание такого союза ведет либо к идеологизации экономики (до сих пор не можем оправиться от этого), либо к эмпиризации теории (то, от чего теперь придется так долго избавляться).

эпоху трактовка состоит в бесконечной (по-своему детской) обиде на экономическую политику и отечественную хозяйственную практику, каковые (судя по стонам экономистов-теоретиков) игнорируют создаваемые ими спасительные теоретические конструкции и прикладные рекомендации.

Число рекомендаций возрастает с каждой диссертацией, поскольку по инструкции ВАК каждая диссертация (даже буде посвящена экономике Древнего Рима) должна содержать практические рекомендации. А если еще впасть в доверие к прилагаемым к каждой диссертации справкам о внедрении в практику ее теоретических результатов, то тем более становится необъяснимой обида (более чем десятилетней продолжительности!) экономистов-теоретиков на то, что их-де не слушают и игнорируют.

Между тем хозяйственная практика – самый объективный механизм отбора рекомендаций: она внимает только **эффективным** рекомендациям. Но что прикажете делать этому механизму, если ведущие экономисты-теоретики демонстрируют буквально по всем вопросам диаметрально противоположные позиции, а вузовские ученые знакомы с практикой только в пределах популярных зарубежных учебников?

Не удивительно, что в этой ситуации экономическая теория ни в коей мере не влияет на решения политиков разных уровней (да не прогневает читателя правда). Так, собственно, было всегда, но неустроенность эпохи реформ всегда как-то особо провоцирует на оказание ей скорой «теоретической» помощи.

Экономическая наука современной России стала настолько всеохватно учитывать разнообразные факты, сказывающиеся на экономической практике,

что обоснование ее рекомендаций становится все более **внеконцептуальным (внеэкономическим)**, а исключительно эмпирическим (что, впрочем, выдается за победу здравого смысла и строгого экономико-математического подхода).

Так, самостоятельным и весьма модным направлением становится анализ **субъективно-психологического (?)** фактора в экономических процессах, о чем так прямо и докладывается экономическому сообществу на экономических конференциях. Разрыв с надоевшей всем традицией «объективизма» доходит до того, что экономисты (!), не боясь психологов, сами предлагают «классификацию психологических типов личности в зависимости от субъективного восприятия (каково?) значимости теоретической мысли, политической деятельности и экономической реальности».

Да, много дивного происходит в нашей отечественной экономической науке, но это, пожалуй, заслуживает латинской сентенции – «*neс plus ultra*».

Не менее повышенным спросом среди экономистов пользуются **ответы на «вызовы практики»**. Что это за «вызовы» и почему развитие практики трактуется как «вызов», понятно только «вызываемым». Но вряд ли можно считать конструктивной постоянно конфронтационную трактовку взаимоотношения экономической теории и хозяйственной практики.

Хозяйственная практика всегда и везде развивается по фундаментальным законам экономики. Это – исходная аксиома экономической науки. Отрицание этой аксиомы есть, говоря языком правоведов, «ничтожный вывод» (попросту – вздор).

Другое дело, что незнание экономистами-теоретиками экономических законов превращает развитие хозяйственной практики в некий «вызов» этим эко-

номистам, что они и сами констатируют своей воинственной терминологией. На самом же деле российской хозяйственной практике, пытающейся стать «рыночной», не до амбиций академического сообщества. Ей бы **избежать новой идеологизации** — вот в чем **основной вопрос экономики новой России**.

Рыночная экономика не нуждается в экономической теории — в экономической теории нуждается теория познания².

Степень осознания этой ввергающей отечественных экономистов в уныние очевидности становится тестом уровня их методологической культуры. Удивительно! Упиваясь тончайшими утилитарными нюансами экономикса, многие наши экономисты не хотят признавать его сугубо эмпирическую направленность³.

Хозяйственная практика нуждается в практических, а не теоретических рекомендациях. Вот и давайте ей практические рекомендации, а не изображайте теоретическое «барахтанье» на мелководье: «концептуализировать» расфасовку масла мелкими пачками? Нет уж, увольте...

Но эта «ненужность» для практики повседневного хозяйствования теоретических размышлений вовсе не означает гносеологическую ненужность экономической теории: экономическая тео-

рия — фундаментальный элемент в конструкции рационального самопознания общества, а именно — в познании его экономического устройства⁴.

Торопливое (да что там — просто неприлично торопливое) бегство от марксизма ослабило отечественную экономическую науку. Собственно, свободное владение методологией марксизма (правда, отечественным эмпирикам казавшееся «схоластической казуистикой») было единственным — но могущественным! — конкурентным преимуществом российских экономистов перед зарубежными.

Дремучее методологическое невежество, безбоязненно демонстрируемое на страницах многих монографий и диссертаций, показывает: бывшее преиму-

⁴ Известный специалист по кризисной ситуации в экономической теории В. Полтерович отмечает: «Состояние теории я называю кризисным, если доказано или весьма правдоподобно, что поставленные ею основные задачи не могут быть решены принятыми в теории методами. Современная экономическая теория находится в глубоком кризисе, который, видимо, должен привести к переформулировке ее основных целей и изменению стиля исследований» (Полтерович С.М. Указ. соч.). С этим трудно согласиться — **кризис метода не есть кризис предмета науки**. Великая физика — уж на что подлинно «естественно-научная» дисциплина — и то каждый раз преодолевала кризис ускоренным развитием своего методологического инструментария (и только один раз, в начале XX в., чуть не впала в кому, потеряв на время предмет своего анализа, когда разложила атом на микрочастицы; но как только пришло осознание нового качественного состояния традиционного предмета физического познания, кризис был преодолен). Поэтому лечение методологического (инструментарно-методического?) кризиса рецептом «переформулировки ее основных целей» равносильно появлению новой науки, но если в истории познания от «алхимии» двигались к «химии», то происходящее в экономической теории скорее свидетельствует об инверсионности экономической мысли: от политэкономии («химии») мы движемся к экономиксу («алхимии»).

² Отстаивать позицию вульгарно понимаемой «нужности» экономической теории равнозначно утверждению, что астрономия необходима звездам, — астрономия-то необходима, но не звездам, а людям. Точно так же обстоит дело с экономической теорией — нужна она, конечно, нужна, но — не самой экономике, а ее участникам.

³ В.М. Полтерович приводит следующее прекрасное высказывание Ф. Найта (по П. Хейне): «Самое вредное — это вовсе не невежество, а знание чертовой уймы вещей, которые на самом деле неверны» (Полтерович В.М. Кризис экономической науки // <http://www.cmi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/d9702t/d9702t.htm>).

щество стремительно улечивается, переходя к зарубежным экономистам (которые – не будь дураками – всегда потихоньку питались богатствами Маркова интеллектуального стола)⁵.

Воистину, нет предела разорительной наивности неофитов!

Экономическая наука – это **фундаментальная** концепция.

Экономическая наука – это только и только экономическая **теория**.

Представлять, как сегодня официально принято ВАКовскими документами, экономическую теорию как *одну* (???) из экономических наук – по меньшей мере странно.

Попытка вести экономический анализ вне фундаментальной концепции (а тем более – боясь или не любя ее) обречена на провал. Конечно, незнакомым с экономической наукой «экономистам» апелляция к высокой теории всегда кажется излишней и обременительной. Но это – молодость и невежество. Это – пройдет. А не пройдет – так и погибнут, застряв на рекомендации «шестому отделению лесхоза номер пять».

Экономика – это не производство. Экономика – это социальное состояние производства, это его социальное измерение и движение.

Производственник, ставший «экономистом», совершает интеллектуальный подвиг и усиливается как производ-

ственник, тогда как экономист, ставший «производственником», деградирует и исчезает как экономист⁶.

Экономическая теория подобна экономике – она повторяет ее феномены. Так, знакомясь со многими современными исследованиями, с горечью осознаешь – «закон Коперника–Грешема» имеет силу и для экономической теории: чем легковеснее концепция, тем больше поклонников она собирает. Что ж, объяснимо.

Теоретизирование прагматики – вот что является сегодня «сверхзадачей» многих экономистов. Впрочем, если паспорт «ноль-пятой» специальности ориентирует на специальное изучение (не смейтесь!) **«управленческих проблем теории управления» (08.00.05. – 1.4.)**, то, ей-богу, не грех призвать экономистов заняться **ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРОБЛЕМАМИ ЭКОНОМИКИ!**

Лет двадцать назад В. Шкредов напомнил экономистам о символической классификации наук Френсисом Бэконом, который еще в XIV в. разделил все науки на **«светоносные»** и **«плодоносные»**. Это напоминание как никогда актуально сегодня: **ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ – СВЕТОНОСНАЯ НАУКА**, и в этой «светоносности» (методологичности) – ее плодородность!

⁵ Как верно заключает В. Полтерович (Полтерович С.М. Указ. соч.), «современный стиль теоретизирования в экономике сложился за последние 50 лет», – и этот стиль для фундаментальной экономической теории оказался, по нашему убеждению, малорезультативным. Во всяком случае, в экономической теории пока преобладает «допятидесятилетнее» содержание.

⁶ Удивителен вывод В. Полтеровича: «Если верно, что основная причина (кризиса экономической теории. – О.М.) состоит в отсутствии универсальных экономических законов... то, возможно, выход состоит в принципиально иной организации научного исследования» (Полтерович С.М. Указ. соч.). Трудно согласиться с таким заключением: неужели не ясно, что отсутствие универсальных экономических законов делает бессмысленной **любую** организацию научного исследования!

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: КРИЗИС ИЛИ ОБНОВЛЕНИЕ

О КРИЗИСЕ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В.Л. ТАМБОВЦЕВ

доктор экономических наук, профессор,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

ОБСУЖДЕНИЕ темы кризиса в экономической науке¹ в течение нескольких последних десятилетий представляет собой, насколько можно судить по публикациям, конференциям и частному общению с коллегами, достаточно вялотекущий процесс, локальные максимумы интенсивности которого определяются сугубо случайными и субъективными причинами. Среди таких причин могут быть публикации отдельных критических работ, стремление какой-либо возникшей научной «команды» самоутвердиться в научном сообществе и т.п. Другими словами, в течение этих последних десятилетий в широко понимаемой экономической науке не произошло, по нашему мнению, ничего такого, что дало бы объективные основания для утверждения о необходимости решительной смены точки зрения на экономическую науку — ее предмет, используемые методы, достоверность и обоснованность полученных результатов.

Разумеется, в течение названного промежутка времени появилось достаточно много новых «локальных» экономических теорий и концепций (см. динамику награждений исследователей премией имени Нобеля), однако их ха-

¹ Вместо термина «экономическая наука» в этом тексте вполне можно было бы использовать термин «экономическая теория». Однако, с нашей точки зрения, экономических теорий много, а экономическая наука — одна (хотя, возможно, она и не едина). Поэтому будем говорить именно об экономической науке, несмотря на внутреннее разнообразие тех концепций и конструкций, которые ее составляют и сосуществуют в ней.

рактерной чертой было не «глобальное» отрицание предшествующих воззрений на соответствующий предмет, а естественно уточнение и развитие этих воззрений, которое неизбежно включало элементы отрицания, но не отбрасывало полностью ранних достижений.

Конечно, это во многом вопрос терминологии — считать ли (и называть) такие «уточнения-отрицания» кризисами или нет, однако кризис в науке (а не в отдельной теории, входящей в состав науки), как свидетельствует науковедческая литература, — нечто иное, чем некоторые трудности, регулярно испытываемые в изучении какой-либо предметной области и преодолеваемые развитием понятийного и методического аппарата. Кризис в науке — это такие трудности в описании, объяснении и предсказании поведения предметной области и отдельных объектов и процессов внутри нее, которые *не преодолеваются* путем усовершенствований, являющихся естественным развитием концептуального базиса этой науки.

Иными словами, кризис в науке возникает тогда, когда пополнение знаний о ее предмете приводит исследователей к выводу о том, что в исходных и ставших общепринятыми объяснительных конструкциях была когда-то допущена «большая ошибка», поскольку упомянутые выше естественные усовершенствования не приводят к улучшениям в понимании того, как устроен и как живет исследуемая предметная область.

Приходящий на ум пример такого кризиса науки — ситуация, сложившаяся в алхимии несколько сот лет назад, когда тщетные усилия преобразовать одни элементы в другие, используя химические реакции, т.е. взаимодействия между элементами, неуклонно приводили к неудачам. Разрешением этого кризиса, как известно, стало появление химии как науки, принявшей за исходный постулат неизменность элементов посредством химических реакций. Такая

смена базовой объяснительной конструкции означала — и это очень важно подчеркнуть — и смену тех *вопросов*, которые исследователи задавали в рамках изучаемой области.

Как представляется, именно *изменение вопросов*, которые ставятся исследователями по отношению к предметной области науки, является наиболее ясным наблюдаемым индикатором произошедшей смены парадигм, в рамках которых эта область изучается наукой. И наоборот, *постоянство вопросов* при изменении ответов на них — столь же ясный индикатор поступательного развития науки, последовательно уточняющей представления об устройстве предметной области.

Если с этих позиций² взглянуть на происходившее в экономической науке в течение упоминавшихся последних десятилетий, становится совершенно ясным, что *кризис в ней* как в науке *не наблюдается*. Безусловно, имели и имеют место много разных локальных кризисов, меняющих ответы на стандартные вопросы применительно к разным фрагментам предметной области экономической науки, но чего-то, что бы заставило изменить общие представления о ее предмете, за указанный период не происходило.

Почему же тогда упомянутый в начале этих заметок вялотекущий процесс обсуждения темы кризиса все-таки течет? Почему он, с большей или меньшей степенью энтузиазма, все же поддерживается научным сообществом (помимо названных субъективных причин)?

Конечно, эти вопросы на самом деле риторические: ответ хорошо известен. В основе темы кризиса лежит громко заявляемая представителями неортодоксальных школ и течений неудовлетворенность *методологическими предпосылками* неоклассической теории, ко-

² Подробное их изложение представлено в монографии: Тамбовцев В.Л. Исследования по метаэкономике. М.: ТЕИС, 1998.

торые также хорошо известны, и потому их нет необходимости воспроизводить здесь. Казалось бы, вопрос о критике предпосылок давно, еще в начале 1950-х гг., «закрит» доктриной М. Фридмена, однако жизнь показывает, что именно этот ответ и не удовлетворяет критиков-гетеродоксов. Более того, он не очень удовлетворяет и тех экономистов-теоретиков вполне ортодоксального толка, кому интересны задачи не только предсказания, но и объяснения, кто считает, что чисто феноменологические конструкции, сколь бы ни были они хороши в предсказательной функции, вовсе не обязательно являются такими же и в объяснительной функции. А предсказания без объяснения, причем объяснения субъективно убедительного, не представляются человеку надежными, т.е. удовлетворительными в чисто практическом плане.

Поэтому, с нашей точки зрения, доктрина Фридмена и занимает в практической жизни экономической теории, тесно связанной с неоклассическим подходом, место, сравнимое с местом английской королевы в политической жизни Великобритании.

Так что вопрос о предпосылках (их реалистичности, адекватности и т.п.) *на деле* занимает исследователей (во всяком случае, часть из них), заставляя их откликаться на упомянутую методологическую критику. При этом важно, разумеется, *содержание* подобных откликов: если оно заключается в разработке уточненных моделей, сочетающих приближенные к жизни предпосылки с более полными объяснениями и более точными или детальными предсказаниями, то, как это ни парадоксально звучит, методологическая критика становится *продуктивной*! Однако продуктивность ее заключается не в том, что критикуемые начинают каяться в грехах и становятся гетеродоксами, а в том, что она способствует развитию критикуемого ортодоксального направления.

Этому, конечно, можно возразить на том основании, что серьезные исследователи, продвигающие ортодоксальную теорию, чаще всего просто не читают методологически-критические статьи, так что никакого прямого отклика на критику предпосылок их собственные продуктивные исследования не представляют. Разумеется, это так, но речь идет не о прямом, а о косвенном влиянии: представления о неадекватности предпосылок неоклассической теории весьма широко распространены в среде работающих теоретиков (а не только профессиональных методологов-критиков).

Аналогичный характер (причины возникновения) имеет и феномен позитивного воздействия *содержания* гетеродоксных экономических теорий на развитие ортодоксии. Дело в том, что первые зачастую *привлекают внимание* к явлениям экономической жизни, не находящим какого-либо объяснения (и даже учета) в рамках неоклассики. Правда, такое выделение и подчеркивание сопровождается обвинениями в том, что «неоклассика не может... не учитывает...» и т.п., но сухой остаток заключается именно в факте привлечения внимания к явлению, процессу или фактору. Рано или поздно соответствующий феномен становится объектом исследования неоклассики, инкорпорируясь в ее состав. Правда, соответствующее отображение обычно оказывается неполным и неточным, однако расширение корпуса теории все же происходит.

Множество примеров подобного взаимодействия в течение последних десятилетий представляет такая сфера экономической науки, как изучение различных институтов и близких к ним явлений. Начавшись как чистое «рассказывание историй» в работах Веблена, ставши предметом широкого политического интереса в период работы Коммонса, данное направление трансформировалось во вполне «респектабель-

ную» новую институциональную экономическую теорию, а в форме теории контрактов — во вполне законную часть микроэкономики.

Правда, на этом пути исходная концепция понесла серьезные потери: емкое, многогранное, но весьма расплывчатое понятие института у Веблена в рамках теории контрактов выродилось в пару чисел, передающую лишь малую толику исходного смысла понятия института.

Для профессиональных критиков неоклассики очерченная «эволюция» — лишнее подтверждение обреченности этой теории, лишнее доказательство ее «анти-мидасовской» природы. Но так ли это? Представляется, что в исследовательской, как и во всякой человеческой деятельности, ее субъекты явно или неявно, осознанно или неосознанно, но выбирают некоторый баланс между тщательностью действий и объемом усилий — и ценностью ожидаемого и/или получаемого результата.

Детальное и подробное словесное описание института, не сведенное к более или менее упрощенной формальной модели, не позволяет выполнить соответствующей «разговорной» теории одну из важнейших функций теории — функцию предсказания. Если что-то и предсказывается удачно, то скорее как проявление *интуиции и искусства* исследователя, а отнюдь не в результате осуществления рутинного, алгоритмизированного процесса логического вывода. Следовательно, результат такого предсказания становится невоспроизводимым, а значит, нарушается одно из базовых требований к *научности* соответствующего мыслительного процесса.

Таким образом, выбор между формальными, упрощающими моделями и сложным вербальным описанием экономической реальности представляется *ложным* выбором. Ни один из этих путей не в состоянии привести к полноценным научным результатам. Как всегда, предпочтение разумно отдавать

синтетическому подходу, нацеленному на обеспечение продуктивного сочетания адекватного качественного описания и анализа с формализацией, дающей возможность регулярного (т.е. не слишком зависящего от искусства) выдвижения и проверки гипотез.

И здесь мы сталкиваемся с действительно ключевым и критическим моментом современного состояния экономической теории: неразвитостью (точнее, неадекватной развитостью) ее изобразительных средств, т.е. методов измерения, с одной стороны, и математических структур — с другой. В результате те феномены, которые удовлетворительно описываются *словесно, не преобразуются без ощутимых потерь содержания и качества в модели*, позволяющие логически выводить из них проверяемые следствия.

Например, из всего разнообразия возможных способов формализованного описания институтов наиболее естественным является алгоритмический способ. Однако развитая «алгебра алгоритмов», насколько нам известно, в настоящее время отсутствует. Тем самым, если мы переведем вербальное описание института в формализованный алгоритм, мы не совершим операцию, которая позволит получать из такого описания новые проверяемые гипотезы, т.е. новое знание; стало быть, само формализованное алгоритмическое описание окажется не исследовательской моделью, а в лучшем случае дидактическим приемом, полезным для запоминания студентами основных компонентов института и логики их взаимодействия.

Но означает ли сказанное, что кризис в экономической науке все-таки налицо? Конечно, нет: очерченные трудности — это нормальный компонент нормального исследовательского процесса. Поэтому, как представляется, продуктивнее не обсуждать несуществующий (пока?) кризис, а заниматься конструктивной исследовательской работой.

**ПОСТКЕЙНСИАНСТВО +
ТРАДИЦИОННЫЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ =
ЦЕЛОСТНАЯ
РЕАЛИСТИЧНАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ XXI ВЕКА**

И.В. РОЗМАЙНСКИЙ

кандидат экономических наук, кафедра
экономики Санкт-Петербургского филиа-
ла Государственного университета —
Высшей школы экономики

НИ ДЛЯ КОГО не секрет, что кризис современной экономической науки связан с доминированием в ней неоклассической парадигмы. Нереалистичность предпосылок, лежащих в основе неоклассического подхода — вот где следует искать фундаментальные причины неадекватности многих моделей и рекомендаций в области экономической политики.

Однако при всех своих недостатках неоклассический подход обладает по меньшей мере одним очень важным преимуществом — целостностью. Неоклассическая теория представляет собой целостный, универсальный подход к исследованию не только подавляющего большинства экономических проблем, но также и ряда вопросов, выходящих за рамки «хозяйства», таких как заключение брака и рождение детей, «преступления и наказания», а также посещение церквей, участие в политической деятельности, совершение самоубийств и т.д.

Альтернативные же теории, при всей реалистичности предпосылок, лежащих в их основе, не способны дать такого целостного взгляда не то что на окружающий человека мир, но даже на «хозяйство». В этом состоит одна из важнейших причин того, почему разнообразные марксисты, кейнсианцы, институционалисты, эволюционисты и тому подобные «маргиналы» научного мира не смогли «сбросить с пьедестала» неоклассическое учение.

Цель данной работы заключается в очерчивании контуров теории, которая была бы одновременно и целостной, и реалистичной альтернативой неоклассическому подходу. Для этого в статье предлагается синтезировать подходы двух, на наш взгляд, наиболее перспективных «еретических» направлений экономической мысли ушедшего века — традиционного институционализма и

посткейнсианства. Мы покажем, что по фундаментальным методологическим и теоретическим вопросам взгляды как традиционных институционалистов, так и посткейнсианцев в значительной мере совпадают (и противоречат неоклассикам)¹. Но не это главное. Главное заключается в том, что их подходы отлично дополняют друг друга. И именно благодаря такому взаимному дополнению возникает шанс создания целостной реалистичной экономической теории — теории XXI в. При этом мы вовсе не утверждаем, что традиционный институционализм и посткейнсианство, взятые в отдельности, «неполноценны». Однако, возможно, чрезмерная замкнутость на своих идеях помешала представителям этих школ «раскрутиться» (да простят читатели использование этого словечка из мира шоу-бизнеса!) настолько, чтобы стать мощной альтернативой неоклассической парадигме.

Начнем мы нашу попытку «творческого синтеза», естественно, с рассмотрения самых фундаментальных вопросов.

I. ТРАКТОВКА ПРИРОДЫ МИРА И ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

Каков мир, т.е. окружающая среда, с которой «имеют дело» экономические субъекты? Каковы сами эти субъекты? На наш взгляд, ответы на эти фундаментальные методологические вопросы служат едва ли не главным критерием, по которому расходятся между собой разнобразные экономические теории. Бо-

лее того, отвечая на указанные вопросы, мы во многом предопределяем «характер» нашей экономической теории, т.е. взаимосвязи между интересующими нас переменными, и делаемые выводы.

С одной стороны, неоклассики утверждают, что человек обладает неограниченными познавательными способностями и, соответственно, в состоянии обрабатывать безграничное количество информации. С другой стороны, мир характеризуется *эргодичностью*. Это означает, что его прошлое, настоящее и будущее могут быть описаны одной и той же функцией вероятностных распределений². По сути, время сводится к пространству, в том смысле, что возможны движения из одного состояния времени (места пространства) в другое в любых направлениях. Отсюда следует, в частности, что, во-первых, прошлое не сковывает людей тяжкими оковами необратимости. Во-вторых, люди могут предсказывать будущее — либо «напрямую», либо используя методы теории вероятности. При этом, естественно, если люди могут легко обработать безграничное количество данных, с доступностью (и сложностью) которых проблем не возникает, то, скорее всего, они будут этим заниматься для того, чтобы принимать наиболее выгодные для них решения. А это означает, что люди всегда ведут себя полностью рационально, т.е. оптимизирующим образом.

Ничего удивительного нет в том, что неоклассики приходят к идее равновесия на всех уровнях анализа, и в частности к идее о том, что свободная рыночная экономика склонна самостоятельно обеспечивать полную занятость без инфляции и с устойчивым сбалансированным экономическим ростом. Было бы странно ожидать чего-либо иного от экономики, в которой люди-«оптимизаторы» в состоянии обработать сколь угодно много информации, касающейся

¹ Идея о схожести подходов традиционных институционалистов и посткейнсианцев высказывалась уже многократно [3; 11; 13; 22; 23; 26; 28]. Иногда можно встретить утверждение о том, что посткейнсианство представляет собой применение институционального подхода в макроэкономической и финансовой сферах. В определенной мере это, по-видимому, действительно так. А Дж. Кротти [16, р. 129] отмечал, что «макротеория Кейнса базируется на институционалистской методологии».

² Об этом неоднократно писал П. Дэвидсон [17; 18; 19].

мира, в котором прошлое, настоящее и будущее онтологически не отличаются друг от друга (подобно тому, как не отличаются друг от друга, допустим, Москва, Санкт-Петербург и Воронеж). Именно здесь, в этих предпосылках, следует искать причины того, почему И. Фишер и Д. Робертсон, М. Фридман и Р.Э. Лукас приходили к таким оптимистичным выводам относительно способности рыночной экономики к «стабильному процветанию».

С другой стороны, и традиционных институционалистов, и посткейнсианцев характеризует и объединяет трактовка природы мира и природы человека как «несовершенных», хотя это «несовершенство» понималось ими несколько по-разному.

Для традиционных институционалистов характерно прежде всего категорическое несогласие с тем, что человек — это «калькулятор, мгновенно вычисляющий удовольствие и боль»³. Люди обладают ограниченными познавательными способностями, и даже если информация достается им без затрат, существуют особые психологические *издержки принятия решений*⁴.

Но это «даже если» не работает: поиск информации также требует издержек (позднее это признали и сами неоклассики, но они решили данную проблему естественным для них «оптимизирующим» образом⁵). Ведь часто происходит так, что информация либо труднодоступна, либо, наоборот, ее слишком много. А нередко она чрезмерно сложна. Во всех подобных случаях возникают *информационные издержки*.

³ Эта крылатая фраза основоположника традиционного институционализма Т. Веблена содержится в его пионерной статье [33, р. 389].

⁴ Об этом первым написал, по-видимому, Дж.М. Кларк [30].

⁵ Имеется в виду теория поиска информации, предложенная Дж. Стиглером и раскритикованная С. Уинтером и другими «альтернативными» экономистами.

Сочетание всех этих аспектов приводит к тому, что люди не в состоянии использовать всю имеющуюся информацию для принятия оптимальных решений. Полностью рациональное поведение оказывается невозможным (здесь еще нужно учитывать, что сама рациональность является нормой поведения, формирующейся эволюционным путем, см. раздел III настоящей статьи). Поэтому главенствуют такие принципы поведения, как ориентация на удовлетворительный результат и следование привычкам (а также рутинам)⁶. Естественно, применяя такие поведенческие принципы, люди приходят к результатам, совершенно отличным от тех, к которым приходят «оптимизаторы».

Для посткейнсианцев центральную роль играет акцент на фундаментальной *неопределенности будущего*. Будущее не только неопределенно, но и *непознаваемо*, поскольку *значительная часть информации*, касающейся этого самого будущего, *еще не создана*⁷. Отсюда следует, что в ходе принятия решений, в которых важную роль играют предположения по поводу будущего, люди онтологически не могут получить необходимую информацию. Соответственно, они никоим образом не могут вести себя как «оптимизаторы». На первый план выходят эмоции. Важнейшим поведенческим принципом для выбора в условиях фундаментальной неопределенности буду-

⁶ О следовании привычкам писали и Т. Веблен, и У.К. Митчелл, и Дж.М. Кларк; об «ограниченно рациональном» поведении, ориентированном на удовлетворительный результат, писали двое последних из названных экономистов [1; 30].

⁷ См. работы Дж.М. Кейнса [4; 5], Дж. Шэкля [31; 32], П. Дэвидсона [17; 18; 19], Д. Дэкуэча [20; 21]. В целом посткейнсианцы говорят об историческом времени, в котором возможно только движение из прошлого в будущее: т.е. прошлое необратимо, а будущее неопределенно. Здесь между прошлым, настоящим и будущим существуют онтологические различия [13].

щего оказывается «жизнерадостность» [animal spirits], т.е. «спонтанный оптимизм», «природное желание действовать»⁸. Другой принцип — ориентация на среднее мнение, смысл которой — в том, что массовое поведение оказывается заменителем знаний⁹.

Естественно, человек, который, к примеру, принимает решения по поводу инвестиций в основной капитал на основании «спонтанного оптимизма» или поведения прочих хозяйствующих субъектов, не придет к результатам, полученным тем, кто сопоставлял предельную производительность капитала со ставкой процента, перебрав при этом всю массу возможных вариантов вложения средств.

Очевидно, что при всем различии акцентов институционалистов и посткейнсианцев (первые фокусируют внимание на масштабности и сложности информации, вторые — на неопределенности будущего, первые подчеркивают роль привычек, вторые — роль эмоций) их объединяет неприятие неоклассического нереалистического видения человека как бесстрастной счетной машины и мира как информационной среды без недостатка, избытка или сложности данных. Иными словами, традиционные институционалисты и посткейнсианцы трактуют природу мира и природу человека реалистично (хозяйствующие субъекты, сталкиваясь со сложным миром, допускают ошибки и принимают неверные решения, и, естественно, вследствие этого сам мир проще не становится). Но также очевидно, что объединение их подходов позволит дать более богатое описание реального поведения людей в реальном мире и сделать «ответ неоклассикам» более целостным.

⁸ Подробнее см. гл. 12 из opus magnum Дж.М. Кейнса [4].

⁹ После Дж.М. Кейнса эти идеи развивали Э. Лоусон [24] и Дж. Кротти [16]. См. также: [9].

II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ ПРОТИВ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ХОЛИЗМА

Что важнее: часть или целое? Это тоже фундаментальный вопрос, хотя ответ на него отчасти связан с тем, как были решены проблемы, поставленные выше.

Известно, что неоклассики исходят из методологического индивидуализма: зная, как «ведет себя» часть, мы понимаем, как «ведет себя» целое. Закономерности поведения отдельного хозяйствующего субъекта распространяются на поведение всей экономической системы. Такой тезис отчасти обусловлен представлением о людях как об «оптимизаторах». Если два полностью рациональных индивида смогли, к примеру, выбрать такую точку на контрактной кривой, которая полностью устраивает их обоих, то почему этого не сделают все остальные, раз проблем со сбором и обработкой информацией не возникает? Ведь у людей имеются безграничные познавательные способности!

Традиционные институционалисты и посткейнсианцы исходят из методологического холизма: «целое больше, чем сумма его частей» (и здесь они даже более едины, чем в предыдущем пункте). Этот тезис во многом обусловлен пессимистичной трактовкой природы человека и природы мира (естественно, эта «пессимистичность» имеет место лишь по сравнению с неоклассическим подходом!). Дело в том, что для преодоления несовершенства природы мира и человеческой природы приходится формировать определенные *социальные нормы и институты*. Из-за этого каждый отдельно взятый человек не является автономным индивидом, действующим независимо от остальных индивидов и системы в целом. И на цели человека, и на средства их достижения оказывают влияние нормы и поведение других людей и общества в целом¹⁰.

¹⁰ Еще Б. Гильдебранд писал о том, что «человек как существо общественное есть

В принципе один из примеров уже был нами рассмотрен. Этот пример — ориентация на среднее мнение. Делаемый инвестором выбор варианта вложения средств оказывается побочным продуктом массового поведения. Глубинная причина этого — фундаментальная неопределенность будущего и невозможность вести себя оптимизирующим образом в таких условиях.

Но возможны и другие примеры. Вообще говоря, человек, имеющий ограниченные познавательные способности и живущий в мире, характеризующемся необратимостью прошлого и неопределенностью будущего, не может не чувствовать себя незащищенным, если функционирует «сам по себе». Поэтому люди стремятся быть частью отдельных социальных групп и общества в целом. Но для этого приходится подчиняться нормам этих «коллективов». Отсюда следует большая значимость группового и массового поведения. Напрашивающийся пример — поведение в соответствии с эффектом Веблена и прочими эффектами, предполагающими «внешние воздействия на полезность»¹¹.

Кроме того, последствия принятия решения одним человеком могут сказаться не только на нем, но и на прочих субъектах и системе в целом. При этом результаты влияния действий данного индивида на его благосостояние и на благосостояние общества могут оказаться со-

прежде всего продукт цивилизации и истории, и... его потребности, его образование и его отношения к вещественным ценностям, равно как и к людям, никогда не остаются одни и те же, и географически и исторически непрерывно изменяются и развиваются вместе со всей образованностью человечества» [2, с. 19]. Как известно, немецкая историческая школа, представителем которой, в частности, был Б. Гильдебранд, сильно повлияла на традиционных институционалистов.

¹¹ См. классическую работу Х. Лейбенштайна [6], а также *opus magnum* самого Т. Веблена [1].

вершенно разными. Здесь хрестоматийным примером является описанный Дж.М. Кейнсом парадокс бережливости. Впрочем, этот аспект не есть следствие вышеописанной «неортодоксальной» трактовки природы мира и природы человека, а просто продукт реализма (хотя тот же самый реализм как раз и приводит к «еретическому» пониманию мира и человека).

В целом же, отказ от идеи оптимизирующего поведения и отказ от методологического индивидуализма идут «рука об руку». И то и другое необходимо для получения реалистичной экономической теории.

III. РОЛЬ ДЕНЕГ

Являются ли деньги примером одного из важнейших социальных институтов? Или они всего лишь средство обращения, «техническое удобство», используемое для облегчения обменных операций? И вообще, различаются ли чем-либо принципы функционирования денежной и неденежной экономик?

Ответы на эти вопросы служат еще одним критерием для разграничения между экономическими теориями. И по этому аспекту традиционные институционалисты и посткейнсианцы выступают против неоклассиков, причем, опять-таки, если и не единым фронтом, то фронтом, «поддающимся объединению».

Неоклассики дают утвердительный ответ на второй из вопросов, поставленных в этом разделе, и отрицательный ответ на третий вопрос. Традиция такой трактовки идет еще от классиков, в частности от Дж.С. Милля¹². Дело в том, что если деньги — всего лишь средство обращения, то они не будут влиять

¹² Дж.С. Милль писал: «Короче говоря, вряд ли можно отыскать в общественном хозяйстве вещь более незначительную по своей важности, чем деньги, если не касаться при этом способа, которым экономятся время и труд» [7, с. 234].

на поведение людей. А значит, нет оснований рассчитывать на различия между денежной и неденежной экономикой. В любой экономике люди ведут себя полностью рационально и достигают равновесных, т.е. оптимальных для себя результатов¹³.

Традиционные институционалисты и посткейнсианцы, как нетрудно догадаться, дают противоположную неоклассикам трактовку. Денежная и неденежная экономики функционируют по-разному, поскольку существование денег оказывает огромное влияние на человеческое поведение.

Прежде всего, с институциональной точки зрения, появление и распространение денежных форм расчета побуждает людей быть более расчетливыми, т.е. рациональными. Рациональность — это не имманентная характеристика человека, а, в значительной мере, продукт экономической и институциональной эволюции, и в частности формирования системы денежного обращения¹⁴. Кроме того, денежные расчеты приводят к тому, что мотив получения прибыли оказывается ведущим принципом производственной деятельности. В результате наблюдаются колебания прибыли, связанные с тем, что огромное количество факторов разнообразно и непредсказуемо влияет на этот показатель. А отсюда — основания для делового цикла, т.е. для макроэкономической нестабильности, присущей денежным экономикам в отличие от неденежных¹⁵.

К связи нестабильности и денег можно прийти и через посткейнсиан-

ский путь рассуждений. Посткейнсианцы уделяют гораздо более глубокое внимание *причинам появления денег*. Деньги возникают в экономике для снижения степени неопределенности будущего, оказываясь средством урегулирования форвардных контрактных обязательств. Без денег не может существовать контрактная система, которая призвана упорядочить отношения между людьми в мире фундаментальной неопределенности. Поэтому посткейнсианцы определяют денежную экономику как экономику, основанную на использовании форвардных контрактов¹⁶. Однако создание денег не влечет за собой увеличения реального ВВП и занятости. Поэтому, когда хозяйствующие субъекты изменяют структуру вложений своих средств, сокращая спрос на основной капитал и увеличивая спрос на деньги, и наоборот, то происходит деловой цикл (его амплитуда может увеличиться, если применяется внешнее финансирование инвестиций¹⁷). Вот почему в денежной экономике могут возникнуть такие серьезные проблемы с нестабильностью, которые не представимы применительно к неденежному хозяйству.

В целом из вышеприведенных рассуждений следует, что посткейнсианский и институциональный подходы к деньгам удачно дополняют друг друга и позволяют приобрести более полноценный «альтернативный» взгляд на этот социальный феномен.

IV. РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Отношение к роли государства рассматриваемых здесь школ экономической мысли общеизвестно. Неоклассики — «против» государства, а точнее, против его вмешательства в экономику (естественно, с огромным количеством оговорок насчет регулирования внеш-

¹³ В неоклассических моделях генезиса денег появление последних выводится из логики оптимизирующего поведения хозяйствующих субъектов [11; 14; 27].

¹⁴ Об этом впервые написал У.К. Митчелл [30]. Мы однажды попытались создать нечто вроде «общей теории нерациональности поведения», выделив факторы, влияющие на степень рациональности [12].

¹⁵ Эта идея также была выдвинута У.К. Митчеллом [8].

¹⁶ См. работу Ф. Карвальо [15].

¹⁷ См. «гипотезу финансовой хрупкости» [10; 25].

них эффектов, производства общественных благ и т.д.), а их противники — «за». Но здесь важно понять, с чем связаны такие различия. Думается, что вышеприведенный анализ позволяет четко это объяснить.

Разве нужно государство в мире, в котором прошлое обратимо, будущее познаваемо, а люди имеют неограниченные познавательные способности? Такой мир и без государства придет к устойчивому равновесию с полной занятостью, без инфляции и т.д.

С другой стороны, разве можно обойтись без государства в мире с необратимым прошлым и непознаваемым будущим, в мире, в котором «правят бал» несовершенные социальные нормы и действуют несовершенные люди, руководствующиеся привычками, спонтанным оптимизмом/пессимизмом и массовым поведением?

Главная идея, выдвигаемая в настоящей статье, состоит в том, что у экономистов, недовольных неоклассическим подходом, есть возможности создания целостной альтернативной теории, базирующейся на реалистичных предпосылках. Для этого нужно синтезировать подходы традиционных институционалистов и посткейнсианцев, подходы, которые в значительной мере дополняют друг друга. Мы попытались показать, что представители этих двух школ экономической мысли дают примерно одинаковые ответы на фундаментальные экономические вопросы, но при этом делают акценты на разных частных аспектах. Из-за этого, на наш взгляд, многие экономисты неадекватно воспринимают указанные школы экономической мысли. Так, традиционных институционалистов часто трактуют просто как критиков идеи оптимизирующего поведения, не сумевших предложить какой-либо адекватной теории функционирования экономики и ее динамики; тогда как посткейнсианцев упрекают за не-

внимание к поведенческим проблемам и чрезмерную сосредоточенность на взаимодействиях нескольких агрегированных переменных. На самом деле все это — стереотипы, приводящие к заблуждениям. С одной стороны, у Т. Веблена, У.К. Митчелла и Дж.М. Кларка были довольно продуманные теории экономической динамики¹⁸. С другой стороны, Дж.М. Кейнс, а позднее П. Дэвидсон и некоторые другие посткейнсианцы уделяли большое внимание анализу принципов человеческого поведения¹⁹.

Но в принципе отчасти верен тезис, согласно которому посткейнсианцы делают больший акцент на аспектах макроэкономической и финансовой нестабильности, а традиционные институционалисты — на привычках и прочих аспектах ограниченно рационального и нерационального поведения хозяйствующих субъектов. Что ж, вполне логично соединить эти подходы. В общем, мы полагаем, что перспективы создания целостной экономической теории, альтернативной неоклассическому подходу, вполне реальны²⁰.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.
2. Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. СПб., 1860.
3. Гурова И.П. Конкурирующие экономические теории. Ульяновск: УлГУ, 1998.
4. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Прогресс, 1978.
5. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости // Истоки. Вып. 3. 1998. С. 280–292.
6. Лейбенштейн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Вехи экономической мысли. Т. 1.

¹⁸ См. [8; 29; 30].

¹⁹ См. [4; 5; 15; 19].

²⁰ Уже упоминавшаяся выше «общая теория нерациональности поведения» [12] была сформулирована нами как исследование в духе синтеза традиционного институционализма и посткейнсианства.

- Теория потребительского поведения и спроса. С. 304–325.
7. *Милль Дж.С.* Основы политической экономики. Т. 2. М.: Прогресс, 1981.
8. *Митчелл У.К.* Экономические циклы: проблема и ее постановка. М.; Л., 1930.
9. *Розмаинский И.В.* «Конвенциональная теория ожиданий»: ее вызов теории рациональных ожиданий // Вестник СПбГУ. Сер. 5 (Экон.). 1996. Вып. 2 (№ 12). С. 114–118.
10. *Розмаинский И.В.* Хаймен Филип Мински (1919–1996): вклад в экономическую теорию // Семинар молодых экономистов. Вып. 2. 1997. Ноябрь. С. 50–61.
11. *Розмаинский И.В.* Соотношение между денежной и бартерной экономикой: институционалисты и посткейнсианцы против неоклассиков // Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 427–446.
12. *Розмаинский И.В.* На пути к общей теории нерациональности поведения хозяйствующих субъектов // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 1. № 1. 2003. С. 86–99.
13. *Скоробогатов А.С.* Экономические институты и деловой цикл: посткейнсианский подход: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2002.
14. *Brunner K., Meltzer A.* The Uses of Money: Money in the Theory of An Exchange Economy // American Economic Review. December. 1971. P. 787–799.
15. *Carvalho F.J.C.* Mr. Keynes and Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for A Monetary Production Economy. Aldershot: Edward Elgar, 1992.
16. *Crotty J.* Are Keynesian Uncertainty and Macrotheory Compatible? Conventional Decision Making, Institutional Structures, and Conditional Stability in Keynesian Macromodels // New Perspectives in Monetary Macroeconomics. Explorations in the Traditions of Hyman Minsky / Ed. by G. Dymski, R. Pollin. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1994. P. 105–142.
17. *Davidson P.* A Post-Keynesian View of Theories and Causes for High Real Interest Rates // Post-Keynesian Monetary Economics: New Approaches to Financial Modelling / Ed. by P. Arestis. Aldershot: Edward Elgar, 1988. P. 152–182.
18. *Davidson P.* Post Keynesian Macroeconomic Theory. L.: Edward Elgar, 1994.
19. *Davidson P.* Reality and Economic Theory // Journal of Post Keynesian Economics. Vol. 18 (4). 1996. P. 479–508.
20. *Dequech D.* Asset Choice, Liquidity Preference and Rationality under Uncertainty // Journal of Economic Issues. Vol. 34 (1). 2000. P. 159–176
21. *Dequech D.* Fundamental Uncertainty and Ambiguity // Eastern Economic Journal. Vol. 26 (1). 2000. P. 41–60
22. *Dillard D.* A Monetary Theory of Production: Keynes and Institutionalists // Journal of Economic Issues. 1980. June. P. 255–273.
23. *Hodhson G.* Post-Keynesianism and Institutionalism: the Missing Link // New Directions in Post-Keynesian Economics / Ed. by J. Pheby. Aldershot: Edward Elgar, 1989. P. 94–123.
24. *Lawson T.* Uncertainty and Economic Analysis // Economic Journal. Vol. 95. December. 1985. P. 909–927.
25. *Minsky H.P.* Stabilizing An Unstable Economy. L.: Yale University Press, 1986.
26. *Mouhammed A.H.* Veblen and Keynes: on the Economic Theory of the Capitalist Economy // Journal of Institutional and Theoretical Economics. Vol. 155. 1999. P. 594–609.
27. *Niehans J.* Money and Barter in General Equilibrium with Transaction Costs // American Economic Review. December. 1971. P. 773–783.
28. *Peterson W.* Institutionalism, Keynes and the Real World // Journal of Economic Issues. June 1977. P. 201–221.
29. *Raines J.P., Leathers C.G.* Economists and the Stock Market: Speculative Theories of Stock Market Fluctuations. Cheltenham: Edward Elgar, 2000.
30. *Rutherford M.* Institutions in Economics. The Old and the New Institutionalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
31. *Shackle G.L.S.* Expectations and Employment // Economic Journal. Vol. 49. September. 1939. P. 442–452.
32. *Shackle G.L.S.* Keynesian Kaleidics. The Evolution of A General Political Economy. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1974.
33. *Veblen T.* Why Is Economics Not An Evolutionary Science? // Quarterly Journal of Economics. July. 1898. P. 373–397.

ПРОВАЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО ПУТИ РАЗВИТИЯ

В.В. ВОЛЬЧИК

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории Ростовского государственного университета

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ортодоксия, или экономика «мэйнстрима», преуспела не только в объяснении и предсказании экономических явлений, но и в оттеснении на периферию научного знания или вовсе за пределы науки так называемых неортодоксальных теорий. В свою очередь, многие неортодоксальные теории, пытаясь выжить и сохранить свое место в науке, дрейфуют в сторону неоклассики, «обогащая» ее новыми идеями и расширяя ее предметную область. Налицо несовершенная конкуренция идей в экономической науке, где явное доминирующее положение занимает неоклассическая экономическая теория.

В данной статье предпринимается попытка на примере двух неортодоксальных течений — неозволюционной экономики и австрийской школы — показать возможности преодоления провалов экономической теории в ее мэйнстримовском варианте. Из этого совершенно не следует, что указанные неортодоксальные направления в экономической науке могут быть объединены в рамках одного исследовательского подхода. Просто они являются одними из ярчайших иллюстраций провалов неоклассической экономической теории, которая зачастую не может достигнуть оптимальных результатов по объяснению и предсказанию экономических явлений вследствие своего монопольного положения и, следовательно, присущих ему потерь от монополизации рынка идей и научного инструментария для исследований.

Примечательно, что господствующий в неоклассике позитивизм порождает явления, которые также являются эффектом от монополизации прав на «научность». Поэтому заметна особенность всех образчиков «позитивного» экономического анализа — это их единый формат. После вводной части типичной

работы в русле позитивной экономической теории следует раздел, названный «Модель» или как-нибудь в этом роде. Затем следует раздел, озаглавленный, например, «Эмпирические результаты». И все это подытоживают «Выводы». Напрашивается вопрос: почему фактически все позитивистские статьи так явно следуют единому формату? Не является ли единообразие *единственным* достижением экономического позитивизма [2, с. 118]?

Однородность экономической науки несет в себе столько же полезного для развития нашего знания о хозяйственных процессах, как монополия в какой-нибудь отрасли промышленности для ее развития. И хотя в отдельных случаях монополия вследствие эффекта масштаба может приводить к снижению издержек и внедрению дорогостоящих технологий, в долгосрочном периоде она неизбежно проявляет свою неэффективность¹. Экономика мэйнстрима, также как монополия с положительной отдачей, может быть замкнута на менее эффективную технологию вследствие незначительных исторических событий и эффекта блокировки².

Если неоклассическая экономическая теория является лидером, то в роли рыночных аутсайдеров выступают различные «неортодоксальные» теории. Неортодоксальный экономист объявляет себя таковым, поскольку его методы исследования не совпадают с методами, принятыми в современной неоклассической экономической теории. Возникновение неортодоксального направления связано с институциональным отделением его от основного направления.

¹ В своей блестящей статье представитель австрийской школы Томас Дилоренцо [11] доказывает, что монополия даже в отраслях со значительной экономией от масштаба не является неизбежной.

² Названные феномены обычно рассматриваются в рамках концепции зависимости от предшествующего пути развития (path dependence).

Основополагающие предпосылки, составляющие теоретическую базу неортодоксального направления, принципиально отличаются от предпосылок других направлений, что сказывается на всем процессе теоретических построений. Для возникновения неортодоксального направления необходимо существование следующих элементов: господствующей ортодоксальной школы, против которой оно выступает; условий, в которых неортодоксальное направление может быть институционализировано; стимулов для самоидентификации этого направления [8].

В контексте настоящей статьи рассматривается случай «обогащения» неоклассики идеями двух неортодоксальных теорий: австрийской школы и неэволюционной экономики. Первая из указанных исследовательских традиций является ровесником, если не предшественником, неоклассической ортодоксии, а вторая возникла совсем недавно — каких-нибудь двадцать лет назад.

«Обогащение» экономики мэйнстрима новыми идеями из конкурирующих исследовательских программ обычно происходит путем переформулировки изучаемых феноменов в языке и по шаблонам неоклассики. Примером может служить развитие неонституционального направления как части современной неоклассической ортодоксии³. И хотя такой процесс неизбежен, его нельзя считать оптимальным с точки зрения совершенной конкуренции между различными теоретическими направлениями в экономической науке.

³ Показателен сам факт деления таксономии течений современного институционализма, которая строится Т. Эггертссоном на основании принятия или непринятия институционалистами неоклассической модели рационального выбора [5, с. 20]. Хотя согласно приведенному критерию к школам, отвергающим модель рационального выбора, можно было бы отнести и старый, или оригинальный институционализм (OIE).

Важна ли конкуренция идей для экономической науки? Приводит ли отсутствие конкуренции между альтернативными исследовательскими подходами к кризису? Что считать кризисом экономической науки? Ответы на данные вопросы не могут быть простыми и однозначными, но их поиск сопряжен с выходом за рамки шаблонов, которые неизбежно создает господствующее в экономической науке теоретическое направление.

Говоря о кризисе в экономической науке, нельзя не затронуть проблему истории, вернее, ее значимости или незначимости для экономической теории. Примитивные споры о том, имеет ли история значение, видимо, уже безосновательны, но уместно задать вопрос: какое значение имеет история в экономической науке? Оригинальным подходом, акцентирующим внимание на важности учета исторических событий в экономическом анализе, является концепция зависимости от предшествующего пути развития (*path dependence*).

Проблема зависимости от предшествующего пути развития сравнительно недавно получила распространение в работах экономистов и экономических историков. Она разрабатывается в основном зарубежными экономистами и не имеет должного отражения в отечественной научной литературе. В настоящее время наиболее плодотворное развитие данной идеи наблюдается в рамках недавно появившегося течения в экономической науке — неозволюционизма⁴. Пионерные работы в этом направлении принадлежат Полу А. Дэвиду. В своей широко цитируемой статье [9] П. Дэвид, на примере раскладки английской клавиатуры на пишущей машинке и компьютере QWERTY, показал, что вследствие исторических и институциональных факторов возможен эволюци-

онный рыночный отбор неэффективных технологий, когда рынку доступны и другие, более выгодные альтернативы. В дальнейшем эту идею в более строгой математической форме развил Б. Артур [6, 7]. Им рассматриваются факторы неэргодичности в развитии экономических систем, возрастающей отдачи от институтов и технологий, влияние эффекта блокировки на отбор сравнительно неэффективных институтов и технологий. Артур доказал тезис о том, что история становится важной в степени, в которой технологическое развитие экономики зависит от незначительных событий, что делает невозможным предсказать рыночное распределение с любой степенью уверенности. Это убеждает в том, что могут быть теоретические пределы, также как и практические, для предсказуемости экономического будущего [7].

Согласно П. Дэвиду, зависимости от предшествующего пути развития можно дать позитивное и негативное определение. Зависимые от предшествующего пути развития процессы, таким образом, могут быть определены как отрицательные, принадлежащие к классу исключений из ранее существовавших процессов, в которых детали истории развития системы не имеют значения, потому что они не могут влиять на ее асимптотическое распределение среди состояний. Это позволяет дать *негативное* определение: процессы, которые являются неэргодичными и не обладают способностью освободиться от своего прошлого, приводят в результате к зависимости от предшествующего пути развития.

Можно сказать, что процесс зависимости от предшествующего пути развития для многих целей, скорее, имеет место быть, чем наоборот. Чтобы быть точными, необходимо прибегнуть к помощи теоретиков, сосредоточивая внимание на ограничительных моделях, выработанных в ходе случайных процессов (и характеризующих, таким образом, ди-

⁴ Ссылки о существовании данного направления можно найти у Н. Флигстина и Р. Филанда [12].

намическую систему). Следовательно, можно дать *позитивное* определение: зависимый от пути предшествующего развития стохастический процесс — это такой процесс, чье асимптотическое распределение эволюционирует как последствие (функция) развития самого исторического процесса [10, р. 4–5].

Подход, основанный на концепции зависимости от предшествующего пути развития, не только акцентирует внимание на том, что история имеет значение. Важным является признание невозможности *ex ante* предсказать, какие события могут привести экономику к эффекту блокировки (или замыкания) на неэффективных технологиях или институтах, так как эти процессы во многом зависят от «незначительных исторических событий». Артур определяет незначительные исторические события как события, которые обычно не берутся наблюдателем в расчет, т.е. не включаются в стандартный анализ как условия, обладающие способностью влиять на что-либо [7, р. 117].

Но концепция зависимости от предшествующего пути развития получила и несколько другую интерпретацию в русле использования терминологии и моделей экономики мейнстрима. Наиболее показательны в этом отношении работы С. Лейбовица и С. Маргулиса [15, 16].

Лейбовиц и Маргулис построили классификацию феномена зависимости от предшествующего пути развития. Она состоит из трех степеней. К первой степени они относят ситуации, в которых качество выбора пути непознаваемо в то время, когда это решение принимается, но позже приходит понимание, что некоторые другие, альтернативные пути принесли бы большую выгоду. Вторая степень характеризуется ситуацией неполноты информации, в связи с чем выбранные эффективные решения могут не всегда представлять как эффективные в ретроспективе. В зависимости от предшествующего пути развития тре-

тей степени чувствительная зависимость от первоначальных условий приводит к результатам, которые неэффективны, но в данном случае результат также поправимы, т.е. существует или существовал некий подходящий механизм для нахождения и достижения более предпочтительного результата, но этот результат не достигнут. Третья степень означает, что при выборе технологии (или института) вследствие тех или иных причин выбирается заведомо менее эффективная альтернатива при наличии более эффективных⁵. Таким образом, зависимость первой степени является простым утверждением связи, но без заключения в себе заявления о неэффективности. Зависимость второй степени оговаривает в качестве особого условия, что межвременной эффект умножает ошибки. Зависимость третьей степени утверждает не только то, что межвременной эффект умножает ошибки, но и то, что этой ошибки можно избежать. Если такая зависимость от предшествующего пути развития все же встречается, это означает, что незначительное регулирование индивидуальной деятельности не является гарантией оптимизации или проверкой субоптимальных результатов. В свою очередь, это означает провал рынка [15].

Согласно подходу Лейбовица и Маргулиса, случай с раскладкой клавиатуры QWERTY, рассмотренный П. Дэвидом, — это пример зависимости первой степени, хотя, по мнению авторов, теоретический интерес представляет только зависимость третьей степени, которую, впрочем, они сводят к известным в неоклассике провалам рынка.

Но совсем парадоксальным и не соответствующим логике зависимости от предшествующего пути развития является вывод указанных авторов о том, что мы останавливаемся на неправиль-

⁵ Этот случай был ранее описан в статье Б. Артура для ситуаций с возрастающей отдачей [7].

ной, согласно Дэвиду, клавиатуре не потому, что некупаемые инвестиции в технологию QWERTY делают переключение на раскладку клавиатуры Дворак худшим выбором, а потому что «решения принимаются децентрализованно». Это приписывание ошибки децентрализованному принятию решения ясно предлагает такую альтернативу, как централизованный механизм принятия решения, который скорректировал бы ошибку [15].

Важность концепции зависимости от предшествующего пути развития состоит в акцентировании внимания на том, что не все случаи устойчиво существующих и доминирующих «неэффективных» технологий, институтов и распределений можно интерпретировать в смысле известных неоклассических моделей и терминов — провалов рынка и Парето-эффективности. История имеет значение именно потому, что неэргодичные динамические процессы могут быть адекватно объяснены с помощью инструментов, которые отсутствуют в неоклассике в ее современной антиисторической конвергентной форме.

Из неправильного понимания природы зависимости от предшествующего пути развития следуют неправильные рекомендации относительно экономической политики. Последняя, согласно П. Дэвиду, призвана оградить рынок от возможных в будущем проблем, прежде чем будет получено достаточно информации о технических, организационных или правовых последствиях принятого ранее решения. Наилучшая роль государственной политики в этом отношении, таким образом, принадлежит не принятию правильного решения, а, вместо этого, улучшению самих информационных условий, в которых эти решения могут приниматься частными сторонами и правительственными агентами [10, р. 15–16].

Теперь обратимся к другой неортодоксальной парадигме — австрийской школе. Досадна и несправедлива участь данного теоретического направления в

период после второй мировой войны, когда оно постепенно была вытеснено неоклассикой на обочину «серьезной» экономической науки.

Примечательно, что у некоторых представителей австрийской школы можно найти идеи, чрезвычайно близкие концепции зависимости от предшествующего развития. Например, с точки зрения Ф. Хайека, любая эволюция, будь то культурная или биологическая, все же представляет собой процесс непрерывного приспособления к случайным обстоятельствам и непредвиденным событиям, которые невозможно было предсказать. В этом состоит еще одна причина, почему эволюционная теория в принципе не может позволить нам рационально прогнозировать и контролировать будущие изменения. Самое большее, на что она способна — это показать, каким образом у сложно организованных структур вырабатываются способы корректировки, ведущие к новым эволюционным изменениям, которые, однако, по самой своей природе неизбежно остаются непредсказуемыми [4, с. 48].

То, чему австрийцы уделяют центральное место в своих теориях, конечно, присутствует в неоклассике — это методологический индивидуализм и роль предпринимательства в экономике. Например, в стандартном вводном курсе экономической теории в первой или второй лекции обязательно упоминается о методологическом индивидуализме и предпринимательстве как факторе производства, но в дальнейшем принцип методологического индивидуализма сводится к тому, что ценность экономических благ зависит от индивидуальных вкусов или «данных» функций полезности, а о предпринимательстве далее не говорится вообще ничего.

Важной отличительной особенностью австрийской школы является субъективная теория ценности. Эта теория имеет мало общего с теорией потребитель-

ского поведения в неоклассике. Согласно Л. Мизесу, определение ценности, имеющее своим результатом действие, означает предпочтение и отклонение; оно никогда не означает равенства и безразличия [3, с. 333]. Объяснение обменов и их пределов во многом предвосхитило теории транзакционных издержек неонституционалистов. Также отличительной чертой австрийцев является последовательно отстаиваемый либерализм и методологический субъективизм.

Обычно неоклассическую доктрину, также как австрийскую школу [17], отождествляют с либеральной рыночной идеологией, по сравнению, например, с традиционным институционализмом, явно тяготеющим к социал-демократическим идеям. Но такой подход, видимо, не совсем верен. Если бы институционалистами называли всех тех, кто выступает за планирование и против рынка, то многие неоклассики оказались бы институционалистами [13, р. 317].

Согласно подходу австрийской школы, человеческое действие рассматривается в контексте методологического субъективизма и неопределенности, что во многом противоречит скрытому объективизму экономики мейнстрима. И хотя проблеме неопределенности в неоклассике уделяется все больше внимания с использованием изощренных математических вероятностных и игровых моделей, сам подход к данному феномену радикально отличается от австрийского [3, ч. 1, гл. 6].

Наряду с методологическим субъективизмом, важной отличительной чертой австрийцев является использование каузального генетического метода. Данный метод предполагает абстракцию и гипотетическую реконструкцию. Это значит, что мы должны мысленно проследить, шаг за шагом, каким образом индивидуальные взаимодействия приводят к возникновению рассматриваемого феномена. Каузальный генетический метод контрастирует с «функциональным» ме-

тодом, использованным Л. Вальрасом при объяснении рыночного равновесия. К. Менгер и другие теоретики-австрийцы понимали это явление как процесс, благодаря которому распыленная информация постепенно интегрируется посредством координирующего воздействия цен, в то время как Вальрас пытался выразить существование равновесия в математических понятиях. Оба подхода используют одни и те же «точные» законы микроэкономики, но в различных целях [1, с. 85].

Лучший способ недобросовестной конкуренции в экономической науке состоит в создании барьеров входа на рынок идей. Конечно, проще всего все теории, не подходящие под неоклассические схемы или не поддающиеся переформулировке в известных терминах, отвергать как ненаучные или не заслуживающие внимания. Но вряд ли такая политика будет способствовать пониманию явлений реальной хозяйственной практики, которые плохо укладываются в рамки неоклассических моделей.

Австрийская школа — одна из немногих школ экономической мысли, постоянно придерживающаяся постулата об экономическом реализме [14], ее представители противопоставляли реалистический подход неоклассической чистой логике выбора. Представители неозволюционной экономики также обратили внимание на несоответствие теоретических взглядов на процедуры и результаты функционирования рынка и фактов реальной экономики, которые, в частности, получили отражение в экономической истории. Таким образом, идеи австрийской и неозволюционной школ могли бы не только удачно дополнить неоклассику [18], но и способствовать формированию конкурентной среды в экономической науке, что даст импульс формированию новых, более реалистических теорий и, несомненно, будет способствовать преодолению «провалов» ортодоксального мейнстрима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Берри Н.П.* Австрийская экономическая школа: расхождения с ортодоксией // Панорама экономической мысли XX столетия / Под ред. Д. Гринуэя, М. Блини, И. Стюарта. СПб.: Экономическая школа, 2002.
2. *Боулэнд Л.А.* Современные взгляды на экономический позитивизм // Там же. С. 118.
3. *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность. М.: Дело, 2000.
4. *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.
5. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. С. 20.
6. *Arthur W.B.* Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994.
7. *Arthur W.B.* Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. Mar. 1989. Vol. 99. № 394. P. 116–131.
8. *Backhouse R.* Progress in heterodox economics // Journal of history of economic thought. 2000. Vol. 22. № 2. P. 145–155.
9. *David P.A.* Clio and the Economics of QWERTY // The American Economic Review. 1985. Vol. 75. № 2. P. 332–337.
10. *David P.A.* Path Dependence, its critics, and the quest for 'historical economics. Stanford, CA: Economics Department. Working Paper № 00-011. 2000.
11. *DiLorenzo T.* The Myth of Natural Monopoly // The Review of Austrian Economics 1996. Vol. 9. № 2. P. 43–58.
12. *Fligstein N., Feeland R.* Theoretical and Comparative Perspectives on Corporate Organization // Annual Review of Sociology. 1995. Vol. 21. P. 21–43.
13. *Hodgson G.M.* What is the essence of institutional economics? // Journal of Economic Issues. Jun 2000. Vol. 34. № 2. P. 317.
14. *Hulsmann J.G.* Economic Science and Neoclassicism // The Quarterly Journal of Austrian Economics. Winter 1999. Vol. 2. № 4. P. 3–20.
15. *Liebowitz S.J., Margolis S.E.* Path Dependence, Lock-In, and History // Journal of Law, Economics and Organization. April 1995. Vol. 11. № 1. P. 205–226.
16. *Liebowitz S., Margolis S.E.* Policy and path dependence: from QWERTY to Windows 95 // Regulation: The Cato Review of Business & Government. 1995. № 3. P. 33–41.
17. *Palermo G.* The convergence of Austrian economics and new institutional economics: Methodological inconsistency and political motivations // Journal of Economic Issues. Jun 1999. Vol. 33. № 2.
18. *Yeager L.B.* Austrian Economics, Neoclassicism, and the Market Test // The Journal of Economic Perspectives. Autumn 1997. Vol. 11. № 4. P. 153–165.

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Р.А. КВАСОВ

доктор экономических наук, профессор,
кафедра «Предпринимательство и теория
рынка» Института управления, бизнеса и
права, г. Ростов-на-Дону

КАЗАЛОСЬ БЫ, проблема экономических отношений не является дискуссионной. Существует твердое убеждение: представление об экономической структуре общества как отношениях (действиях) людей по поводу производства, распределения, обмена и потребления полностью раскрывает ее природу и строение, верно служит анализу экономической действительности. Однако не замечено, насколько «общепринятое» мнение расходится со сложившимся в классической философии представлением о категориальном смысле «отношения». Расхождение это, бесспорно, дает о себе знать при решении многих проблем общественного устройства, особенно в дискуссии о соотношении объективного и субъективного в экономике и, что в данном случае главное, — о понимании сущности и форм реализации экономического положения (статуса) хозяйствующих субъектов.

Полагают, что возникшие здесь трудности обязаны просчетам в теории, а не в методологии. Однако знакомство с результатами исследования «отношения» философами обнаруживает более глубокую причину неудач многих «частных» дискуссий по вопросам не только экономической теории, но и правоведения и социологии. Между тем уже Платон обнаружил, что в наших знаниях есть нечто такое, чего нельзя объяснить деятельностью органов чувств. К этому нечто им относилось самое истинное в понятиях справедливости, красоты, блага и т.п. Хотя Платон не определил, что содержание таких понятий есть «соотношение», он писал именно о нем. В отсутствии возможности непосредственного восприятия соотношений органами чувств он видел один из важнейших доводов против материализма [10, с. 93; 13, с. 103—110; 20, с. 134].

Продолжая поиски Платона, Аристотель высказал догадку, что познание «отношений», являющееся сутью рацио-

нального познания, в зародышевой форме присуще и чувственному познанию благодаря синтезу ощущений. Однако он не раскрыл механизма этого синтеза и не обнаружил, что наиболее сложные и существенные отношения чувственному познанию недоступны [10, с. 99–100].

Источник наших знаний об отношениях, или «формах», волновал Канта. Таковым он считал априорные формы чувственности и рассудка. Знание об отношениях он не выводил из ощущений. Однако, хотя Кант и исходил из априорных форм знания, он понимал, что понять «отношение» можно лишь благодаря синтезу чувственных данных [там же, с. 100–101].

Уже первое знакомство с «Наукой логики» Гегеля убеждает в фундаментальной роли, исполняемый «отношением» в философии диалектического идеализма. «Опирающееся на развитую культуру мысли познание отношений, — подчеркивал Гегель, — ... есть первое условие правильного понимания... факта» [5, т. 1, с. 65].

Важно подчеркнуть, что «отношение» служит Гегелю для выражения «спокойного» содержания явлений, а не их «беспокойства». Сущность (содержание) любой вещи определяется, по Гегелю, через систему относительно стабильных соотношений ее внутренних подразделений (частей), а также внешних ее взаимодействий с другими, отличающимися от нее предметами. «Содержание, — писал Гегель, — составляет само отношение, иначе говоря, содержание есть определенное соотношение» [4, т. 2, с. 30].

Важно отметить, что вещь, согласно Гегелю, не просто материя. Она — сформированная материя, образованная соотношением (структурой) образующих ее материальных элементов. Здесь явно видны зародыши представления о материальных отношениях.

Материалистический потенциал «отношения» состоит не только в том, что оно образует известную вещь из опре-

деленных элементов [23, с. 51]. «Отношение» — это выражение материальной взаимосвязи, и главное — взаимоопределенности различных вещей. А это имеет принципиальное значение для понимания природы экономических отношений. Как обнаружим ниже, последние выражают отнюдь не поведение, а «статику» взаимной определенности персонафицированных различными группами людей различных «дополняющих» друг друга факторов и результатов общественного производства. Поэтому они и являются отношениями материальными.

В отечественной философии система отношений между элементами определяется как структура или внутренняя форма предмета [15, с. 473]. Несложно обнаружить, что в таком определении отношением выражается «спокойное» взаимообусловленное положение элементов системы относительно друг друга (например, определение сущности (положения) капитала относительно наемного труда). «Отношение» как особая философская категория характеризуется в связи с этим в качестве любой совместной определенности нескольких объектов [10, с. 89].

Отношением, к примеру, является число, под которым уже Ньютон понимал «не столько множество единиц, сколько отвлеченное отношение какой-нибудь величины к другой величине того же рода, принятой... за единицу» [12, с. 8]. «В отношении, — подчеркивал Гегель, имея в виду количественное отношение, — определенное количество уже не обладает лишь безразличной определенностью, а качественно определено как всецело соотнесенное со своим по-сторонним... Каждое имеет свою определенность в этом соотношении с иным» [4, т. 1, с. 403]. Конкретизируя данное положение при определении существенного отношения, или закона, он писал: «Обе стороны отношения положены как обуславливающие друг друга» [там же, т. 2, с. 154].

Во всех отмеченных определениях «отношение» фигурирует в качестве «соотношения». Применив это слово вместо «отношения», очевидно, не являющегося его синонимом, можно было бы сразу избавиться от двусмысленности последнего: «соотношение» выражает сосуществование, а главное — «взаимопроникновение» двух или нескольких объектов, но не процесс, из их «соотношения» вытекающий. Однако в большинстве случаев оба слова применяются как синонимы. Под «отношением» в литературе понимается и существующая в «статике» взаимная определенность участвующих в процессе объектов, и сама «динамика» этого «отношения», «борьба» (процесс) образующих его сторон. Это не значит, что такие весьма различные аспекты «отношения» вовсе не различаются и все сводится к спору о словах. В философской литературе, чего нельзя сказать о публикациях экономического, правового и социологического плана, специфика двух аспектов «отношения» обнаруживается, в частности, различием пространственных и временных отношений, или экстенсивного и интенсивного аспектов (структур) организации [17, с. 35].

Тем не менее правилом, а не исключением, особенно в общественном знании, являются случаи, когда первый и, видимо, главный материалистический аспект «отношения» подменяется вторым.

Экстенсивная структура — устойчивый аспект организации, существует (развернута) в пространстве. Она выражает координацию и субординацию необходимо сосуществующих объектов, взаимообусловленное положение каждого из них относительно друг друга. К такой структуре относят и систему отношений между элементами, и отдельное отношение, точнее, форму отношения, в котором находятся между собой те или иные объекты [2, с. 44; 19, с. 473]¹.

¹ Различение экстенсивной и интенсивной структур экономической организации

Во всех случаях структура характеризуется как вид композиции или вид упорядоченности элементов, который устойчив (инвариантен) относительно определенных его изменений, преобразований. Словом, структура — это инвариантный аспект системы [22, с. 21]. Кроме структуры, ответственной за сохраняющийся порядок отношений в системе, в литературе введено и более широкое понятие — «организация», охватывающее как инвариантный, так и неинвариантный аспекты упорядоченности системы. При этом переменную часть организации именуют программой системы [9, с. 112; 22, с. 26].

Методологически выверенный анализ развития социальных структур, их генезиса, эволюции и смены требует обратить особое внимание на «... те ограничения на развитие, которые обусловлены взаимосвязью и взаимозависимостью элементов в рамках целостной системы. Тем самым можно избежать утопии и волюнтаризма и разграничить то, “чего хотелось бы”, от того, что объективно возможно в силу присущих развивающемуся целому структурных ограничений» [25, с. 13].

Нельзя не отметить важности учета этого качества структуры для понимания объективной природы экономических отношений («соотношений») и прежде всего отношений собственности. Это методологическая основа для преодоления той легкости, с которой некоторые экономисты, отождествляя экономическую структуру общества с программой его хозяйственной организации, обнаруживают множество возможных вариантов ее сущности.

В отличие от структуры, функция системы развернута во времени, характеризует изменчивость, динамичность организации. Она выражает координа-

проведено и в одной из наших работ [8]. Данное обстоятельство положительно оценено в одном из изданий экономического факультета МГУ [18, с. 42].

цию сменяющих друг друга состояний (явлений) — их последовательность и длительность [1, с. 145]. Функцию системы в таком ее значении иногда называют динамической структурой².

Различают также генетические структуры, выражающие процессы генезиса, эволюции и смены систем. Все это, очевидно, можно обобщить понятиями «функционирование» и «развитие»³.

В «Науке логики» Гегеля специфика двух аспектов «отношения» характеризуется в плане различения «парных» категорий «отношение» и «движение». Особенно рельефно просматривается это в выводе Гегеля, согласно которому, в движении противоречие скрыто от представления, в то время как в определениях отношения оно выступает непосредственно. Приводя пример «отношения», Гегель ссылается на единое бытие таких понятий, как верх и низ, правое и левое, отец и сын и т.д. Все они содержат противоположность в одном определении. Каждое первое из них есть лишь постольку, поскольку есть второе.

Ошибочно рассматривать соотносительные определения предметов как чисто формальные. Главное в том содержании «отношения», в каком применял его Гегель, — это взаимопроникновение противоположностей, переход их друг в друга. Не только в понятии, но и в реальной действительности, и это обстоятельство находится в центре внимания теории систем, отношение высту-

пает носителем единства элементов⁴. Причем каждый из них не просто существует, поскольку есть другой и определяется этим другим; так или иначе он видоизменяется им, как бы вбирает в себя его «материю». Поэтому в системе он и становится принципиально иным, чем был до системообразующего отношения. Данное обстоятельство, в частности, имеет неоценимое значение для понимания природы «экономических» вещей и людей.

Различие «отношения» и «движения» ни в коей мере не адекватно представлению о возможности их существования по принципу «сначала одно, потом другое». Нет сомнения, что отношение устойчивого и изменчивого, пространственного и временного аспектов организации едино и неразрывно⁵. Однако представление о неразрывном единстве противоречивой формы объекта (отношения) и сопровождаемых ею его функций (процесса) не означает их тождества, игнорирования их специфики, отрицания жестко фиксированных, устойчивых характеристик структуры, ведущей роли устойчивости объекта, находящегося в непрерывном (процессе) изменений [1, с. 145, 146].

Методологически освещая путь познания экономических отношений, вряд ли можно пренебречь лучшим и ценным в учении об «отношении», имеющимся в самых различных, в том числе и российских, философских школах. Далеко не случайно понятие экономических отношений оказалось сформулированным Марксом на базе гегелевского насле-

² Здесь и далее, если иное не будет оговорено особо, под функцией понимается только деятельность. Тем не менее понятие «функция» употребляется в самых разных значениях. Оно может означать способность к деятельности и саму деятельность, роль, свойство, значение, компетенцию, задачу, зависимость одной величины от другой и т.д.

³ В философской литературе материальные отношения четко отличаются от отношений движения, функциональных отношений, отношений детерминации и т.п. [2, с. 46].

⁴ В.С. Тютин, в частности, отмечает «... системообразующие связи и отношения, благодаря которым реализуется специфическое для системы единство» [22, с. 14].

⁵ «Только становясь на известную отвлеченную точку зрения, — писал К.А. Тимирязев, — мы можем, на время, видеть в организме только форму — это область морфологии, или только явление — это область физиологии или феноменологии живых существ» [21, т. III, с. 362–363].

дия. Поражает одно: данное обстоятельство не только не оказалось учтенным подавляющим большинством методологов политической экономии и права, а буквально стало камнем преткновения на пути понимания действительного вклада Маркса в философию общественного знания.

Подлинное содержание экономических отношений отнюдь не как субъективных «отношений по поводу» Маркс определил в одной из первых своих экономических работ «Оправдание мозельского корреспондента». Уже здесь Маркс критикует авторов, которые «... слишком легко поддаются искушению упускать из вида объективную природу отношений и все объяснять волей действующих лиц. Существуют, однако, отношения, которые определяют действия как частных лиц, так и отдельных представителей власти и которые столь же независимы от них, как способ дыхания» [11, т. 1, с. 192].

Важность данного положения для понимания экономических отношений трудно переоценить. Во-первых, в нем четко различаются две стороны организации общества — объективные отношения и сознательная деятельность. Во-вторых, характеризуется их субординация. В-третьих, подчеркивается независимость объективных отношений от воли действующих лиц. В-четвертых, в волевом моменте обнаруживается существенная особенность человеческой деятельности, отличающая ее от объективных отношений («соотношений»).

Подробнее это положение Маркс расшифровывал в предисловии к работе «К критике политической экономии», где он идентифицирует «материальные жизненные отношения» с «анатомией» (а не «физиологией») гражданского общества [там же, т. 13, с. 6]. Об этом же Маркс пишет, подчеркивая, что хозяйственные сделки совершаются между агентами производства, «... как естественное следствие вытекают из отношений производства» [там же, т. 25, ч. 1, с. 373].

В этом же убеждает постоянно проводимое Марксом различение процесса производства и экономических отношений как его предпосылок и результатов [там же, т. 25, ч. 2, с. 385; т. 26, ч. 3, с. 534].

Как видим, мысль о необходимости различения экономических отношений и общественных процессов производства и обмена Маркс высказывает в работах, относящихся к самым различным периодам его научной деятельности. Перечень его высказываний на этот счет можно было бы существенно продолжить. Но главное не в количестве цитат, а в логике Марксовых рассуждений.

Уже в «экономических масках лиц» — олицетворении одних только экономических категорий — Маркс обнаруживал волю и сознание. Он отмечал, что капиталист — это «олицетворенный, одаренный волей и сознанием капитал» [там же, т. 23, с. 164], а «вся деятельность капиталиста есть лишь функция капитала, одаренного в его лице волей и сознанием» [там же, с. 606]. Словом, нет никаких оснований для того, чтобы то, что делает людей предпринимателями и наемными рабочими, отождествлять с тем, что они делают. Вовсе не случайно Маркс даже не счел нужным останавливаться на «... той гениальной мысли (Бастиа Р.К.), которая сначала предполагает существование, с одной стороны, капиталиста, с другой — рабочего, чтобы лишь после этого, по договоренности между ними, постулировать возникновение отношений между капиталом и наемным трудом» [там же, т. 26, ч. 1, с. 12]. Иными словами, не только общение между капиталистами и наемными рабочими, но даже сам факт их существования недопустимо предпосылать отношению между капиталом и наемным трудом. Ведь только оно и определяет их взаимоотношенное положение как таковых.

Итак, экономические отношения и определенные ими экономические, а как явление — хозяйственные, процессы —

далеко не одно и то же. Почему же тогда в трудах Маркса и те и другие фигурируют как «отношения»?

Оговариваем сразу: в такой форме вопрос поставлен неверно. Дело в том, что Маркс (и пусть нас простят за тривиальность) писал не на русском, а, как правило, на немецком языке. И для обозначения экономических отношений им применялось не русское слово «отношение», а немецкое «das Verhältnis». Последнее, что иногда упускалось из виду даже немецкими переводчиками работ Маркса, отнюдь не идентично слову «die Beziehungen». Потому что обозначает оно «соотношение» (например, положение капитала относительно наемного труда), а не «отношение по поводу» (например, деятельность по найму капиталом рабочей силы). Данное обстоятельство специально подчеркивалось Энгельсом. При редактировании немецкого перевода книги Маркса «Нищета философии», написанной и впервые изданной, как известно, на французском языке, он обнаружил, что переводчики (Бернштейн и Каутский) французское слово «rapports» (отношения) передали немецким словом «Beziehungen». В письме к Каутскому от 22 августа 1884 г. Энгельс писал, что слово это слишком неопределенно и Маркс всегда передавал слово «rapports» немецким «Verhältnis» («соотношение»).

Разъясняя суть дела, Энгельс отмечал, что такое, например, выражение, как «отношение пропорциональности», вообще не может быть передано посредством «Beziehungen», ибо означает нечто количественное. Нет сомнения, что, означая нечто количественное, слово «Verhältnis» («соотношение») вполне адекватно выражает согласованное сосуществование, положение отдельных подразделений общественного производства относительно друг друга. А это и есть «отношение пропорциональности», а не процесс (в частности, обмена),

из этого соотношения (в частности, общественного разделения труда) вытекающий [11, т. 36, с. 173–174].

О соотносительном положении агентов производства и обмена относительно друг друга и идет речь у Маркса, когда он пишет о производственных отношениях. «Производятся, являются постоянно возобновляющимся результатом процесса общественные отношения, а следовательно, и общественное положение агентов производства по отношению друг к другу, сами производственные отношения» [там же, т. 49, с. 119].

Попытка освободить политическую экономию от форм экономической «материи» — характерная черта субъективизма в экономической науке. Высвечивая ложную мудрость одного из его представителей, Маркс писал: «То, что «формы обмена» кажутся России безразличными, равносильно тому, как если бы физиолог сказал, что ему безразличны определенные формы жизни, ибо все они — лишь формы органической материи. Но как раз только эти формы и важны для нас, когда речь идет о том, чтобы понять специфический характер какого-либо общественного способа производства... И эти формы являются определяющими для самого вещественного богатства» [11, т. 26, ч. 1, с. 291].

Экономические формы для экономистов — то же самое, что формы органической материи для физиолога. Здесь еще раз очевидна материальность экономических отношений, недопустимость их сведения к их «физиологии», в органическом единстве с которой они живут и характер которой, постоянно порождая и сопровождая ее, определяют. В силу этого формы экономической «материи» не могут не служить отправным пунктом исследования для «физиологов» экономической теории.

Именно такую трактовку экономических отношений воспринял Плеханов. Применение материалистического взгляда к учению об обществе, отмечал он,

требует решения вопроса о том, «... чем же обуславливается строение (а не функция. — Р.К.) общественной среды и каковы законы ее развития» [14, т. 1, с. 634]. Всякая ступень развития производительных сил, констатирует Плеханов, «... необходимо ведет за собою определенную *группировку людей* в общественном производительном процессе, т.е. *определенные отношения* производства, т.е. *определенную структуру* всего общества» (курсив наш. — Р.К.) [там же, с. 644].

Как видим, и по мнению Плеханова, экономические отношения (соотношения) — не процесс экономического общения, а «группировка людей в общественном производительном процессе». Это их распределение по большим группам общества (пространственная, а не временная структура) в соответствии с различным отношением к условиям, а поэтому и к результатам производства. Что же касается «явления производства жизни», т.е. общественного процесса («физиологии») производства, то оно, согласно Плеханову, всегда включает в себя взаимодействие экономики общества с его психологией. И с тем чтобы не отождествить одно с другим, следует подчеркнуть: «Психология общества всегда целесообразна по отношению к его экономике, всегда соответствует ей, всегда определяются ею» [там же].

Различение экономических (общественных) отношений и экономической (а более конкретно — хозяйственной) деятельности, структуры и функции экономической организации общества есть лишь один из конкретных «срезов» философского различения общественных отношений и общения. Последнее характеризуется как особый вид деятельности, выражающий межличностные связи, как социальная форма актуализации глубинных, скрытых от непосредственного наблюдения материальных отношений, как их «человеческое» проявление [19, с. 50]. «Общение есть непосред-

ственно наблюдаемая и переживаемая реальность и конкретизация общественных отношений, их персонификация, личностная форма» [3, с. 116].

В конечном счете, можно будет убедиться в проблемности характеристики общения как конкретизации, персонификации общественных отношений. Обнаружится, что экономические отношения, например, непосредственно конкретизируются хозяйственными отношениями, а не общением (деятельностью), из последних только вытекающим. Словом, экономические отношения дают о себе знать «общением», «физиологией» производства и обмена, лишь будучи опосредованными другими «надстроечными» общественными соотношениями, да и не только ими.

Не только взаимодействие человека с природой, в частности его трудовая деятельность, но и «осязаемые» контакты людей с людьми, в частности их хозяйственное общение, вполне резонно определяются философами лишь как «беспокойное» явление общественных, в частности экономических, соотношений, но отнюдь не как эти последние. Хозяйственное общение, например рыночные сделки, — чувственно осязаемый процесс. Его действительно можно наблюдать и переживать. Напротив, экономические (общественные) отношения еще никому наблюдать не удавалось. Экономисты и юристы, убежденные в том, что они не только видят и переживают экономические отношения, но и непосредственно на них воздействуют, явно преувеличивают свои способности. «Это старая история, — писал Энгельс, — сперва создают абстракции, отвлекая их от чувственных вещей, а затем желают познавать эти абстракции чувственно, желают видеть время и обонять пространство» [11, т. 20, с. 550].

Избавлению от этой иллюзии в первую очередь может служить понимание того, что существующие в пространстве хозяйственной жизни экономические

отношения выражают всеобщие и устойчивые для данной формы общества материальные взаимозависимости людей. Они связывают и делят всех участников исторически конкретного общественного хозяйственного процесса, независимо от того, где, как и что они производят. Этой всегда скрытой за отдельными хозяйственными явлениями чертой устойчивой всеобщности, характеризующей природу экономических отношений как предельно общих, абстрактных общественных отношений, они отличаются от эмпирических, вполне осязаемых миллиардов межличностных хозяйственных контактов. В последние вступают только общающиеся друг с другом живые хозяйствующие субъекты. Уже сам факт непосредственности их материального общения доказывает, что, помимо так или иначе присущих им социальных (родовых) свойств — результата их нахождения в определенных общественных, прежде всего экономических, отношениях, они выступают носителями целого «ансамбля» особенных и специфических (неповторимых) качеств, того, что только и «делает» из них хозяйствующих индивидов.

Экономические отношения — нечто третье в сравнении с вступающими в них (а не создающими их) индивидами. Они, как это третье, опосредствуют (а не выражают) личные отношения хозяйствующих субъектов. «Этим третьим, — подчеркивал Маркс, — является... обусловленное современными общественными отношениями взаимное положение индивидов» [11, т. 3, с. 360; 26, с. 69–70].

Иными словами, вступают в общение друг с другом, осуществляют хозяйственный процесс не социально инертные субъекты, не лица, исходящие, так сказать, исключительно из самих себя, а люди социально определенные, т.е. уже «предварительно» втянутые в экономические и опосредствующие их иные общественные отношения («соотношения»), индивидуализировавшие их.

Можно сказать: согласимся с тем, что непосредственные материальные контакты между людьми всегда осуществляются осознанно и благодаря применению их воли. Однако не о таких, чувственно осязаемых актах идет речь, когда под экономическими отношениями понимаются «отношения по поводу». В этом случае, а речь идет о действительной «физиологии» производства и обмена, фиксируется лишь наиболее общее, необходимое, повторяющееся в деятельности, словом, только закономерное в ней. Взятая в таком абстрактном виде, эта деятельность будто бы предстает независимой от воли и сознания людей и, казалось бы, подпадает под «статус» экономических отношений. Но лишив человеческую деятельность сознательного и волевого начала, абстрагировав ее от элементов субъективности, и стало быть, от феномена осознания объективного, можно получить все что угодно, только не человеческую деятельность (общение). Субъективное есть одно из важнейших родовых качеств человеческой деятельности и поэтому не может быть удалено из нее ни практически, ни теоретически⁶. В этом и состоит одно из принципиальных обстоятельств, в связи с которым общественная материальная деятельность, даже будучи освобожденной от всего неповторимого, случайного, уникального, никак не может быть названа экономическими отношениями.

Нельзя не согласиться с выводом, что деятельность и общественные от-

⁶ «Мышление... имманентно деятельности. Функционируя в составе деятельности, оно аккумулирует всеобщее в виде законов мышления и фигур логики» [7, с. 25]. «... Практика есть материальная целенаправляющая деятельность людей, в которой материальный и духовный моменты находятся в единстве» [15, с. 197]. «Человеческая деятельность выступает как единство материального и идеального, объективного и субъективного, как единство, ведущая сторона в котором принадлежит объективным началам» [24, с. 381].

ношения — различные стороны человеческого общежития. Ни одна из этих сторон не может заменить другую: анализ деятельности вскрывает динамику, развитие функций и способностей общественного человека, анализ отношений — движущие силы, направление деятельности, исторические формы и законы ее развития и стимуляции [3, с. 59]. К этому выводу склоняются и авторы, доказывающие необходимость строгого различия вопроса о детерминации общественных явлений и вопроса об их функциях [6, с. 192]. Отличая общественные отношения от их функций, Е.А. Самарская подчеркивает, что первые «...представляют исторически объективное в его относительно статичном состоянии» [16, с. 176].

Сведение экономических отношений к хозяйственной деятельности (общению) с некоторых пор стало традиционным для экономической теории и юриспруденции. Поэтому, доказывая несостоятельность отрыва «отношений» («соотношений») от «деятельности», следует признать: необходимость преодоления их отождествления давно выдвинулась на первый план. С такой точки зрения, полезно обобщить все то, что было высказано выше об особенностях экономических отношений (соотношений) и хозяйственной деятельности. Разумеется, в данном случае нет необходимости «ломиться в открытую дверь» и доказывать, что речь идет о субординации тех аспектов экономической системы общества, которые, как и она сама, пребывают в рамках невидимой и неосознаваемой экономической сущности и заявляют о себе на поверхности явлений в превращенных хозяйственных формах. Не менее ясно, что последние порой весьма далеки от их чисто экономического «законного» основания, которое только в конечном счете заявляет о себе хозяйственной практикой. Лишь подтвердив это, можно далее резюмировать все обозначенное выше.

Экономические соотношения (отношения) — пространственный, а экономическая деятельность (в своем явлении — хозяйственное общение) — временной аспект экономической системы общества.

Экономические соотношения (отношения) — причина и наиболее глубокое и общее основание группировки людей в системе их совместного хозяйствования, а потому их соотносительного положения как взаимно определяемых и зависимых друг от друга и в то же время противостоящих друг другу хозяйствующих субъектов.

Экономическая деятельность («действительная физиология» общественно-го производства и обмена) — общение социально определенных экономическим членением общества групп людей, конституирующее их совместную хозяйственную деятельность, или хозяйственное общение.

Экономические соотношения (отношения) — инвариантный аспект хозяйственной системы (организации) общества. Возникающая на их основе хозяйственная организация общества и устойчива (своей экономической сущностью), и изменчива (как хозяйственное явление).

Экономические соотношения (отношения) объективны. Экономическая деятельность (общение) и объективна, и субъективна.

Экономические соотношения (отношения) «делают» людей, определяют в своей основе их социальный облик. Экономическая деятельность «делается» таким образом определенными людьми.

Проведенное выше чередование понятий «соотношение» и «отношение», разумеется, не случайно. Им акцентируется необходимость различия «отношения» как «соотношения», строго категориально обозначающего экономическое отношение, и «отношения», выражающего экономическое, а скорее всего — хозяйственное общение («отношение по по-

воду»). Но все это до поры до времени проблема философии, а не политической экономии (экономической теории). Философия в первую очередь все-таки — методология познания. Но она остается таковой только до тех пор, пока декларируемые ею категории и законы всего сущего не окажутся подтвержденными теорией, а главное — жизненной практикой. В таком случае она превратится в философию конкретного знания. О том, окажется ли подтвержденным на такой высоте обозначенное выше философское понимание экономических отношений, можно будет судить, оценив достоверность сделанных на его основе выводов прикладного плана. Но это уже дело практической экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова Н.Г.* Целостность и управление. М.: Наука, 1974.
2. *Агудов В.В.* Место и функция «структуры» в системе категорий материалистической диалектики. М.: Высшая школа, 1979.
3. *Буева Л.П.* Человек: деятельность и общение. М.: Мысль, 1978.
4. *Гегель.* Наука логики. Т. 1—2. М.: Мысль, 1970; 1971.
5. *Гегель.* Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1974.
6. *Глезерман Г.Е.* Законы общественного развития. М., 1979.
7. *Голованов В.И.* Законы в системе научного знания. М.: Мысль, 1970.
8. *Квасов Р.А.* Марксистское учение о собственности. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980.
9. *Клир Р.И.* Абстрактное понятие системы // Исследования по общей теории систем. М.: Наука, 1969.
10. *Левин Г.Д.* Отношение // Категории диалектики как ступени познания. М.: Наука, 1971.
11. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд.
12. *Ньютон И.* Всеобщая арифметика, или Книга об арифметическом синтезе и анализе. М., 1948.
13. *Платон.* Тэатет. М.: Изд-во АН СССР, 1936.
14. *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956.
15. *Руткевич М.Н.* Диалектический материализм. М.: Мысль, 1973.
16. *Самарская Е.А.* Понятие практики у К. Маркса и современные дискуссии. М.: Наука, 1977.
17. *Сетров М.И.* Основы функциональной теории организации. Л.: Наука, 1972.
18. Собственность в экономической системе России. М.: ТЕИС, 1998.
19. *Соковнин В.М.* Проблемы нормативного общения // Философские науки. 1975. № 2.
20. Творения Платона. Пг., 1923.
21. *Тимирязев К.А.* Избр. сочинения. М.: Сельхозгиз, 1949.
22. *Тюхтин В.С.* Отражение, системы, кибернетика. М.: Наука, 1972.
23. *Уемов А.И.* Вещи, свойства, отношения. М.: Изд-во АН СССР, 1983. С. 51.
24. *Уледов А.К.* Социологические законы. М.: Мысль, 1975.
25. *Федосеев П.Н.* Некоторые методологические вопросы общественных наук // Вопросы философии. 1979. № 11.
26. *Хаан Э.* Исторический материализм. М: Прогресс, 1971.

ЗНАМЕНИТЫЕ ИМЕНА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ИНДУКТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ОГРАНИЧЕННАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ¹

Б. АРТУР

профессор, Ситибанк, Институт Санта Фе,
США

Перевод И.В. Розмаинского

ТИП РАЦИОНАЛЬНОСТИ, который предполагается нами в экономической теории (здесь имеется в виду совершенная, логическая, дедуктивная рациональность), чрезвычайно полезен для решения теоретических проблем. Но он предъявляет слишком большие требования к человеческому поведению, гораздо больше того, что обычно могут люди.

В самом деле, давайте представим себе огромную «коллекцию» проблем, которые приходится решать экономическим агентам, в виде своеобразного океана. Пусть самые легкие из этих проблем находятся на поверхности, а более сложные уходят в глубину. Тогда аппарат дедуктивной рациональности позволит адекватно отразить человеческое поведение лишь на несколько футов в глубь этой водной поверхности. Например, игра в крестики-нолики проста и мы можем без труда обнаружить совершенно рациональное, минимаксное решение. Но нам не удастся найти рациональные решения на больших «глубинах» шашек и, несомненно, тем более на «глубинах» шахмат и го.

Существуют две причины, в силу которых аппарат совершенной (или де-

¹ Автор особенно благодарен Джону Холлэнду, чья работа инспирировала много идей, представленных здесь, а также Кеннету Эрроу, Дэвиду Лейну, Дэвиду Румельхарту, Роджеру Шепарду, Глену Свиндли, коллегам в Институте Санта Фе и Стэнфордском университете за дискуссии. Удлиненная версия статьи представлена в [1]. Параллельные исследования по ограниченной рациональности и индукции, но применительно к макроэкономике, проводились в работе [8].

дуктивной) рациональности разрушается при усложнении рассматриваемых проблем.

Одна, очевидная, причина, состоит в том, что за пределами определенной степени усложнения наш логический аппарат перестает «справляться с обязанностями», — наша рациональность ограничена.

Другая причина заключается в том, что в интерактивных, сложных ситуациях агенты не могут полагаться на пример поведения других агентов — т.е. поступать подобно тому, как они действуют при совершенной рациональности. В такой ситуации они вынуждены отгадывать это поведение. Данное обстоятельство помещает их в мир субъективных мнений, а также субъективных мнений по поводу субъективных мнений. Объективные, четко определенные, общие для всех предпосылки здесь уже применяться не могут. Но не может применяться и рациональное, дедуктивное мышление, выводящее заключения посредством совершенных логических процессов из четко определенных исходных посылок.

Разумеется, будучи экономистами, мы хорошо осведомлены об этом. Однако вопрос не о том, работает ли аппарат совершенной рациональности, а скорее в том, что же использовать вместо него?

Другими словами — как мы моделируем ограниченную рациональность в экономической теории?

В публикациях по ограниченной рациональности — пока еще малочисленных, но их количество растет, — было предложено много идей, в которых еще нет значительного сближения позиций. В поведенческих же науках дело обстоит противоположным образом: современные психологи благоразумно соглашались с тем, что в ситуациях, которые усложнены или плохо определены, люди используют типовые и предсказуемые методы мышления. Эти методы не дедуктивны, а *индуктивны*.

В этой статье я буду доказывать, что нам, как экономистам, нужно уделять большее внимание *индуктивному мышлению*, которое имеет огромное значение как интеллектуальный процесс и которое не трудно моделировать. В основной части этой статьи я представлю проблему принятия решения — «задачу на посещение бара», в которой предполагается и моделируется индуктивное мышление; кроме того, будут исследованы следствия, вытекающие из этой проблемы. Система, возникающая при индуктивном мышлении, будет характеризоваться как эволюционностью, так и сложностью.

I. ИНДУКТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Как люди *формируют* свои идеи в ситуациях, которые усложнены или плохо определены?

Современная психология говорит нам о том, что, будучи людьми, мы лишь в небольшой степени хороши в области дедуктивной логики и (опять-таки) лишь в небольшой степени используем ее. Зато мы являемся преуспевающими субъектами в плане понимания, признания или учета «паттернов» — типов поведения, которые дают очевидные эволюционные преимущества. В ходе решения проблем усложнения мы ищем паттерны и упрощаем эти проблемы, используя их для конструирования временных внутренних моделей (или гипотез, или *схем*) для работы с такими проблемами².

² Мнения по этому поводу в психологической литературе см. в работах: [2, 5, 7]. Разумеется, не все проблемы принятия решений «урегулируются» таким образом. Большинство наших повседневных действий — вроде прогулок или вождения автомобиля — регулируется подсознательно, и применительно к ним признание паттернов происходит непосредственно в действии. Здесь работают лучше «взаимоотношенческие», «коннекционистские» модели.

Мы делаем наши локализованные выводы на основе наших текущих гипотез и действуем на базе этих выводов. И, по мере действия механизма обратной связи с внешней средой, мы можем усиливать или ослаблять нашу веру в наши текущие гипотезы, отбрасывая некоторые из них, когда они перестают работать, и заменяя их, когда нужно, новыми гипотезами. Иными словами, там, где мы не можем полностью постичь проблему или у нас нет полного определения этой проблемы, мы используем простые модели для заполнения пробелов в нашем понимании. Такое поведение является *индуктивным*.

Мы можем видеть, как работает индуктивное поведение при игре в шахматы. Игрок обычно изучает текущее расположение фигур на доске и вспоминает, как играл его оппонент в прошлых играх, для того, чтобы разгадать паттерны [3]. Эти паттерны используются игроками для формирования гипотез или внутренних моделей, касающихся планируемых стратегий друг друга, причем, возможно, даже в голове каждого из них одновременно присутствуют несколько таких стратегий («он использует защиту Каро-Канн», «это похоже на партию 1936 года между Ботвинником и Видмаром», «он пытается построить на своей половине доски пешечный форпост»).

На основе всего этого игроки делают логические выводы, анализируя возможные последствия своих ходов на несколько ходов вперед. И по мере игры они все сильнее «привязываются» к гипотезам или ментальным моделям, если те доказали свою правдоподобность, или же отказываются от них в пользу новых в противном случае. Иными словами, они используют последовательность, состоящую из признания паттернов, формирования гипотез, выводов, логически следуемых из текущих гипотез, и замены гипотез по мере необходимости.

Этот тип поведения, возможно, мало знаком людям, занимающимся экономической теорией. Но мы можем признать его преимущества. Он позволяет нам «работать» с усложнениями: мы конструируем правдоподобные, простейшие модели, при помощи которых *оказываемся в состоянии* справляться с этими сложностями. Он позволяет нам «работать» в ситуации плохих определений: там, где у нас недостаточно определений, наши работающие модели заполняют пробел. В этом плане данный тип поведения не противоположен «мышлению», или науке. В действительности, это способ, посредством которого сама наука функционирует и развивается.

Моделируя индукцию

Если люди действительно мыслят подобным образом, то как мы можем моделировать такое мышление? В типичной проблеме, которая разворачивается с течением времени, мы можем «сформировать» набор агентов, по всей видимости, разнородных, и предположить, что они в состоянии придумывать ментальные модели, или гипотезы, или субъективные мнения. Эти мнения могут появляться в виде простых математических выражений, которые можно использовать для описания или предсказания некоторых переменных или действий, или же в виде усложненных моделей, учитывающих ожидания, такого типа, который распространен в экономической теории. Указанные мнения также могут возникнуть в виде статистических гипотез или правил условий/предсказаний («если наблюдается ситуация Q, то предсказывается результат или действие D»). Такие мнения обычно являются субъективными, т.е. они различны для различных агентов. Агент может придерживаться одного или нескольких мнений в один момент времени.

Каждый агент обычно следит за тем, насколько хорошо работает частная «коллекция» таких мнений-моделей.

Когда приходит время выбирать, он действует на основе той модели, к которой испытывает в текущий момент наибольшее доверие (или которая, возможно, является самой прибыльной). Другие, так сказать, держатся «про запас».

Имеется и иной вариант: он может действовать на основе комбинации из нескольких моделей (хотя люди имеют склонность одновременно держать в голове несколько гипотез, действовать они предпочитают на базе самой правдоподобной из них [4]). После того как действия предприняты, общая картина модифицируется, а агенты модифицируют «послужной список» всех этих гипотез.

Это система, в которой имеет место обучение. Агенты «учатся» пониманию того, какая из гипотез работает, время от времени они могут отбрасывать плохо работающие гипотезы и генерировать новые «идеи» для того, чтобы заменять ими отвергнутое. Агенты придерживаются своей самой правдоподобной в настоящее время гипотезы или модели мнения, но отказываются от нее, когда она уже не функционирует хорошо, в пользу лучшей модели. Это является причиной появления так называемой «встроенной гипотезы». Модель мнения «прилипчива» не потому, что она «правильна» — этого узнать вообще нельзя, а скорее потому, что она работала в прошлом и должна накопить определенное количество провалов, прежде чем возникнет необходимость ее отбросить.

В общем, может иметь место постоянный, медленный оборот гипотез, на основе которых уже осуществлялись действия. Мы могли бы говорить об этом как о системе «временно сбывающихся ожиданий», — мнений, или моделей, или гипотез, которые временно «выполняют свою работу» (хотя и не совершенно), а когда перестают ее выполнять, то «уступают место» другим мнениям или гипотезам.

Если читатель обнаружит, что не знаком с этой системой, то он может трактовать ее в качестве обобщения стандартных рамок экономического обучения. Обычно в этих рамках агенты, разделяющие одну модель ожиданий с неизвестными параметрами, действуют на основе самых правдоподобных в настоящее время значений. Здесь же, напротив, агенты различаются, и каждый использует несколько субъективных моделей вместо континуума одной, разделяемой всеми. Этот мир более богат и мы вправе задаться вопросом: сходится ли он в конкретном контексте к некоторому стандартному равновесию мнений или же остается открытым к корректировкам, всегда обнаруживающим новые гипотезы, новые идеи?

Этот мир также является эволюционным (или, точнее говоря, — «коэволюционным»). Представители многих биологических видов должны «проявлять себя», конкурируя и адаптируясь в среде, созданной другими видами, для того, чтобы выжить и размножиться. Аналогично этому и гипотезы, чтобы быть точными и служить основой для действий, должны «проявлять себя», конкурируя и адаптируясь в среде, созданной гипотезами других агентов. Поэтому множество идей или гипотез, на основе которых осуществляются действия на любой стадии, коэволюционируют³.

Но остается ключевой вопрос: где истоки гипотез или ментальных моделей? Как они генерируются? В поведенческом аспекте — это глубокий вопрос из области психологии, затрагивающий проблемы познания, репрезентации объекта и признания паттерна. Я не буду здесь идти дальше. Но существует несколько простых и практических воз-

³ Похожий тезис справедлив для стратегии в теории эволюционных игр, но там, вместо большого количества частных, субъективных моделей ожиданий, конкурирует друг с другом малое количество стратегий.

возможностей, которые можно смоделировать. В одних случаях мы можем наделять наших агентов *фокусными* моделями — паттернами или гипотезами, которые очевидны, просты и могут быть легко представлены мысленно. Мы можем осуществить генерирование «банка» таких моделей и распределить их среди агентов. В других случаях, при наличии подходящего пространства-модели, мы могли бы предположить генетический алгоритм или некий похожий механизм продуманного поиска для генерирования самых «умных» моделей.

Тем не менее, какая бы возможность не выбиралась, важно иметь в виду, что вышеописанные рамки не зависят от использования конкретных гипотез или мнений, точно так же, как рамки теории поведения потребителя не зависят от конкретных продуктов, среди которых делается выбор. Разумеется, при использовании рамок для решения конкретной проблемы следует принять определенную систему генерирования мнений.

II. ЗАДАЧА НА ПОСЕЩЕНИЕ БАРА

Рассмотрим теперь задачу, которую я сконструировал для иллюстрации индуктивного мышления и того, как его можно моделировать.

Пусть N людей еженедельно решают, независимо друг от друга, идти ли им в определенную ночь в бар, предлагающий развлекательные мероприятия, или нет. Для упрощения предположим, что $N = 100$.

Помещение бара ограничено, и вечер будет приятным, если в этом баре не будет столпотворения (конкретнее — если там будет находиться меньше 60% из возможных 100).

Нет способа заранее определить, сколько людей наверняка придет. Поэтому лицо, или агент, *идет в бар* — считает, что стоит пойти, — если ожидает появления в баре меньше 60 человек,

или *остается дома*, если ожидает появления в баре больше 60 человек (совершенно не обязательно, что эта полезность будет сильно различаться в ситуациях, когда количество людей намного больше или намного меньше 60).

На выбор не влияют предыдущие визиты, нет сговора или предшествующего общения агентов между собой, и единственная доступная информация — количество людей, которые пришли на прошлых неделях (эта задача была инспирирована ситуацией с баром El Farol в Санта Фе, который предлагал ирландскую музыку в ночь с четверга на пятницу, но читатель, возможно, признает, что данная задача также применима к столпотворениям в закусочных в полуденное время и к другим координационным проблемам с ограничениями на желаемую координацию). Представляет интерес динамика еженедельных посещений.

Отметим два интересных свойства задачи.

Во-первых, если бы существовала четкая модель, которую все агенты могли бы использовать для прогнозирования посещаемости и для обоснования своих решений, то можно было бы предложить дедуктивное решение. Но здесь дело обстоит по-другому. При данном количестве людей, посещавших бар в недавнем прошлом, может оказаться разумным и оправданным большое количество моделей ожиданий. Таким образом, не зная, какую модель могли выбрать другие агенты, данный агент не может сделать свой выбор четко определенным образом. Не существует дедуктивно-рационального решения — нет «правильной» модели ожиданий. С точки зрения агентов, задача плохо определена, и они попадают в мир индукции.

Во-вторых, и это свойство имеет поистине драматическую значимость, любая общность ожиданий имеет тенденцию разрушаться. Если все полагают,

что *несколько* человек пойдет в бар, то *все* туда пойдут. Но данное обстоятельство делает несостоятельным такое предположение. Аналогично, если все полагают, что в бар пойдет *большинство* народа, то *никто* не пойдет, тем самым делая несостоятельным и это предположение. Таким образом, различия в ожиданиях будут форсироваться.

На этой стадии я приглашаю читателя сделать паузу и поразмышлять о том, какой, по всей видимости, будет предполагаемая динамика посещаемости во времени. Будет ли иметь место ее сходимости, и если да, то к чему? Станет ли она хаотичной? Каким образом можно прийти к предсказаниям?

Динамическая модель

Чтобы ответить на эти вопросы, давайте построим модель в соответствии с теми рамками, которые были очерчены выше. Предположим, что каждый из 100 агентов может в индивидуальном порядке сформировать несколько прогностических моделей или гипотез в форме функций, отображающих, как посещаемость прошлых d недель влияет на посещаемость в следующую неделю. Например, недавняя посещаемость могла бы быть следующей: 44, 78, 56, 15, 23, 67, 84, 34, 45, 76, 40, 56, 22, 35.

И конкретные гипотезы или прогностические модели могли бы *предсказывать*, что *количество посетителей на следующей неделе* будет:

- таким же, как и на прошлой неделе (35);
- равно разности между общей численностью людей и численностью побывавших в баре на прошлой неделе (65);
- 67 (67);
- (округленной) средней из численности посетителей бара за последние четыре недели (49);
- соответствовать тренду за последние 8 недель, ограниченному 0 и 100 (29);

- таким же, как и 2 недели назад (что указывает на обнаружение цикла в 2 периода) (22);
- таким же, как и 5 недель назад (что указывает на обнаружение цикла в 5 периодов) (76);
- каким-либо иным.

Предположим, что каждый агент имеет индивидуализированный набор k таких фокальных («сфокусированных») прогностических моделей, и при этом он отслеживает их эффективность. Он решает, идти ему в бар или оставаться дома, в соответствии с наиболее удачно работающей в настоящее время моделью в его наборе (я буду называть эту модель его *активной* моделью).

После того как решения приняты, каждый агент узнает новые данные о посещаемости и модифицирует уровень точности наблюдаемых им прогностических моделей.

Отметим, что в этой задаче на посещение бара посещаемость определяется набором тех гипотез, которым в настоящее время в наибольшей степени доверяют агенты и на основе которых они действуют, — набором активных гипотез. Но этот набор определяется историей реальной посещаемости бара. Используя термин Джона Холлэнда, мы можем трактовать эти активные гипотезы как «факторы формирования *экологии*».

Представляет интерес эволюция этой экологии во времени.

Компьютерные эксперименты

Оказывается, что применительно к большинству наборов гипотез данный вопрос аналитически затруднителен. Поэтому последующие идеи развиваются мною на основе компьютерных экспериментов. В этих экспериментах для генерирования гипотез я первоначально создаю «алфавитную взвесь» из прогностических моделей в форме нескольких дюжин фокусных моделей, многократно воспроизведенных. Затем

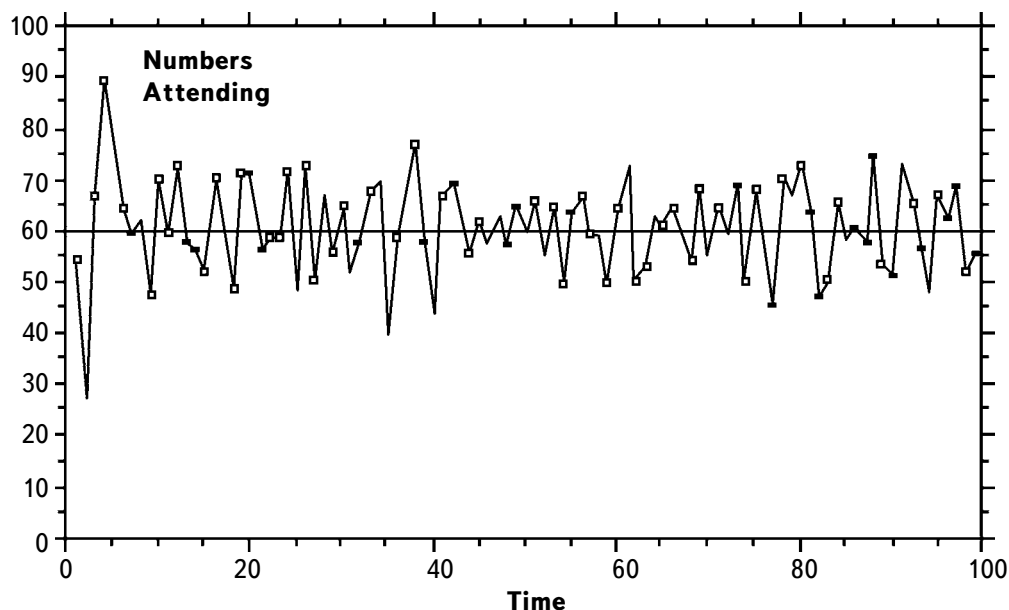
я случайным образом «вычерпываю» k (скажем, 6, 12 или 23) моделей для каждого из 100 агентов. В таком случае каждый агент имеет k прогностических моделей (или гипотез, или «идей»), которые он может «черпать». Нам не нужно беспокоиться о том, что бесполезные модели затушают истинный характер поведения. Если модели не «работают», то они не будут использоваться, а в противном случае они окажутся на переднем плане. При наличии исходных условий и фиксированного набора прогностических моделей, доступных для каждого агента, степени будущей точности всех моделей предопределены. В этом случае динамика является детерминистичной.

Результаты эксперимента интересны (рисунок). При наличии прогностических моделей, обнаруживающих циклы, последние быстро ликвидируются словно через арбитраж, так что устойчивых циклов не существует (если люди ожидают, что много народа пойдет, поскольку три недели назад посещаемость была высокой, то эти люди оста-

нуты дома). Более интересно то обстоятельство, что наблюдается сходимость средней посещаемости к 60. Действительно, прогностические модели самоорганизуются в равновесный паттерн, или «экологию». Из этих активных моделей — тех, что дают наиболее точные предсказания и поэтому используются для обоснования действий, 40% дают прогноз посещаемости, большей 60, а 60% дают прогноз посещаемости, меньшей 60.

Эта формирующаяся экология почти органична по своей природе. Хотя популяция активных прогностических моделей разбивается на две категории — 60/40, «членство» моделей в этой популяции меняется вечно. Это напоминает лес — его общий облик не меняется, чего никак нельзя сказать про отдельные деревья. Данные результаты появляются на всем протяжении экспериментов и устойчивы к изменениям в типах созданных прогностических моделей и в приписанных количествах.

Каким образом прогностические модели саморганизуются так, что цифра

Посещаемость бара в течение первых 100 недель

60 оказывается показателем средней посещаемости, а структура прогнозов принимает вид 60/40?

Одно из объяснений может состоять в том, что 60 — естественный «аттрактор» («привлекатель») в этой задаче. Действительно, если мы посмотрим на данную задачу как на чистую «игру в предсказания», то смешанная стратегия прогнозирования свыше 60 (с вероятностью 0,4) и ниже 60 (с вероятностью 0,6) является «нэшевой». Но это пока еще не объясняет, как агенты приходят к любому подобному результату, если учитывать, что их мышление реалистично и субъективно.

Чтобы уяснить, как это происходит, предположим, что 70% этих моделей давали бы прогноз свыше 60 в течение длительного промежутка времени. Тогда в среднем только 30 людей будут посещать бар. Но данное обстоятельство сделает обоснованными те модели, чьи прогнозы будут близки к 30, восстанавливая, так сказать, «экологический» баланс среди моделей. В конце концов, структура 40/60 (%) «утвердится» сама собой (оказывается, математическое доказательство этого тезиса нетривиально). Важно прояснить, что нам не нужно какого-либо прогностического баланса типа 40/60 среди применяемых моделей. Многие могли бы иметь тенденцию к предсказыванию завышенных результатов, но совокупное поведение выводит на передний план равновесный коэффициент прогнозирования. Разумеется, наш вывод потерпел бы фиаско, если бы все прогностические модели давали предсказание ниже 60 — тогда все 100 агентов всегда ходили бы в бар. Необходимо, чтобы модели «покрывали» существующее «пространство прогнозирования» в некоторой умеренной степени. Читатель мог бы поразмышлять, что случилось бы, если бы все агенты придерживались одного и того же набора прогностических моделей.

Можно было бы возразить, что в этих экспериментах я нагрузил агентов фиксированными наборами громоздких прогностических моделей. Если бы они могли генерировать в большей степени такие прогнозы, которые были бы более продуманными и подверженными корректировкам, то их поведение могло бы оказаться другим. Несомненно, мы могли бы проверить подобное использование посредством более изощренных процедур, скажем, генетического программирования [6]. Оно непрерывно генерирует новые гипотезы — новые прогностические выражения, которые «продуманно» адаптируются и часто становятся более усложненными с течением времени. Но я был бы удивлен, если бы такая модификация изменила бы вышеописанные результаты каким-либо качественным образом.

III. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система индуктивного мышления, которую я описал выше, состоит из множества «элементов» в форме моделей мнений или гипотез, которые адаптируются к совокупной среде, совместно создаваемой ими. Таким образом, данное обстоятельство позволяет определить их как *адаптивно сложную* систему. После прохождения исходного периода времени, связанного с обучением, используемые гипотезы или ментальные модели взаимно коадаптируются.

Таким образом, мы можем трактовать непротиворечивый набор ментальных моделей в виде множества гипотез, которые хорошо взаимодействуют друг с другом при соблюдении некоего критерия — в соответствии с ним они имеют высокую степень взаимной адаптируемости.

Иногда существует единственный подобный набор; он соответствует стандартному равновесию с рациональными ожиданиями, и мнения «притягиваются» к нему. Но чаще имеет место большая,

возможно, даже очень большая множественность таких наборов. В этом случае мы могли бы ожидать, что система индуктивного мышления в экономике (не важно, в каком виде — в форме спекуляций на фондовом рынке, в области переговоров, при игре в покер, при олигополистическом ценообразовании, в ходе позиционирования продукта на рынке и пр.) заикливается на психологических паттернах или же временно «блокируется», «запирается» в них. Эти паттерны могут быть непериодическими, зависимыми от предшествующей траектории развития и все сильнее усложняться. Возможности здесь — богатые.

Экономистов давно беспокоит предпосылка совершенной, дедуктивной рациональности в таких контекстах принятия решений, которые являются усложненными и потенциально плохо определенными.

Область применения людьми совершенной рациональности на удивление скудна.

В контексте вышеизложенных рассуждений я полагаю, что, будучи людьми, мы используем в этих контекстах *индуктивное* мышление. Мы разрабатываем множество рабочих гипотез, действуем на основании тех из них, которым больше всех доверяем и, если они перестают работать, заменяем эти гипотезы новыми. Такое мышление можно моделировать разнообразными спосо-

бами. Обычно это приводит к богатому психологическому миру, в котором идеи или ментальные модели одних агентов конкурируют за выживание с идеями или ментальными моделями других агентов. Подобный мир является как эволюционным, так и сложным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arthur W. B.* On Learning and Adaptation in the Economy. Santa Fe Institute Paper 92-07-038. 1992.
2. *Bower G.H., Hilgard E.R.* Theories of Learning. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1981.
3. *De Groot A.* Thought and Choice in Chess // Psychological Studies. № 4. Paris: Mouton & Co., 1965.
4. *Feldman J.* Computer Simulation of Cognitive Processes // Borko H. (ed.), Computer Applications in the Behavioral Sciences. Prentice Hall, 1962.
5. *Holland J.H., Holyoak K.J., Nisbett R.E., Thagard P.R.* Induction. Cambridge, Mass: MIT Press, 1986.
6. *Koza J.* Genetic Programming. Cambridge, Mass: MIT Press, 1992.
7. *Rumelhart D.* Schemata: the Building Blocks of Cognition // Spiro R., Bruce B., Brewer W. (eds.). Theoretical Issues in Reading Comprehension. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1980.
8. *Sargent T.J.* Bounded Rationality in Macroeconomics. Oxford University Press, 1994.
9. *Schank R., Abelson R.P.* Scripts, Plans, Goals and Understanding: An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1977.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

МОДЕЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА ФЕДЕРАТИВНЫХ ОКРУГОВ

А.О. БЛИНОВ

академик РАЕН, доктор экономических наук, профессор, кафедра социологии организации и менеджмента Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

НЕОБХОДИМОСТЬ разработки данного вопроса связана с тем, что стратегическое развитие федеративных округов должно быть основано на самых передовых и эффективных методах управления. Именно к таким методам все чаще сегодня относят методы маркетингового управления.

Выделим пять подходов к развитию федеративных округов: развитие сообщества федеративных округов, дизайн, планирование, экономическое развитие и стратегическое маркетинговое планирование. Рассмотрим коротко эти подходы.

Идея развития сообщества федеративных округов заключается в создании качественной среды обитания для людей, живущих и работающих в округе. Специалисты по развитию сообщества федеративных округов поддерживают жилые районы, помогают образовательным учреждениям, обеспечивают повышенные социальные гарантии и адекватные медицинские услуги, в основном делая акцент на влиянии, которое оказывают сильные общественные институты на качество жизни в федеративных округах. Но этого не достаточно для эффективного управления развитием федеративного округа. Развитие сообщества федеративных округов не может быть единственным параметром для улучшения привлекательности и жизнеспособности федеративных округов. Во-первых, федеративный округ может не обладать достаточными ресурсами для инвестиций. Во-вторых, возникает соперничество между разными федеративными округами. И, в-третьих, этот подход не учитывает в полной мере

внешних изменений, т.е. оторван от внешнего, по отношению к федеративному округу, окружения.

Сторонники второго подхода считают, что в федеративных округах должно быть удобно жить, и уделяют большое внимание архитектуре, чистоте, экологичности и т.п. Эстетика и улучшение качества жизни рассматривается как фактор позитивного развития федеративных округов в целом. Однако методы данного подхода также ограничены и при определенных условиях не смогут сделать федеративный округ более привлекательным и удобным, например, при нехватке средств на реализацию архитектурного плана.

Третий подход — планирование — считается неэффективным, поскольку структуры администраций федеративных округов в основном занимаются рассмотрением и оценкой различных проектов, что по большей части отвечает задачам обеспечения функционирования федеративного округа, а не его развития.

Сторонники того, что развитие федеративных округов связано только с экономическим развитием, рассматривают экономический рост как залог успешного развития. Однако развитие федеративных округов предполагает не только конкретные результаты деятельности уже имеющихся отраслей, но и новые направления деятельности, такие как внедрение новых производств, повышение производительности имеющихся производств, увеличение количества инноваций и т.п., поэтому данный подход также не идеален.

В противовес этим вышеперечисленным подходам, к развитию федеративных округов как к процессу управления, основанному на стратегическом маркетинговом планировании, возможны две трактовки маркетинга федеративных округов. Узкая трактовка определяет маркетинг федеративных округов как элемент местной экономической политики,

связанный с созданием имиджа и привлечением инвестиций. В широком смысле, маркетинг федеративных округов — это процесс выявления, создания и реализации предпосылок экологической и социально ориентированной местной экономической политики, в целях формирования максимально благоприятной среды производства и жизнедеятельности, осуществляемый на основе общественного консенсуса, методами рыночного регулирования. То есть маркетинг федеративных округов заменяет местную экономическую политику, включая в себя все ее прежние направления и дополняя такими элементами и характеристиками, как создание и реклама имиджа федеративных округов; последовательная ориентация на потребности, т.е. интересы тех конкретных групп населения и виды деятельности, которые привлекаются в федеративные округа; экологическая и социальная направленность; партнерство властей и частного бизнеса.

Основными задачами маркетинга федеративных округов должны являться:

- использование существующих преимуществ федеративных округов и разработка новых преимуществ, т.е. аналогично тому, как маркетинг продукта доводит до потребителя уникальные свойства товара, так маркетинг федеративных округов формирует его уникальные свойства, федеративный округ преподносится как товар, имеющий свою стоимость и полезность;
- обеспечение социально-экономического развития федеративных округов в направлении избранных приоритетов;
- улучшение или сохранение конкурентоспособности предприятий, расположенных в федеративных округах, особенно это относится к градообразующим предприятиям;

- привлечение в федеративные округа новых предприятий;
- привлечение в федеративные округа внешних инвесторов;
- формирование определенного уровня известности федеративных округов;
- увеличение степени удовлетворенности населения проживанием в округе и т.п.

Концепция маркетинга подразумевает ориентацию любой деятельности как в промышленности, так и в непромышленной сфере, на удовлетворение потребностей потребителей. В связи с этим маркетинг федеративных округов также должен быть направлен на удовлетворение различных, постоянно развивающихся потребностей жителей округов, поэтому маркетинг федеративных округов выдвигает принципиально другие, нежели при ранее существовавших подходах, цели социально-экономического

развития региональных образований. На первое место выдвигается создание благоприятных условий для жизни населения и удовлетворение его потребностей, что можно представить следующей схемой, представленной на рис. 1.

В свою очередь, и в методологии исследований социально-экономического развития федеративных округов должно уделяться большее внимание факторам, влияющим на интересы и потребности жителей, а также оценке рациональности развития производственной и непроизводственной сферы федеративных округов. Например, совершенно новыми направлениями исследований должны стать процессы формирования рынков труда, жилья, услуг образования и здравоохранения и т.п. Используя процесс стратегического маркетингового планирования, можно определить, какие отрасли и рынки должны стимулироваться, какие — поддерживаться, ка-

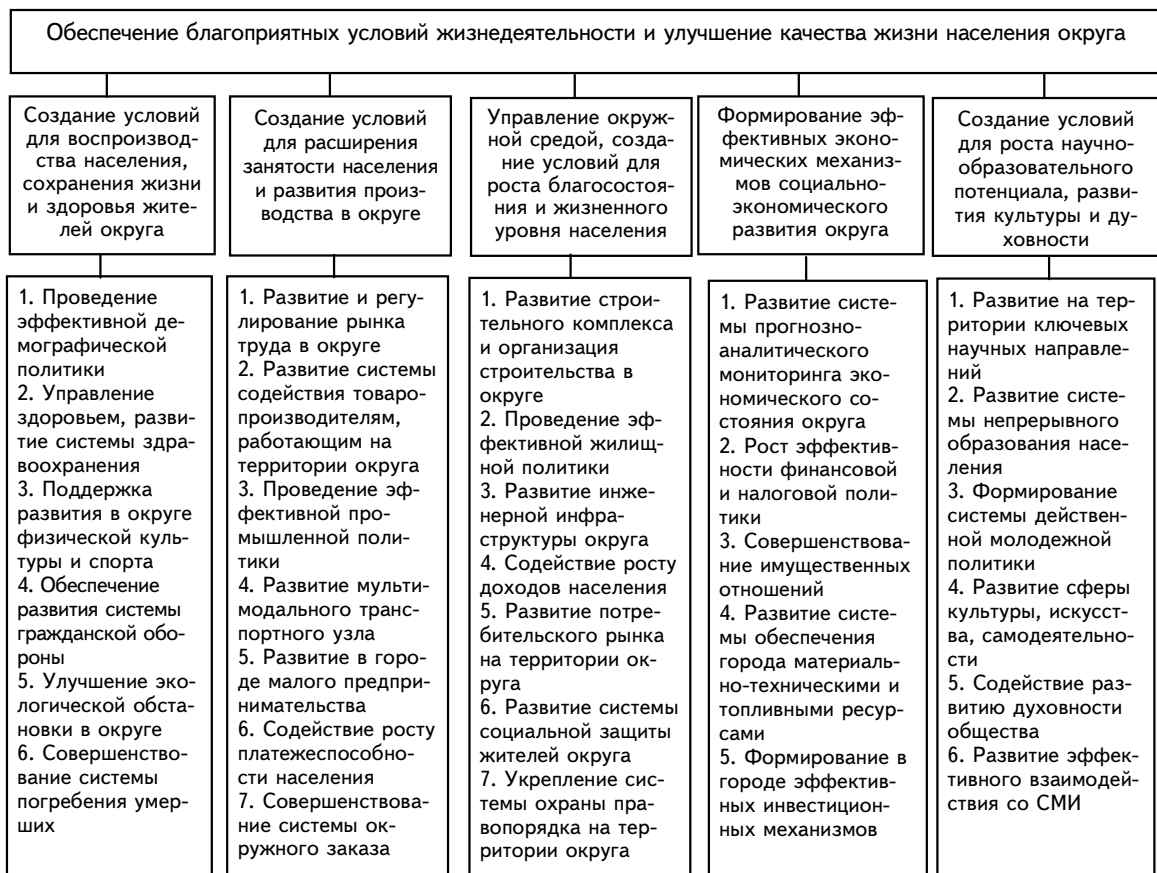

Рис. 1. Обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности и улучшения качества жизни населения округа

кие — не получать поддержки или даже игнорироваться. В целом же стратегическое маркетинговое планирование может стать одним из важнейших направлений по модернизации управления федеративными округами, способствующим выявлению наиболее эффективных «полей управленческих решений».

Сегодня необходимо сосредоточить усилия федеративных округов на выборе нескольких наиболее реальных и приоритетных направлений маркетинговых исследований, требующих небольших вложений, но дающих значительный эффект и импульс для развития федеративных округов.

Исходя из выше сказанного, для федеративных округов, где последнее время больше внимания уделялось промышленной сфере, можно настоятельно порекомендовать направить усилия на непроизводственную сферу. В частности, на наш взгляд, для федеративных округов наиболее важными направлениями, которые сегодня необходимо претворять в жизнь, являются маркетинг рынка услуг образования и здравоохранения, маркетинг на рынке жилья, кадровый маркетинг. При разработке концепции федеративных округов именно по этим направлениям должна вестись работа, направленная на изучение потребностей населения в услугах данных сфер.

Маркетинг рынка образовательных услуг должен быть одним из ведущих направлений в разработке маркетинга федеративных округов. Основными этапами маркетинга услуг образования являются следующие:

- определение, прогнозирование и удовлетворение потребностей в образовательных услугах на основе совместной согласованной работы учреждений образования и администрации федеративного округа;
- проведение анализа, нацеленного на выявление факторов, влияющих на потребительское поведение

на рынке образовательных услуг;

- постановка целей и разработка направлений развития рынка образовательных услуг, т.е. формирование стратегии развития сферы образования;
- проведение сегментации рынка образовательных услуг с целью выявления ниши, заполнение которой способствовало бы социально-экономическому развитию округа;
- разработка маркетингового плана, в частности разработка непосредственно определенной услуги сферы образования, разработка ценовой политики для данной услуги, разработка методов и каналов ее продвижения;
- реализация маркетингового плана и анализ достигнутых результатов.

В зависимости от интересов потребителей услуг сферы образования и в зависимости от влияния этих услуг на социально-экономическое развитие федеративных округов нами предложены модели развития образовательных услуг (табл. 1).

Как показали наши исследования, многие федеративные округа имеют недостаток специалистов в сфере высоких технологий, высококвалифицированных программистов, врачей, научных кадров. Существует необходимость в обучении предпринимательству и ведению бизнеса. В любом федеративном округе имеются особо одаренные дети, творческие личности, которым необходима как материальная, так и любая другая поддержка округов. С другой стороны, эти люди необходимы всему округу. Своим талантом они способны прославить федеративный округ далеко за его пределами, создавая ему при этом благоприятный имидж. Таким образом, модели развития рынка образовательных услуг могут быть довольно акту-

Модели развития рынка образовательных услуг

Вид модели	Потребности потребителей	Интерес муниципального образования
I модель: развитие образовательных услуг на предприятиях округа	Повышение квалификации; получение возможностей карьерного роста; получение возможностей повышения заработной платы	Повышение общего уровня образования населения. Повышение квалификации населения, в результате — увеличение производительности и улучшение качества труда
II модель: развитие образовательных услуг с целью устранения дефицита кадров	Повышение образовательного уровня с целью заполнения пробелов на рынке труда. Получение необходимой квалификации с целью получения необходимой работы	Сглаживание социальных проблем, в частности решение проблем нехватки кадров в отдельных отраслях и проблем безработицы
III модель: развитие образовательных услуг с целью индивидуального развития личности	Повышение образовательного уровня с целью самореализации и полного раскрытия имеющихся талантов и способностей	Развитие индивидуальных особенностей жителей округа. Формирование имиджа федеративных округов, как округов, где возможно развить свои способности и где поддерживаются талантливые и способные личности

альными, их развитие может внести свой вклад и дать свои благоприятные результаты для социально-экономического развития федеративных округов муниципального образования в целом.

Такой ресурс округов, как «образование», необходимо рассматривать в качестве конкурентного преимущества. Вообще под термином «образование» следует понимать процесс приобретения знаний, умений, навыков, а также процесс повышения квалификации. А создание возможностей для получения общественно востребованного образования должно стать главной стратегической целью в области развития сферы образования округа. Для достижения данной стратегической цели предлагается решить следующие задачи:

- разработать системы профессиональной переподготовки кадров, системы получения второго высшего образования, системы подготовки руководителей через ин-

ституты повышения квалификации;

- стимулировать возвращение своих кадров после обучения в других муниципальных образованиях путем их трудоустройства и заключения с ними взаимовыгодных контрактов;
- исследовать потребности рынка труда и в зависимости от потребностей корректировать системы подготовки и переподготовки кадров;
- установить связи с местными учебными заведениями и учебными заведениями других округов, регионов и при необходимости — с зарубежными учебными заведениями;
- инициировать проведение обучающих семинаров.

Также разработке стратегии развития сферы образования могут помочь ответы на следующие вопросы:

- каков должен быть результат от развития образования;
- какие профессии будут востребованы;
- как заинтересовать жителей в получении образования;
- что должны получить жители, прослушав тот или иной обучающий курс;
- какие возрастные или профессиональные группы должны быть вовлечены в процесс образования;
- насколько широк должен быть круг обучающихся и т.п.

Таким образом, выбор наиболее эффективных путей обучения местных жителей — задача не только обучающих организаций, но и органов власти федеративных округов. Развитие сферы образования может существенно влиять на социально-экономическое положение округов и в целом благоприятно отразится на его стратегическом развитии. Поэтому целесообразно рекомендовать федеративным округам обратить внимание на развитие этой непроизводственной сферы.

По аналогии с маркетингом товаров, маркетинг федеративных округов можно представить также как «продажу» округов жителям, хозяйствующим субъектам, инвесторам и т.д. При этом необходимой частью экономической политики является реклама и продвижение федеративного округа. План продвижения федеративного округа — это своего рода система действий, направленных на долговременное поддержание конкурентных преимуществ округа. Такой план является одним из наиболее эффективных методов управления социально-экономическим развитием федеративных округов. В целом процесс продвижения федеративного округа может быть представлен схемой (рис. 2).

Как показывает данная схема, на первом этапе должны быть определены цели продвижения федеративного ок-

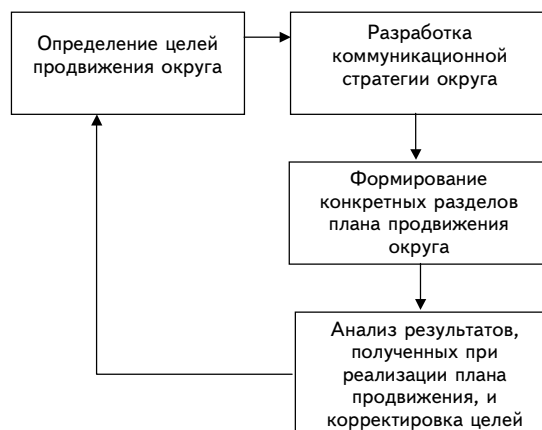

Рис. 2. Этапы планирования процесса продвижения федеративного округа

руга. Они могут быть примерно следующими:

- привлечение в округ новых предприятий;
- формирование положительного имиджа округа;
- формирование благоприятного хозяйственного климата;
- привлечение инвестиционных ресурсов;
- создание новых рабочих мест;
- улучшение эстетического вида округа;
- укрепление экономики округа в целом и т.п.

На втором этапе разрабатывается коммуникационная стратегия. Выделение данного этапа связано с тем, что разработка стратегического маркетингового планирования в округе и процесс согласования интересов различных групп населения — задача довольно сложная, по сравнению с разработкой маркетинга товара. Эта задача требует четкого выполнения коммуникативной функции маркетинга, поскольку частный сектор объединен одной целью — получением прибыли, а развитие округа обусловлено множеством интересов различных групп населения, интересами предприятий и организаций.

Для разработки коммуникационной стратегии рекомендуем один из наиболее эффективных видов маркетинговых

коммуникаций — public relations (связи с общественностью). К основным функциям public relations относятся: сбор информации о мнениях, отношениях и поведении общественности; анализ влияния политики, процедур и действий местной администрации на общественность; модификация элементов политики, процедур и действий администрации в тех случаях, когда они входят в конфликт с интересами общественности; установление и поддержание двусторонних благожелательных отношений между руководителями округа и общественностью. Использование методов public relations является обязательным в процессе продвижения федеративного округа.

В PR-кампанию целесообразно включить следующие направления деятельности:

- создать организационную структуру, которая будет заниматься связями с общественностью, и пресс-центр;
- подготовить людей, способных заниматься связями с общественностью;
- организовать связи со стейкхолдерами;
- в зависимости от возможностей использования тех или иных мер воздействия, подразделить общественность на группы и разработать план взаимодействия с каждой такой группой;
- организовать работу по сбору информации о мнениях и отношениях к окружным проблемам населения;
- разработать рекламную кампанию округа, в том числе презентационные и информационные материалы, атрибуты, сувениры, выражающие особенности федеративного округа;
- организовать работу со средствами массовой информации;
- создать страницу округа в Интернете;

- организовать сотрудничество с информационными агентствами;
- разработать планы окружных ярмарок, общественных мероприятий;
- организовать и поддерживать внешнеэкономические связи федеративного округа и т.п.

Некоторые из этих направлений уже реализуются во многих федеративных округах. Разрабатываются презентационные материалы и инвестиционные паспорта округов. Создаются и обновляются страницы округов в Интернете. Ведется работа по организации внешнеэкономических связей.

Но есть и такие из перечисленных направлений, которым не уделяется достаточного внимания и по которым еще предстоит организовать работу. В федеративных округах пока плохо поставлена работа по изучению общественного мнения. А между тем это довольно важное направление как в процессе продвижения округа, так и в целом в процессе стратегического развития. Поэтому администрации федеративных округов должны сегодня обратить внимание на это направление и разработать конкретные методы изучения общественного мнения. В табл. 2 приведены некоторые из таких методов, которые вполне могут быть использованы во многих федеративных округах.

Важное направление в продвижении федеративного округа — работа со СМИ. Главным принципом такой работы является правдивое информирование общественности обо всем, что происходит в округе. Именно через СМИ следует доводить до населения сведения о том, как обеспечиваются потребности в услугах, какие услуги в данном округе будут предлагаться в будущем, какова социально-экономическая обстановка в округе и что намерена сделать администрация для ее улучшения. Также через СМИ целесообразно доводить приоритеты и цели развития федеративного округа.

Методы изучения общественного мнения

Субъекты общественного мнения	Объекты общественного мнения	Методы изучения общественного мнения
Население округа	Экономические и социальные проблемы развития округа. Отношение к проводимым реформам. Перспективный облик округа	Телефонные опросы. Опросы в прессе.
Население локальных территорий	Инвестиционные проекты, касающиеся реконструкции этих территорий	Анкетирование. Телефонная «горячая линия»
Субъекты хозяйственной деятельности	Экономические и социальные приоритеты развития округа. Оценка хозяйственного климата. Перспективные проекты и зоны развития	Интервью. Анкетирование
Общественные организации, бизнес-объединения	Цели развития округа. Основные экономические и социальные проблемы. Перспективы развития округа	Интервью. Анкетирование
Органы управления	Цели развития округа. Основные экономические и социальные проблемы. Перспективы и проблемы развития округа	Интервью. Анкетирование

Как показали наши исследования, во многих округах организовано взаимовыгодное сотрудничество с местными СМИ, но не достаточно сотрудничество с федеральными СМИ. Поэтому рекомендуется для повышения эффективности мероприятий по продвижению округа образований организовать работу и с федеральными СМИ. Это может быть работа по налаживанию контактов с финансовой и экономической прессой с целью опубликования материалов об инвестиционных проектах округа и о его экономическом потенциале. В широко читаемых журналах было бы полезно опубликовать материалы об истории округа, о его достопримечательностях, культуре, о возможностях образования в данном федеративном округе, о знаменитых людях и т.п.

Кроме формирования и реализации коммуникационной стратегии план продвижения округа предполагает и другие направления деятельности, разработка которых представляет собой третий этап продвижения округа — формирование конкретных разделов плана продвижения. Этот этап предполагает раскрытие конкретных направлений деятельности по продвижению федеративного округа. Для каждого муниципального такие направления будут свои, учитывающие особенности округа и уровень его развития.

Как уже отмечалось, каждый федеративный округ выбирает те направления, которые наилучшим образом будут влиять на формирование его конкурентных преимуществ. Поэтому на третьем этапе продвижения округа в первую очередь

необходимо обратиться к формированию его благоприятного имиджа.

Вопросам создания имиджа федеративных округов уделяется пока еще мало внимания. А между тем благоприятный имидж во многом способствует социально-экономическому развитию округа и работа по его формированию должна стать частью работы по формированию стратегии развития. Суть данной работы заключается в формировании и распространении благоприятного образа федеративного округа и в поддержании положительного отношения к нему со стороны инвесторов (как российских, так и зарубежных), населения других округов, государственных структур, а также со стороны зарубежных стран.

При формировании имиджа федеративных округов рекомендуется использовать методы public relations, о которых говорилось выше. Кроме того, как отмечается некоторыми исследователями, в последнее время при обсуждении вопросов формирования имиджа округов все чаще используется понятие «репутационный менеджмент», причем отмечается, что репутационный менеджмент имеет больше возможностей по сравнению с рекламной и PR-кампанией, хотя бы потому, что последние строго ограничены временными рамками и могут использоваться лишь как инструменты для создания благоприятного имиджа округа. Под репутационным менеджментом понимается постоянный процесс, нацеленный на реализацию следующих основных направлений:

- 1) формирование репутации;
- 2) поддержание репутации;
- 3) защита репутации.

Репутационный менеджмент в любых округах должен включать следующие направления:

1. Разработка механизма принятия решений, касающихся общеокружных проблем.

На наш взгляд, такие решения должны приниматься с учетом мнения общественности. Общественные проблемы должны широко обсуждаться и решаться не административными мерами «сверху», а наоборот, «снизу», т.е. пути решения окружных проблем должны предлагаться самим населением или по крайней мере согласовываться с ним.

2. Формирование отношений с малым и средним бизнесом.

Всесторонняя поддержка малых и средних предприятий оказывает благоприятное воздействие на репутацию федеративного округа и часто в корне меняет отношение к нему со стороны инвесторов. Во многих округах должны создаваться агентства развития и бизнес-инкубаторы, которыми частично проводится работа по поддержке малого и среднего бизнеса, что в целом положительно влияет на имидж федеративного округа образования. Но, на наш взгляд, этими организациями должно быть охвачено гораздо больше малых и средних предприятий. Должны быть выявлены тенденции развития малого и среднего бизнеса в округе, а также сферы, в которых работает малый и средний бизнес и незаполненные рыночные ниши, должны быть разработаны программы по поддержке малых предприятий, работающих в сфере услуг, в сфере высоких технологий и занимающихся научно-исследовательскими разработками.

3. Разработка программ, нацеленных на повышение качества жизни в округе.

Во-первых, это могут быть жилищные программы, реализация которых способствует обеспечению жильем различных социальных групп населения. Например, программа ипотечного кредитования.

Во-вторых, улучшению качества жизни в округе могут способствовать и программы развития сферы образования, здравоохранения, культуры, физкультуры и спорта. В некоторых окру-

гах такие программы существуют и успешно реализуются, тем самым благоприятно влияя на социальную обстановку в целом.

Также критерием качества жизни в округе является безопасность, поэтому для его хорошей репутации должен быть обеспечен определенный уровень безопасности, что в некоторых округах также делается в рамках реализации целевых программ.

В целом же деятельность по разработке и реализации целевых программ, нацеленных на улучшение качества жизни, на наш взгляд, окажет существенное влияние на общий благоприятный имидж округа.

4. Развитие инфраструктуры.

Не вызывает сомнений, что наличие широкой транспортной сети, средств связи, наличие инвестиционных фондов, фирм, оказывающих консалтинговые, аудиторские, рекламные, информационные, правовые, банковские, страховые, лизинговые услуги является необходимым условием для благоприятного имиджа и хорошей репутации округа. Поэтому одним из направлений работы администрации должна стать работа по формированию инфраструктуры округа и ее развитию. Это направление может стать одним из важнейших, поскольку та инфраструктура, которая существует сегодня во многих округах, не обеспечивает в полной мере все имеющиеся в округе потребности. Так, особое внимание следует обратить на недостаточный объем консалтинговых, информационных, правовых и аудиторских услуг. Под руководством администрации целесообразно было бы создать окружное учреждение (межрегиональное), оказывающее подобные услуги. Также целесообразно было бы поддерживать развитие уже имеющихся фирм, оказывающих эти услуги, и стимулировать разработку новых услуг, например внедрение новых видов страхования, новых видов банковских услуг и т.п.

Таким образом, на наш взгляд, формирование имиджа федеративного округа образования и разработка репутационного менеджмента является важным направлением в процессе продвижения, и поэтому в любом округе обязательно должна вестись работа в этом направлении.

Другим направлением продвижения округа может стать формирование благоприятного хозяйственного климата.

Местный хозяйственный климат — совокупность находящихся под влиянием властей универсальных условий для хозяйственной деятельности и инвестиций, определяемых местным хозяйственным регулированием, традициями и практикой хозяйственных отношений, влияющих на принятие хозяйственных решений об изменении масштабов и характера производства (инвестициях, реконструкциях, расширении производства, обучении рабочих, создании новых компаний, разработке новых продуктов, экспорте и т.д.).

Для формирования благоприятного хозяйственного климата мы предлагаем создать благоприятный деловой, налоговый, предпринимательский, инвестиционный и инновационный климат, поскольку благоприятность хозяйственного климата зависит от благоприятности этих составляющих. Но для начала следует проанализировать, насколько сегодня хозяйственный климат в федеративных округах благоприятен, и выявить те составляющие, которые оказывают негативное воздействие на хозяйственный климат в целом и поэтому являются наиболее важными и требующими определенных неотложных действий по повышению их благоприятности. Для такого анализа может быть предложена система критериев оценки хозяйственного климата, приведенная в табл. 3.

В некоторых федеративных округах хозяйственный климат в целом можно охарактеризовать как благоприятный. Но все же администрациям, на наш

Критерии оценки хозяйственного климата

Составляющие благоприятного хозяйственного климата	Показатели, отражающие состояние составляющей хозяйственного климата
1. Налоговая система приемлема и стабильна	Сбалансированный бюджет; высокая доля инвестиций в бюджет; пониженные по сравнению со средними по стране ставки местных налогов
2. Производственные затраты, находящиеся под воздействием властей, низки	Уровень цен на энергию, топливо, услуги инфраструктуры сопоставим с соседними округами
Хозяйственное законодательство и регулирование не ограничивают развитие производства	Регистрационные и разрешительные процедуры осуществляются властями четко и быстро (число виз и согласований, среднее время рассмотрения дел и т.п.); экологические запреты не чрезмерны
3. Системы инфраструктуры работают быстро и надежно	Затраты на инфраструктуру в расчете на душу населения; процент предприятий и семей, использующих современные системы связи; объем перевозок грузов и пассажиров; уменьшение доли инфраструктурных сооружений, находящихся в плохом состоянии
4. Уровень образования высок	Процент выпускников высшей школы; процент взрослого населения с высшим и средним образованием; расходы на студента в сравнении со средними по стране; число выпускников школ, получивших медали
Рабочие имеют необходимую квалификацию и существуют возможности для обучения нужным профессиям	Число рабочих мест, для которых было проведено обучение; уровень заработка до и после обучения; продолжительность занятости после обучения
Существуют возможности получения консультаций по методам управления.	Процент предприятий, которым была оказана помощь и которые внедрили передовые методы управления
5. Университеты и исследовательские организации обеспечивают приток свежих идей для разработки новых продуктов и услуг	Уровень расходов на исследования и разработки; число предприятий, имеющих договоры с исследовательскими структурами на передачу технологий; число выданных жителям округа патентов на изобретения; число вновь созданных предприятий на тысячу населения
6. Существует доступ к инвестиционному капиталу и кредитным ресурсам	Сумма общественных средств, использованных для стимулирования частных вложений и инвестиций; доля бюджетных вложений в отношении к частным инвестициям; сумма кредитов, выданных банками и частными венчурными фондами в расчете на одного занятого
7. Оказывается содействие внешнеэкономической деятельности	Объем экспорта и его рост; доля экспорта в валовом продукте; число международных авиарейсов местного аэропорта
8. Власти доступны для контактов с бизнесменами	Число встреч с представителями бизнеса

взгляд, необходимо большее внимание уделять формированию благоприятного инвестиционного и инновационного климата, как важных составляющих хозяйственного климата округов.

Таким образом, на третьем этапе продвижения округа необходимо определить конкретные действия, которые способствовали бы достижению целей продвижения и долговременному поддержанию конкурентных преимуществ.

В данной статье определены, конечно же, не все возможные направления продвижения федеративных округов. Но именно с этих направлений мы предлагаем начать разработку планов продвижения. А затем было бы целесообразно провести анализ достигну-

тых результатов и откорректировать, при необходимости, цели и направления продвижения округа, т.е. на заключительном этапе процесса продвижения округа необходимо провести анализ эффективности и результатов реализации данных мероприятий. Но самое главное, необходимо помнить, что процесс продвижения федеративного округа — непрерывен. Работа в этом направлении должна вестись постоянно в рамках реализации маркетинговой концепции.

Итак, маркетинговый подход к управлению федеративными округами является сегодня наиболее эффективным методом, способствующим стратегическому развитию округов.

ФИНАНСОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ ГОРОДА

А.В. МАКСИМОВ

кандидат экономических наук, доцент, начальник Ростовского муниципального казначейства

СТРУКТУРНАЯ перестройка — ключевой момент в стратегии развития экономики города на этапе перехода к новым экономическим отношениям. Потребность в ней предопределяется длительной стагнацией производства, расстройством государственных финансов, инфляцией, сокращением инвестиций и необходимостью повышения уровня жизни населения.

Именно на муниципальном уровне в решающей степени обеспечивается концентрация усилий по структурной перестройке, определяются приоритетные цели социальной политики, развития предпринимательства и охраны окружающей среды, реализации целевых программ, а также региональных блоков общегосударственных программ, вопросы становления институтов власти и управления общественных организаций и всевозможных фондов на местах.

Интегральным выражением прогнозируемой (ожидаемой) результативности усилий по структуризации следует признать повышение конкурентоспособности экономики муниципального образования.

Муниципальная стратегия в этом аспекте должна быть ориентирована на преодоление чрезмерного регулирования экономики и создание предпосылок поощрения частной инициативы, а меры по повышению конкурентоспособности — плотно увязываться с политикой государства в области экспорта, развития промышленности, науки и техники.

В г. Ростове-на-Дону с этой целью осуществлялись следующие акции:

1. Определены группы предприятий, финансовое состояние которых необходимо было стабилизировать в первую очередь, а также те из них, которые еще можно спасти от банкротства, на основе финансового оздоровления, при определении источников средств для

этих целей. Особенно это касалось таких производств, которые являлись привлекательными для потенциальных инвесторов, поскольку не требовали больших капиталовложений и быстро окупались.

Были разработаны предложения по финансовому оздоровлению акционерных предприятий (АО) — должников в бюджеты всех уровней, по реструктуризации их производства, изменению схемы управления, вплоть до изъятия пакета акций на сумму задолженности и смены руководства.

2. В целях урегулирования кредиторской задолженности юридических лиц по налогам и сборам (а также по начисленным пеням и штрафам) перед муниципальным бюджетом было принято постановление мэра города «О порядке и сроках проведения реструктуризации кредиторской задолженности юридических лиц по налогам и сборам, а также задолженности по начисленным пеням и штрафам перед консолидированным бюджетом г. Ростова-на-Дону».

Администрацией города проведена работа по информированию предприятий города о порядке проведения реструктуризации задолженности, текст порядка с комментариями опубликован в печати.

Одной из важнейших задач, решаемых муниципальными администрациями, была и остается поддержка становления и развития малого предпринимательства.

В настоящее время в городе сложилась ситуация, при которой в таких сферах, как торговля и общая коммерческая деятельность, малое предпринимательство развивается достаточно быстро, аккумулируя значительные капиталы. Но в то же время производственный и инновационный секторы малого предпринимательства, имея явный потенциал развития, без государственной и муниципальной поддержки и внимания развиваются медленно.

В г. Ростове-на-Дону утверждена **Муниципальная комплексная целевая программа поддержки малого**

предпринимательства, которая определила основные направления работы органов местного самоуправления по созданию благоприятного климата для развития предпринимательства. Малым предприятиям оказывается производственная поддержка. Так, в настоящий момент около 20% муниципального заказа размещается на малых предприятиях, а 22 малым предприятиям, занятым в сфере производства (полиграфия, швейное, мебельное производство и т.д.), предоставлены льготы по аренде муниципального имущества.

В целях поддержки начинающих предпринимателей за счет службы занятости организовано обучение 500 граждан, выданы субсидии на организацию собственного дела на сумму около 3 млн руб.

В целях защиты предпринимателей от возможных злоупотреблений создана городская комиссия по сокращению административных барьеров при развитии предпринимательства.

Существенные резервы развития малого предпринимательства заложены в повышение эффективности процесса приватизации и управления государственным имуществом. Масштабная приватизация не принесла городу, вопреки ожиданиям, ни широкого слоя собственников, ни роста предпринимательской активности, ни увеличения инвестиций в производство, ни его финансового оздоровления. Произошло быстрое и почти бесплатное перераспределение собственности в интересах отдельных лиц или групп лиц. Небывалый в мирное время кризис привел к обесценению государственного капитала.

Только ужесточение контроля полномочий муниципальных органов за процессом приватизации — от подготовки имущества к приватизации до проверки выполнения обязательств, взятых на себя новым собственником, — позволило придать данному процессу эффективную направленность.

Экономика муниципальных образований не может развиваться, во всяком случае, приемлемыми темпами, без участия населения в инвестиционном процессе, привлечения накопленных им средств для реальных проектов реструктуризации.

Однако для этого мелкие инвесторы должны получить возможность влиять на принятие решений и участие в процессе реализации процедур по инвестированию средств. В наибольшей степени означенным требованиям удовлетворяют сформированные в каждом регионе региональные и местные общественно-государственные фонды по защите прав вкладчиков и акционеров.

Только реально действующая система защиты инвесторов способна восстановить доверие населения к рынку инвестиций. Для этого потребуется создать механизм, уменьшающий риск инвестирования населением своих временно свободных средств, являющихся надежным источником стабилизации финансового положения города. В нормальной ситуации можно было бы аккумулировать средства населения в коммерческих банках, но далеко не всем из них можно доверять: слаб контроль за расходованием кредитов.

Наиболее целесообразно привлечение частных инвесторов в экономику напрямую, минуя коммерческие банки. С этой целью важно организовать отдельную от правительства, банков и региональной власти внебюджетную структуру: свободную от обязательств перед бюджетом и задолженностей по заработной плате (пенсиям); способную создать фондовый рынок, через который будут привлекаться средства населения в программы развития отраслей экономики (и в первую очередь — в малый бизнес); открытую в информационном плане для всего населения.

Постепенное исчерпывание расширения производства за счет факторов, связанных с девальвацией рубля, благоприятной

ценовой конъюнктурой на внешнем рынке и возможностями импортозамещения, требует активизации новых факторов экономического роста, прежде всего — приоритетного развития инновационных процессов, максимальной реализации потенциала производств с высокими технологиями, значительного роста инвестиций в основной капитал, повышения потребительского спроса населения.

Для реализации основных положений реструктуризации экономики города и осуществления программно-целевых методов планирования продолжается процесс создания благоприятного предпринимательского и инвестиционного климата, что предполагает:

- сокращение требований ведомств в технических условиях, выдаваемых инвесторам в капитальном строительстве, как по объему вложений в инфраструктуру, так и в организации согласований (добиться осуществления принципа «одного окна» согласования);
- координацию городских контрольных служб в проверках, проводимых регулирующими и контрольными органами;
- создание единой информационно-аналитической базы банковской системы города¹.

Городская администрация продолжает реструктуризацию кредиторской

¹ Банки города хорошо знают городскую инвестиционную программу и ограничения в возможностях выдачи муниципальных гарантий за счет городского бюджета; углубленный анализ финансового состояния предприятий на основе новых стандартов бухгалтерского учета дает возможность банкам перейти от краткосрочного кредитования к кредитованию инвестиционных проектов; в промышленной политике администрация предусматривает преференции банкам, активно использующим свои кредитные ресурсы, а также предприятиям, использующим собственные средства для финансирования инвестиционных процессов.

задолженности предприятий перед местным бюджетом, а в своей промышленной политике усиливает стимулирование роста удельного веса продукции с высокой степенью переработки, воздействие на реструктуризацию убыточных предприятий, обеспечение управляющих воздействий на предприятия с долей государственной собственности.

Для развития механизмов социального партнерства в трудовых отношениях и социальной ответственности предпринимателей перед городским сообществом усилен статус Совета директоров предприятий, так чтобы эта структура стала основным представителем работодателей, а трехстороннее соглашение, регулирующее трудовые отношения на уровне города, стало обязательным для всех работодателей. В этом соглашении особое место занимают меры, направленные на рост среднемесячной заработной платы работников и, соответственно, повышения уровня прожиточного минимума.

Увеличение реальных доходов работников является предпосылкой снижения налогового бремени на предприятия. Сейчас, по данным Центра макроэкономического анализа, расходы на

социальную сферу уже года три как почти вдвое превысили уровень в Советском Союзе.

«Рост доходов домашних хозяйств — снижение бюджетных расходов — снижение налогового бремени» — это и есть главное звено цепи, вытягивающей оборотные средства предпринимателей из дефицитной ниши.

Результатом решения поставленных задач в 2001 г. стал рост физического объема городского производства на 19%, рост инвестиций на 5%, рост средней заработной платы на 28%.

Пополнение муниципального бюджета за счет налоговых и неналоговых доходов позволило администрации частично финансировать затраты на совершенствование системы обучения и переобучения кадров, сокращения звенности товародвижения без посредников по схеме «производитель — оптовый рынок — розничные предприятия торговли — потребитель».

Однако главной задачей администрации города на перспективу остается поиск резервов бюджетных и внебюджетных источников для реструктуризации экономики.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ВОСПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ю.Р. ТУМАНЯН

кандидат экономических наук, доцент, докторант кафедры экономических дисциплин, Пятигорский государственный лингвистический университет

В ТЕЧЕНИЕ многих лет научно-технический прогресс остается в центре внимания экономических исследований, посвященных как зарубежной, так и российской действительности. Оставляя в стороне фактологическую сторону вопроса, где события разворачиваются чрезвычайно быстро и материально-вещественное наполнение НТП постоянно меняется, отметим, что именно сейчас необходимо новое освещение многих проблем НТП, в том числе и достаточно известных. Речь идет о выходе на передний план анализа взаимодействия всех составных элементов научно-технического развития с рыночной средой.

Элементы современного рынка или рыночный механизм в целом всегда были неотъемлемой частью работ, посвященных проблемам реализации НТП в рамках корпораций и фирм. В исследованиях же на макроэкономическом уровне рыночные условия хозяйствования были на положении общего множителя, вынесенного за скобки, и основное внимание акцентировалось на конечных результатах научно-технического развития, на поиске его общих закономерностей [7]. Фактически НТП рассматривался как система, автономная по отношению к рынку.

По мере распространения в умах нашего общества на всех уровнях, включая научные круги, идей о предпочтительности рыночных отношений для эффективного экономического развития — росла потребность в выявлении специфики взаимного влияния рынка и научно-технического прогресса на каждой из его стадий.

Тем не менее до сих пор, признавая необходимость рыночной системы хозяйствования, многие ученые разделяют теоретическую концепцию о возможности создания особой системы управления научно-техническим прогрессом [5].

В предлагаемой статье ставится задача обозначить на макроэкономичес-

ком уровне весь процесс зарождения, становления и реализации научно-технического прогресса в его единстве: от сферы научных исследований через нововведения, далее через инвестиции, которые материализуются в крупномасштабные преобразования, завершающие это движение и одновременно создающие основу для следующего производственного цикла с новыми общественными потребностями. Каждая из этих стадий, в свою очередь, издавна была объектом самостоятельного исследования, что нашло отражение в многочисленных публикациях у нас и за рубежом. Любой из крупных блоков структурного процесса воспроизводства имеет свои закономерности, логику саморазвития, свои внутренние противоречия. Для сферы науки это противоречие между мотивами деятельности, направленной на создание непреходящих истин, и необходимостью решать прагматические задачи конкурентоспособности; нововведения, в свою очередь, подрывают стабильность устоявшихся производственных структур; на стадии инвестирования возникает дилемма накопления капитала и освобождения от него и т.д. В любом случае стимулы для развития и разрешения противоречий дает рыночная среда, где тоже сталкиваются интересы рынка сегодняшнего и рынка будущего. Сама рыночная среда постоянно претерпевает изменения, появляются новые рыночные структуры, вызванные развитием новых технологий, их взаимодействием с социально-экономическим окружением. Так, стремительно развивающиеся финансовые рынки требуют для нормального функционирования адекватной технологической базы, что позволяет получить дополнительный эффект от масштаба финансовых операций. Интернационализация процесса воспроизводства ставит новую проблему организации отечественного и международного рынка научных и технических знаний. Меняются приоритеты и характер рыночной конкуренции: товарная, ценовая

конкуренция все решительнее вытесняется конкуренцией непосредственно в сфере научно-технического прогресса, в области науки. Необходимо отметить, что рынки товаров высокой технологии особенно явственно испытывают воздействие государства: госзаказы, субсидии, дотации, кредиты и т.п. Это, в первую очередь, связь, спутники, космос и т.д. Заметим, что в нашей литературе проблема государственного регулирования НТП достаточно подробно освещалась, поэтому предлагаемая статья как бы восполняет недостаточность разработки рыночных аспектов НТП и почти не касается вопросов государственного управления и регулирования НТП.

В самом общем виде можно утверждать, что роль государства существенна и максимальна на первичной стадии НТП в сфере науки и сводится к минимуму на выходе. Арсенал государственных мер чрезвычайно разнообразен: от прямых бюджетных форм до неявных и косвенных через фонды, налоги и т.д. И все же, меняясь по своему содержанию, обогащаясь новыми элементами, рынок обладает эффективным противозатратным механизмом, обеспечивающим оптимальные сроки перехода к новым технологиям [1].

Рассмотрение НТП как части единой рыночной среды, включающей и рынок труда, приводит не только к признанию исключительной роли в научно-техническом развитии рынка вообще, но и к признанию приоритетности потребительского рынка в особенности. История экономического подъема многих развитых стран — весьма яркое свидетельство тесной связи НТП именно с потребительским рынком, подтверждение эффективности ориентации НТП в одинаковой мере на производственный и потребительский рынок [4]. Структурные преобразования, которые в рыночных условиях происходят фактически постоянно, под давлением быстро меняющихся условий конкуренции и вновь возникающих потребностей в настоящее время стали особенно интенсивными.

Современные кардинальные изменения в структуре экономики, в общем, реализовывались болезненно у нас в стране и относительно безболезненно в западных странах, без тех глубоких потрясений, которые сопровождали прежние аналогичные периоды структурных сдвигов. Этим процессам предшествовали глубокие динамичные изменения в недрах самой фирмы, корпорации (процессы диверсификации, слияний, поглощений, децентрализации), что было реакцией на меняющиеся условия рыночной конкуренции и одновременно факторами, обуславливающими структурную перестройку на макроэкономическом уровне.

Макроэкономические условия хозяйствования подталкивают к таким решениям, которые удовлетворяют не только текущие, но и долгосрочные цели предприятий и современных корпораций.

К началу нового столетия стала возможна реализация потенциалов, заложенных в современной НТР, и можно говорить с известной условностью о завершении очередного этапа структурных преобразований, приведших к новому технологическому укладу с иной системой хозяйственных связей, новыми требованиями производственной культуры на всех уровнях хозяйствования [2]. Мировой опыт говорит о том, что на протяжении последних 15–20 лет в ведущих промышленных странах происходила смена основополагающих общественных потребностей, удовлетворить которые могла лишь вся совокупность накопленных знаний, инновационной активности и инвестиционной деятельности, направленная на поиски новых приоритетов экономического роста. При всей зависимости сферы научных исследований от общеэкономических процессов и от встроенности ее в функционирующую рыночную систему, степень автономности науки от других стадий процесса воспроизводства была и остается более выраженной. Это не означает, что научная деятельность в современном обществе является самоцелью, а

не средством развития. Каждый из этапов НТР всегда имел свои особенности и по-своему окрашивал сферу научных поисков, определяя приоритеты исследований. Для 1980-х и 1990-х гг. характерно было стремление перейти от ресурсосберегающих к бизнессберегающим направлениям исследований. В настоящее время усиливается проявившаяся раньше тенденция к значимости многоплановых исследований и локальных эффектов научно-технического прогресса. Усиливается экологическая и общегуманитарная философия НТР, поскольку человечество нуждается в новых средствах жизнеобеспечения.

В целом итоги экономического развития многих развитых стран к началу XXI в. позволяют утверждать, что рыночный механизм регулирования научной сферы в сочетании с постоянной государственной поддержкой обеспечил высокую результативность науки как исходного звена глубоких преобразований современного общества.

Переход на новую ступень научно-технического развития потребовал усиления инновационной активности и нового подхода к нововведениям, соединяющим знания и технику с рынком [3]. Современный этап экономического развития вносит новые тенденции в процессы взаимодействия экономической среды и научно-технической деятельности конкурирующих самостоятельных хозяйственных субъектов, вынужденных во многом сменить стереотипы своего поведения в этой области.

Именно нововведения становятся главным действующим лицом теоретических сценариев и практической реализации современной научно-технической революции, несколько оттеснив инвестиции, господствовавшие много лет в качестве главного фактора экономического роста. До сих пор в теориях, касающихся экономического роста, наращивание объемов капитальных вложений рассматривается как основное (и часто достаточное) условие научно-техничес-

кого прогресса и экономического развития вообще [6].

А между тем принципиальное повышение роли нововведений вызвано, в первую очередь, изменением рыночной ситуации — характера конкуренции, переходом от привычной статичной к динамичной конкуренции. Это обстоятельство во многом определило особенности взаимодействия нововведений и рынка на современном этапе. Есть основания полагать, что в дальнейшем процессе научно-технического развития акцент от нововведений будет смещаться в сторону научной сферы, хотя, само собой разумеется, что процесс воспроизводства от идей до структурных изменений в хозяйстве сохранит свое единство, и выделение приоритетов носит условный характер. Весь процесс по созданию, освоению и внедрению новых технологий свидетельствует о единстве рыночного механизма для всех стадий, а подвижные границы автономности НТП не противостоят тенденции к растущей независимости и экономической свободе развития научного и внедренческого звена в рамках всего хозяйства.

Уже к 1990-м гг. интеграция нововведений в кардинальные структурные сдвиги обрела реальные черты нового технологического уклада. Узловым моментом, связывающим рынок настоящего и будущего, всегда были капитальные вложения, где сталкиваются практически все рыночные структуры от информационного, предшествующего принятию инвестиционных решений, финансового, обеспечивающего необходимыми ресурсами, до рынка средств производства. Если обратиться к мировой практике, можем отметить что, в 1990-е гг. во всех странах завершился определенный этап в длительном процессе освобождения от накопленной массы морально и физически устаревшего основного капитала. Ужесточившиеся условия конкуренции на внутренних и внешних рынках и ускорили эту достаточно мучительную процедуру преодоления огромной инер-

ции старых производственных структур. Что касается инвестиционных приоритетов, то весь период, начиная с середины 1970-х гг., продемонстрировал первоочередность потребностей, связанных с личным потреблением.

В настоящее время логика развития экономики говорит о том, что ожидается рост капиталовложений в связи с переходом к новым информационным и коммуникационным технологиям.

Таким образом, опыт развитых рыночных стран и объективная необходимость экономического развития нашей страны свидетельствуют о возможности сочетать структурную перестройку с расширением и качественным преобразованием результатов роста эффективного производства для развития, в частности, социальной инфраструктуры. Наиболее характерные изменения в рыночных структурах и формировании инфраструктуры касаются, прежде всего, становления отечественного и международного рынка знаний, динамичного развития рынка рискованного капитала, особенно в отраслях высокой технологии, а также развития адекватной технологической базы для финансовых рынков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гэлбрейт Дж.* Экономические теории и цели общества / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1976.
2. *Дынкин А.А., Иванова Н.И.* Наука и технология: мировые тенденции // Общество и экономика. 1999. № 3—4.
3. *Иванова Н.И.* Национальные инновационные системы. М.: Наука, 2002.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ.; Под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ—ВШЭ, 2000.
5. *Максимова М.* В XXI век — со старыми и новыми глобальными проблемами // МЭ и МО. 1998. № 10.
6. *Ясин Е.* Экономический рост как цель и как средство (современная ситуация и перспективы российской экономики) // Вопросы экономики. 2001. № 9.
7. *Яковец Ю.* Формирование постиндустриальной научной парадигмы в России // Общество и экономика. 1999. № 3—4.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.Ю. АРХИПОВ

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой мировой экономики и меж-
дународных отношений, директор Инсти-
тута экономики и внешнеэкономических
связей, Ростовский государственный уни-
верситет

В СТАТЬЕ исследуются особеннос-
ти внешнеэкономической деятель-
ности российских регионов в ус-
ловиях глобализации мировой экономи-
ки. Показывается состояние и направ-
ления совершенствования таких ее со-
ставляющих, как изменение структуры и
повышение эффективности внешнеэко-
номических обменов, взаимодействие с
регионами стран ближнего зарубежья,
улучшение инвестиционного климата.

Одним из важнейших итогов рыноч-
ных преобразований в прошедшее де-
сятилетие стала включенность экономи-
ки нашей страны в мирохозяйственные
связи, проявляющаяся на всех уровнях:
федеральном, региональном, хозяйству-
ющих субъектов. Все большее значение
приобретает международная и внешне-
экономическая деятельность россий-
ских регионов. Эти процессы осуществ-
ляются в условиях, когда основной ха-
рактеристикой современного мирового
развития становится глобализация, оп-
ределяющая значительные изменения в
миропорядке в целом, воздействующая
на экономическую, политическую, соци-
альную, культурную сферы обществен-
ной жизни большинства стран. Воздей-
ствия эти противоречивы, важно учиты-
вать их, вырабатывать соответствующую
политику.

В каждом из российских регионов
внешнеэкономические связи хозяйству-
ющих субъектов имеют свои особеннос-
ти, определяющиеся спецификой ре-
сурсной базы, инфраструктуры, уровнем
социально-экономического развития,
состоянием предприятий, степенью их
адаптации к работе в рыночных услови-
ях, развития предпринимательства, его
поддержки региональными органами
власти.

Значимым в современных условиях
остается вопрос о компетенции регио-
нов во внешнеэкономической деятель-
ности, направленности этой деятельнос-

ти, степени самостоятельности регионов в ее осуществлении. Важно, развивая внешнеэкономическую, в целом международную деятельность регионов, не допускать центробежных тенденций, угрозы единству, целостности национального экономического пространства, что может ослабить позиции страны в мировой экономике. В начале-середине 90-х гг. в законодательных актах ряда субъектов федерации нарушались принципы Конституции РФ, prerogative Российской Федерации как суверенного государства, положения о том, что международные и внешнеэкономические связи подлежат координации, которая отнесена к совместному ведению федерации и ее субъектов [2, с. 99]. Проводящаяся в последние годы работа по укреплению вертикали власти в стране, приведению в соответствие законодательства субъектов федерации с Конституцией РФ и федеральными законами во многом расставила акценты, определила компетенции уровней федерального, регионального, субъектов хозяйствования в области внешнеэкономической деятельности и дает возможность регионам эффективно организовывать эту деятельность. Определение условий, правил выхода на внешние рынки — prerogative федерального уровня. Важнейшая задача региональных властей — создание условий для привлечения иностранных инвестиций, помощь в установлении связей, продвижении товаров предприятий региона в близлежащих зарубежных территориях, регионах-партнерах. Здесь должна проявляться максимальная активность региональных властей, поиск новых форм сотрудничества. Предстоит и дальше укреплять законодательную базу этой работы, добиваться ее совершенствования на всех уровнях.

Особую роль здесь приобретают федеральные округа. Их важной задачей становится прежде всего координация усилий субъектов федерации во внеш-

неэкономической деятельности, отслеживание реализации общефедерального интереса, обеспечение функционирования единого экономического, правового пространства страны. Одним из направлений этой работы должна стать координация участия российских субъектов федерации в региональных экономических группировках. Так, в Черноморском экономическом сотрудничестве, в котором кроме России представлены Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Румыния, Турция, Украина — всего 11 стран, активно участвуют Краснодарский край, Ростовская область, другие субъекты Российской Федерации [1, с. 3–8]. Однако совместной, эффективной работы российских регионов в этой международной экономической группировке не получается, имеются известные противоречия. Координация действий субъектов федерации здесь могла бы осуществляться Южным федеральным округом. То же самое необходимо и при осуществлении сотрудничества в Каспийском регионе, в котором принимают участие Дагестан, Астраханская область, да и другие субъекты федерации, имеющие здесь интересы. Поэтому важна также координация в рамках ЮФО. Ведь Каспийский регион уже объявлен зоной интересов США. России, ее регионам необходимо повышать здесь активность.

Основным направлением региональной внешнеэкономической политики должна стать помощь, поддержка предприятиям, корпорациям, выходящим на внешние рынки, поскольку именно они являются основными субъектами внешнеэкономических связей, в целом современной рыночной экономики. Государственные органы всех уровней призваны создавать условия, стимулировать, обеспечивать оптимизацию внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе и особенно представителей малого бизнеса. На ре-

гиональном уровне это создание благоприятного инвестиционного климата, помощь предпринимателям в установлении контактов с партнерами за рубежом, через развитие сотрудничества с регионами зарубежных стран, предоставление информации о возможностях зарубежного экономического сотрудничества, помощь в продвижении товаров, использовании современных рыночных технологий, стимулирование экспорта на уровне региона, льготное кредитование под экспортные поставки несырьевых товаров по аналогии с компенсацией части банковского процента для аграрного сектора.

Важнейшей задачей регионального сотрудничества является повышение эффективности внешнеэкономических обменов. Не просто рост обменов, а повышение их эффективности, выгоды, улучшение структуры экспорта и импорта предприятий региона.

Как и в целом в стране, в настоящее время сохраняется сырьевая направленность экспорта из регионов: в Южном федеральном округе в 2002 г. на долю минерального топлива приходилось 75% объемов экспорта, прежде всего за счет транзита из других регионов; 7% — доля продовольственных товаров. Во внешнеэкономической деятельности собственно субъектов федерации ЮФО соотношение несколько иное: на долю минерального сырья в экспорте приходится 40%, 16% — металлы и изделия из них, 20% — продовольствие и сырье для его производства. В Ростовской области в структуре экспорта 44,6% составили продовольственные товары, что на 16,4% больше, чем в предыдущем году. Несмотря на рост стоимостных показателей, ассортимент экспортируемых продовольственных товаров и сельхозсырья по сравнению с прошлыми годами продолжал сужаться. 18% экспорта было обеспечено реализацией металлов и изделий из них [10, с. 5–6; 11, с. 4–5, 24–25].

В этих условиях очень важна переориентация с сырьевой направленности экспорта на поставку за рубеж продукции переработки, с высокой добавленной стоимостью. Нужно стимулировать развитие обрабатывающих отраслей, экспорта их продукции. Положительный опыт в этом направлении уже есть, в том числе и в Ростовской области. В 90-е гг. одной из значительных статей экспорта в области стали семена подсолнечника, в то же время подсолнечное масло завозилось в немалых количествах. Так, еще в 1998 г. экспорт семян подсолнечника только в Ростовской области был осуществлен на сумму 108,3 млн долл. А ввоз подсолнечного масла из-за рубежа достигал 5,2 млн долл. (1999 г.). После закупки оборудования и организации производства подсолнечного масла рядом фирм области, в том числе холдингом «Юг Руси», этот продукт не только не импортируется, а, напротив, его экспорт увеличился более чем в 10 раз за последние 4 года, достигнув 25,8 млн долл. Сократились также более чем в 10 раз и поставки за рубеж необработанных семян подсолнечника (1998 г. — 108 млн долл., 2002 г. — 9,5 млн долл.) [8, с. 17; 9, с. 28; 10, с. 18].

Представляется, что аналогичный подход был бы эффективен и в отношении зерновых культур. Хороший урожай привел к резкому росту экспорта зерновых, который составил только в Ростовской области в 2002 г. 1 млн 550 тыс. тонн [4, с. 7]. В то же время этот урожай еще ниже уровня урожаев 80-х гг. Остроту проблема получила из-за того, что было резко в 90-х гг. сокращено животноводство, являвшееся одним из основных потребителей зерна. В целом по стране поголовье крупного рогатого скота упало за годы реформ более чем в 2 раза — на 32,5 млн голов. В Ростовской области это поголовье сократилось более чем в 3 раза: с 2,1 млн в 1991 г. до 0,62 млн в 2001 г. [3, с. 422; 5, с. 320; 6, с. 435]. Важно поэтому сде-

лать так, чтобы прибыли от экспортируемого зерна вкладывались в развитие животноводства. Нужно ставить задачу через некоторое время экспортировать из области, других регионов не зерно, а мясо, куриные окорочка. Это стратегическая цель для донского, да и российского капитала, администраций всех уровней.

Намечаются положительные тенденции в структуре экспорта и импорта в регионах. В Ростовской области, в зависимости от объемов производства и экспорта зерна, доля продукции машиностроения достигает 37% (2001 г.). Объемы экспорта этой продукции в I квартале 2003 г. превысили стоимостные объемы I квартала 2002 г. в 2,7 раза, составив 106,5 млн долл., или 35,5% экспорта. Наибольшие объемы товаров данной отрасли приходятся на оборудование, летательные аппараты [12, с. 6].

Важно закрепить эту положительную тенденцию. В этих целях органам управления субъектов федерации, местного самоуправления целесообразно первоочередное внимание уделять стимулированию развития перерабатывающей промышленности, особенно сельхозпереработки, легкой, других отраслей промышленности, что должно обеспечить ее активное импортозамещение, а соответственно, рост производства, занятости в регионе, расширение налогооблагаемой базы, возможность увеличения сбора налогов и, следовательно, решение многочисленных социальных проблем.

Такая помощь особенно необходима тем предприятиям, которые уже ведут модернизацию производства, стараются производить конкурентоспособную продукцию, применять агрессивный маркетинг. Большое значение имеет возврат на ранее освоенные и утраченные рынки. Так, если зерноуборочные комбайны, поставлявшиеся во все республики бывшего СССР, многие страны Восточной Европы, в 1999 г. были отправлены всего в 3 страны (Болгария,

Монголия, Украина), то в последнее время в результате целенаправленной работы, прежде всего новой команды менеджеров ОАО «Ростсельмаш», география поставок выросла до 11 стран, в том числе и дальнего зарубежья. Только на Украину было поставлено в 2002 г. 520 комбайнов.

Необходимо в регионах, в целом в стране создавать условия для дальнейшего развития, модернизации, наращивания отечественного производства, проводить взвешенную протекционистскую политику, не допускающую уничтожение целых отраслей, не оставлять их без поддержки. Отсутствие такой политики привело к печальным последствиям в ходе рыночного реформирования экономики.

Непродуманная либерализация внешнеторговых связей способствовала тому, что на грань полного развала был поставлен ряд отраслей промышленности и сельского хозяйства. Так, если в 1991 г. доля импортных трикотажных изделий в объеме продаж на внутреннем рынке составляла 14%, то уже к 1995 г. она выросла до 78%, обуви — с 8 до 82%, телевизоров — с 8 до 60%. Производство телевизоров в России с 1993 по 1996 г. сократилось в 20 раз. Производство продукции легкой промышленности уменьшилось за 1990–1997 гг. в 8 раз [13, с. 853–854, 856]. Меры по защите отечественного рынка, которые стали применяться с 1996–1997 гг. запоздали, необходимо усиление выборочной, гибкой, но последовательной протекционистской политики, не препятствующей в то же время улучшению качества продукции отечественными производителями.

Особенно необходимо проведение такой политики в связи с готовящимся вступлением России во Всемирную торговую организацию (ВТО), которое не может не сказаться на внешнеэкономической деятельности регионов. В последнее время выработано понимание того, что в

ходе переговоров должны быть согласованы такие условия присоединения к этой международной организации, которые давали бы шанс отечественным предпринимателям, в том числе и в таких отраслях, как страховой бизнес, в целом в финансово-кредитной, аграрной и других сферах противостоять в конкуренции на внутреннем российском рынке иностранным корпорациям. Необходимо такой анализ провести не только в масштабах России, но и в регионах, что позволит предвидеть возможные последствия вступления в ВТО, может быть, в чем-то скорректировать позицию, пока переговорный процесс еще не завершен, провести упреждающие действия.

Следующим значимым направлением внешнеэкономической деятельности российских регионов является экономическое сотрудничество со странами ближнего зарубежья. Это и приграничное сотрудничество с близлежащими областями соседних государств. Для субъектов федерации Южного федерального округа, да и других округов — это связи со странами СНГ. В последнее время немало делается в данном направлении. Так, в Ростовской области подписаны и реализуются Соглашения о сотрудничестве с Луганской, Донецкой, Запорожской областями Украины, активно сотрудничают с украинскими фирмами многие предприятия области. В то же время доля внешнеэкономических обменов со странами СНГ крайне низка и продолжает падать. По данным Южного таможенного управления, в 2002 г. доля стран СНГ во внешнеторговом обороте субъектов федерации ЮФО сократилась на 4,4% и составила всего 17,63% по стоимости (по весу еще меньше — 16,28%). В Ростовской области снижение составило 12%, доля стран ближнего зарубежья во внешнеторговом обороте сократилась до 29% (по весу — 23,6%). В Краснодарском крае доля стран СНГ в общем товарообороте в 2002 г. была 8,5%, в Ставро-

польском крае — 14,3%. На страны СНГ приходится в настоящее время только 23,82% импорта и 14,17% экспорта Южного федерального округа [11, с. 27, 38].

После сокращения в течение 1992—1998 гг. объемов торговли со странами СНГ, их доли во внешнеторговом обороте субъектов федерации в результате финансового кризиса 1998 г. в течение примерно 2 лет наблюдалось изменение этой тенденции, развитие торговли со странами СНГ, что было вызвано прежде всего переориентацией на импортные поставки из этих стран. Так, в Ростовской области объем внешней торговли со странами дальнего зарубежья превышал в 1998 г. аналогичный показатель со странами СНГ в 2,18 раза, а уже в 1999 г. эта разница составила всего 14%.

С преодолением последствий кризиса во внешней торговле в регионе снова стали преобладать тенденции к расширению связей, прежде всего со странами дальнего зарубежья. Необходимы поэтому усилия и региональных, и федеральных властей, для того чтобы внешнеторговые обмены со странами ближнего зарубежья не сокращались, стабилизировались, со временем расширялись. Эти связи, кооперация, рынки, складывавшиеся столетиями, в последние годы активно захватывались фирмами стран дальнего зарубежья. Надо продолжить практику создания условий для развития внешнеэкономических связей со странами СНГ. Определенные результаты уже есть. Наряду с уже упоминавшимися поставками продукции «Ростсельмаша», осуществляется кооперация при создании самолета-амфибии таганрогского АО «Бета-ИР», который комплектуется двигателями производства запорожского АО «Мотор-СИЧ», и т.д. Важно расширять деятельность администраций республик, краев, областей, направленную на совершенствование экономического взаимодействия с регионами государств Содружества. На федеральном уровне

необходимо урегулировать таможенные взаимоотношения. Ставится вопрос о снятии таможенных барьеров с Украиной. Тогда, возможно, усилия, которые предпринимаются на уровне регионов, в частности в Ростовской области, будут более эффективны.

Как решенную следует отметить проблему монетизации внешнеторговых обменов регионов — последовательное сокращение бартерных операций. Если в 1997 г. доля расчетов по бартеру в общем внешнеторговом обороте Южно-Российского региона составила 7,8%, в том числе в составе экспорта — 4,8%, импорта — 10,6%, то в 1999 г. соответственно — 2,8, 2,7 и 3,0% и в следующие годы продолжала сокращаться. Эта тенденция характерна и для основных субъектов федерации. В Ростовской области внешнеторговый оборот по товарообменным (бартерным) операциям составил в 2002 г. всего 4,6 млн долл., или 0,2% от общего товарооборота области, в том числе 0,3% стоимости экспортных и 0,2% стоимости импортных операций. В то время как эти показатели были в области соответственно в 1999 г. — 2,6, 2,0 и 3,2%; в 1997 г. — 11,7, 7,3 и 14,9% [7, с. 6, 116–117; 8, с. 7, 88–89; 9, с. 6, 66–67; 10, с. 7].

Сокращение бартерных операций определено постепенным увеличением оборотных средств у предприятий, появлением опыта, более активной работой банков по обеспечению расчетов по проводимым предприятиями внешнеэкономическим операциям, прежде всего с применением аккредитивной, вексельной, других широко используемых в развитых странах форм расчета. Достигнутый минимальный уровень расчетов по бартеру свойствен внешнеэкономическим отношениям и фирм развитых рыночных стран, прежде всего осуществляющих кооперационные связи с иностранными партнерами.

Важным направлением развития внешнеэкономической деятельности в

регионах в условиях глобализации является привлечение иностранных инвестиций. Прямые иностранные инвестиции при отсутствии у предприятий средств на обновление основных фондов способны обеспечить модернизацию производства, экономический рост в регионах, в стране в целом. Российские регионы принимают меры по привлечению таких инвестиций. Вводятся определенные льготы для иностранных инвесторов, принимаются специальные инвестиционные законодательства, проводятся различные инвестиционные форумы и конференции в самих регионах, в странах потенциальных инвесторов. Активно проводится такая работа и субъектами федерации Южного федерального округа. Это позволяет сохранять, улучшать их позиции по инвестиционной привлекательности среди российских регионов. Согласно последнему рейтингу российских регионов, опубликованному журналом «Эксперт», Краснодарский край в 2002 г. находился на 10-м месте среди российских регионов по инвестиционному потенциалу, Ростовская область — на 13-м, переместившись с 15-го места, более скромные рейтинги у других субъектов федерации округа. Краснодарский край по объемам накопленных прямых иностранных инвестиций занимал 3-е место среди российских регионов [14, 102–103].

Важно и дальше проводить целенаправленную работу по улучшению инвестиционного климата, совершенствованию законодательства, налоговой политики, развитию инфраструктуры, способствовать расширению привлечения иностранных инвестиций в регионы нашей страны. Принятие рассмотренных мер органами управления субъектов федерации, местного самоуправления будет способствовать повышению эффективности внешнеэкономической деятельности российских регионов в условиях глобализирующегося мирового хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Борисенко Е.Н., Шевченко И.В., Евдокимов С.М.* Черноморское экономическое сотрудничество (состояние и перспективы). Краснодар: Советская Кубань, 2000.
2. Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации / Под ред. А.Г. Гранберга. М.: Научная книга, 2001.
3. Российский статистический ежегодник. 2002: Стат. сб. Госкомстата России. М., 2002.
4. Ростовская область: внешнеэкономическая деятельность в 2002 году. Ростов н/Д, 2003.
5. Ростовская область в цифрах в 1992 г. Ростов н/Д, 1993.
6. Статистический ежегодник. Ростовская область. 2001: Стат. сб. Ростоблкомстата. Ростов н/Д, 2002.
7. Таможенная статистика внешней торговли. Бюллетень отдела статистики СКТУ. Ростовская область. IV квартал 1997 г.
8. Таможенная статистика внешней торговли. Бюллетень отдела статистики СКТУ. Ростовская область. IV квартал 1998 г.
9. Таможенная статистика внешней торговли. Бюллетень отдела статистики СКТУ. Ростовская область. IV квартал 1999 г.
10. Таможенная статистика внешней торговли. Бюллетень отдела статистики ЮТУ. Ростовская область. IV квартал 2002 г. Ростов н/Д, 2003.
11. Таможенная статистика внешней торговли. Бюллетень отдела статистики ЮТУ. Южный федеральный округ. IV квартал 2002 г. Ростов н/Д, 2003.
12. Таможенная статистика внешней торговли. Бюллетень отдела статистики ЮТУ. Ростовская область. I квартал 2003 г.
13. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России / Гл. ред. Е.Т. Гайдар. М., 1998.
14. Эксперт. 2002. 2 дек. № 45.

ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

В КАКОЙ МАТРИЦЕ МЫ ЖИВЕМ? (этнометрическая проверка теории институциональных матриц)¹

Н.В. ЛАТОВА

научный сотрудник, Институт социологии
РАН

ПРОБЛЕМА, которую в настоящее время оживленно обсуждает российское сообщество обществоведов, — «*пришла*» наша страна к какой-то стабильности, или же она «*продолжает идти*» к ней. Если воспользоваться понятийным аппаратом синергетики, речь идет о том, вышла ли Россия на устойчивый аттрактор, или она все еще находится в состоянии бифуркации.

Обращаясь к данным социологических опросов, можно найти аргументы, подтверждающие самые полярные точки зрения. С одной стороны, социологические мониторинги показывают стабильность (порядка 55%) количества людей, у которых преобладает оптимистическое и нормальное настроение. Когда происходят кризисные перемены (как, например, в первой половине 1990-х гг.), люди обычно смотрят на жизнь более мрачно. Однако, с другой стороны, хотя подавляющее большинство людей считает одной из наиболее важных ценностей для себя «уверенность в завтрашнем дне» (около 60%), но лишь примерно 5% от всего населения признает, что приобре-

¹ Исследование, данные которого описываются в статье, выполнено в рамках гранта КТК 292-2-02. Поддержка проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

ло такую уверенность, а вместе с ней и благоприятные перспективы.

Видимо, ответ на вопрос о завершении переходного периода нельзя напрямую получить из социологических мониторингов, поскольку обыденное сознание плохо осознает общественные сдвиги. Поскольку «лицом к лицу лица не увидеть», попробуем отойти от обсуждаемой проблемы немного в сторону и задаться вопросом: а куда *может прийти* Россия?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к теориям социально-экономических систем, поскольку именно они занимаются поисками критериев выделения различных фаз в общественном развитии. Ответы будут различаться (если не по содержанию, то по форме) в зависимости от того, к какой теории мы обратимся: к теории постиндустриального общества, к цивилизационной парадигме, к мир-системному анализу, к идеям К. Поланьи, к социо-естественной истории Л.Н. Гумилева... Нам представляется, что в данном случае целесообразно опереться на концепцию институциональных матриц, предложенную С.Г. Кирдиной [1; 2, с. 22–26].

Концепция институциональных матриц и ее ахиллесова пята. В своих работах по институциональной социологии С.Г. Кирдина выделяет две институциональные модели, в рамках которых может развиваться общество, — так называемые Х-матрица и Y-матрица. Х-матрица соответствует восточной модели исторического развития, характеризующейся реди-стрибутивной экономикой, унитарным политическим устройством и коммуитарной идеологией. Y-матрица — это западная модель, для которой типичны институты рыночной экономики, федеративного политического устройства и субсидиарной идеологии.

Согласно концепции Кирдиной, критерием оценки ситуации в какой-либо стране — является ли она стабильной (развитие по аттрактору) или кризис-

ной (бифуркационной) — следует считать характер имплантации (экспорта) институтов. Любое динамично развивающееся общество всегда осуществляет спонтанное или целенаправленное копирование каких-либо зарубежных институтов. Весь вопрос в том, институты каких стран рассматриваются как желанный образец. Страна, переживающая кризис, стремится к обновлению за счет заимствования элементов из противоположной институциональной модели. Наоборот, фаза стабилизации связана с обращением к опыту тех стран, которые характеризуются той же самой институциональной матрицей.

Россия, полагает С.Г. Кирдина, по своему социальному генотипу относится к странам с Х-матрицей. На основе этой посылки реформы 1980–1990-х гг. интерпретируются ею следующим образом. Сначала реформаторы попытались внедрить чуждые нашей матрице экономические, политические и идеологические институты из стран с Y-матрицей. Когда же обозначилась неудача «вестернизации», то началось медленное выравнивание баланса: рыночные механизмы, федеративные принципы и личностные ценности стали занимать более подчиненное положение. Этот процесс возвращения к базовым институтам Х-матрицы как раз и является показателем начала стабилизации ситуации в стране.

Итак, с точки зрения теории институциональных матриц, смену ельцинской демократии путинским «авторитаризмом с человеческим лицом» следует считать завершением флуктуации и переходом на аттрактор.

Однако у кирдинской концепции есть ахиллесова пята: принадлежность России к странам с Х-матрицей постулируется, а не доказывается. Между тем в литературе (например, у А. Янова [6]) можно найти и противоположную точку зрения: Россия якобы является по сути европейской страной, но со времен Ивана Грозного ее стремятся насиль-

ственно «ориентализовать». Если Россия имеет Y-матрицу, то путинский режим может оказаться не завершением кризиса, а началом очередного скачка в неизвестность.

Поставить точки над i поможет этносоциология — именно она должна подтвердить или опровергнуть восприятие России как страны с X-матрицей.

Этнометрия Хофстеда — путь к проверке теории институциональных матриц. Для решения поставленной проблемы необходимо изучить характеристики национальной ментальности современной России и найти ее место в международной системе характеристик национальных культур, определив, какая же институциональная матрица более адекватно отображает суть России.

Среди широкомасштабных кросс-культурных проектов на сегодняшний день наибольшей популярностью пользуются три: проект GLOBE (Global leadership and organizational behavior effectiveness) [10, p. 171–233], исследование WVS (World Values Survey) [11] и кросс-культурное исследование под руководством нидерландского психолога Г. Хофстеда [8, 9]. Исследование WVS слишком тесно связано с ценностями демократии и имеет явно выраженную прозападную ориентацию. Проект GLOBE относительно вторичен к исследованиям Г. Хофстеда. А вот культурные показатели, предложенные нидерландским ученым, подходят для наших целей очень хорошо.

Из показателей, предложенных Г. Хофстедом для комплексного и объективного понимания основных различий между национальными ментальностями, выберем три главных:

- *дистанция власти* (PDI — Power Distance) — это степень, с которой люди принимают неравномерность распределения власти в институтах и организациях;
- *индивидуализм* (IDV — Individualism) — степень, с которой люди

предпочитают заботиться только о себе и собственных семьях либо с рождения имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность;

- *маскулинность* (MAS — Masculinity) — это степень, с которой господствующие в обществе ценности тяготеют к напористости, жесткости и сосредоточены на материальном успехе, игнорируя интерес к людям и условиям жизни.

С некоторой условностью можно сказать, что показатель дистанции власти отражает политическую подсистему (распределение власти, подчиненность, делегирование полномочий), индивидуализм — идеологическую (приверженность солидарности), а маскулинность (достижительность, ориентация на успех) — экономическую.

Россия в хофстедовой системе координат. Хотя измерения показателей национальных культур проводят за рубежом с конца 1960-х гг., в нашей стране они начались совсем недавно. Одним из первых в 1990-е гг. этим начал заниматься А. Наумов [3, с. 70–103], затем этнометрией стали заниматься сотрудники Центра конфликтологии ИС РАН. В 2001–2002 гг. ими были организованы опросы жителей двух центральных регионов России — Нижегородского и Ярославского — по репрезентативной выборке.

Поскольку полученные показатели оказались близки по значению (см. таблицу), можно сделать вывод об относительной целостности ментального континуума населения центральной части России.

Если изобразить на графике соотношение каких-либо двух хофстедовых показателей, то мы получим одну из проекций созданной Г. Хофстедом системы национальных культур. На рисунках изображены две такие проекции —

**Значения хофстедовых показателей,
полученные в ходе исследований
Института социологии РАН
в 2001–2002 гг.**

Показатель	Ярославль		Нижний Новгород	
	2001 г.	2002 г.	2001 г.	2002 г.
PDI	45,3	—	47,5	48,0
IDV	52,6	—	44,0	45,1
MAS	43,5	—	45,0	45,1

взаимосвязь для некоторых стран мира, во-первых, между рангами дистанции власти и индивидуализма (рис. 1) и, во-вторых, между индивидуализмом и маскулинностью (рис. 2).

Область графиков, где сгруппированы страны Запада, выделена сплошной линией, а область стран Востока — пунктиром. Видно, что эти две группы довольно сильно отстоят друг от друга. Наиболее четко это видно на рис. 1. Страны западноевропейской культуры (Запад) сгруппированы в правом нижнем углу, для них типичны сильный индивидуализм

и низкая дистанция власти. Страны же Азии, Африки и Латинской Америки (Восток) сгруппировались в левом верхнем углу, демонстрируя слабый индивидуализм и высокую дистанцию власти.

Что касается Центральной России, то она занимает промежуточную позицию между странами Востока и Запада. Отметим, что это срединное положение России отмечает и В.А. Ядов, также использующий в своих исследованиях хофстедовский подход: «В обследовании 518 рабочих и представителей администрации машиностроительных заводов (от Москвы до Волгограда) мы к немалому удивлению обнаружили, что индекс «индивидуализм — коллективизм» в российской выборке имеет средние значения, причем на «полюсах» — соответственно китайцы и американцы» [5, с. 354].

Срединное положение России заметно и по показателю маскулинности.

Россия — Азия или Европа? Чтобы достоверно утверждать, принадлежит ли российская культура к Востоку или к Западу, был проведен иерархический кластерный анализ по всем трем показателям.

Рис. 1. Соотношение индикаторов индивидуализма и дистанции власти

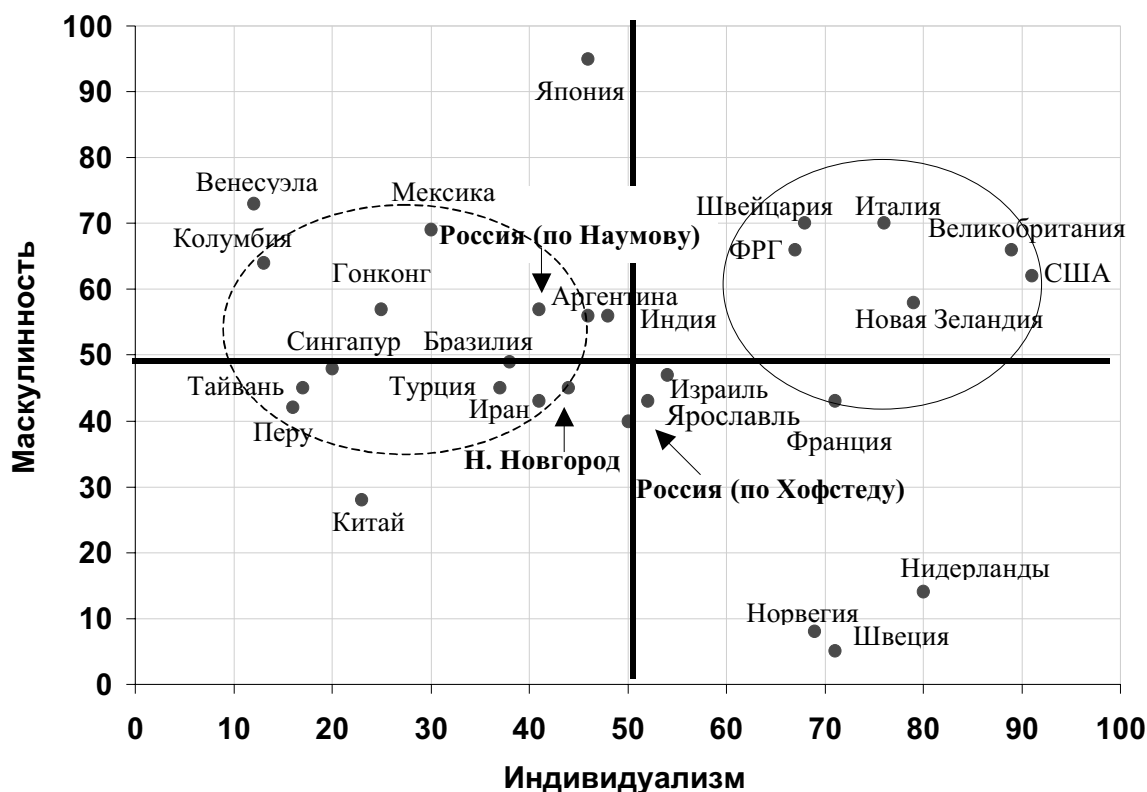

Рис. 2. Соотношение индикаторов индивидуализма и маскулинности

Кластеризация совокупности представленных на наших рисунках стран на две группы дала следующие результаты:

1-я группа стран (Норвегия, Швеция, Нидерланды, ФРГ, Швейцария, Италия, Великобритания, США, Новая Зеландия и Израиль) дает нам кластер стран, имеющих западную ориентацию («Запад»);

2-я группа стран (Перу, Тайвань, Китай, Сингапур, Гонконг, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Турция, Иран, Индия, Франция, Япония и Россия, представленная Ярославлем и Нижним Новгородом) — это блок стран с восточной моделью развития («Восток»).

Деление стран на два блока подтверждает правомерность гипотезы о выделении двух институциональных моделей — X-матрицы (2-я группа) и Y-матрицы (1-я группа).

Может показаться, что отнесение Франции в «восточную» группу выглядит диссонансом. Однако место Франции в одном ряду со странами, имеющими восточные черты развития, ка-

жется нам тем исключением, которое подтверждает правило. Многие ученые отмечают, что исторически во Франции рынок играл заметно меньшую роль, чем контроль со стороны государства. Более того, французское общество традиционно воспринимает бизнес с негативной точки зрения. Это явное отличие Франции от других государств континентальной Европы ясно и четко осознается французским правительством. Даже представитель правых Ж. Ширак подчеркнул в 1997 г. на встрече «большой семерки» в Денвере: «Мы испытываем к другим глубочайшее уважение, но у нас есть собственные традиции, собственная модель, и мы хотим их сохранить» [7, р. 3].

Итак, проведенный анализ ментальных характеристик жителей Центральной части России подтверждает гипотезу С.Г. Кирдиной о наличии в России базовой ментальной основы X-матрицы. В таком случае начавшийся при Путине процесс частичной реабилитации «вос-

точных» ценностей позволяет говорить о завершении бифуркационного периода в развитии России и о начале ее развития по аттрактору.

С кого нам «делать жизнь»? *Последнее, на чем имеет смысл остановиться, — это на выделении тех стран, которые могут стать для России примером для подражания (в случае наличия у них удачной модернизации) на основе сходства национальных черт ментальности.*

Чтобы выяснить «расстояние» между странами, измерив тем самым степень сходства, нужно вычислить квадрат евклидового расстояния между координатами стран в модели Хофстеда. Очевидно, что чем меньше расстояние между объектами, тем более они схожи. Как показывают расчеты, наиболее близкими к России по показателям индивидуализма, дистанции власти и маскулинности выступают три страны — Аргентина, Иран и Турция.

Россию объединяют с этими странами «третьего мира» многие общие черты их исторического развития. Главная из них — это стратегия догоняющего развития. Все эти страны относятся, по А. Гершенкرونу, ко второму эшелону развития капитализма, когда модернизация страны обусловлена не столько ее внутренним саморазвитием, сколько влиянием более развитых стран «ядра» капиталистической мир-экономики [4, с. 751]. Из этих трех стран две — Турция и Аргентина — смогли, несмотря на бурные катаклизмы минувшего столетия, решить задачи модернизации и относятся сейчас к числу высокоразвитых новых индустриальных стран. Если они смогли успешно модернизироваться, то, вероятнее всего, сможем и мы.

Итак, «ирано-турецко-аргентинская» ментальность россиян порождает, как нам кажется, довольно оптимистические ожидания в отношении перспектив России в новом веке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и дополн. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001
2. Кирдина С.Г. Спор ученого с поэтом, или Социологическая теория институциональных матриц против утверждения о том, что «умом Россию не понять» // MOST (Журнал деловых людей МОСТ). 2001. № 46.
3. Наумов А. Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3.
4. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). М.: МОНФ, 2001. С. 751.
5. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М., 2002.
6. Янов А.Л. Россия: У истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
7. A Survey on France // The Economist. 5 June 1995.
8. Hofstede G. Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994.
9. Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, London, 1980.
10. House R., Hanges P. Cultural influences on Leadership and Organizations. Project GLOBE // Advances in Global Leadership. 1999. Vol. 1.
11. Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. February 2000. Vol. 65.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ МАТЕМАТИКА АРГУМЕНТОМ В ЭКОНОМИКЕ?

С.В. ЖАК

доктор технических наук, зав. кафедрой
«Исследование операций», Ростовский го-
сударственный университет

В ТЕЧЕНИЕ ряда лет по роду своей деятельности (преподавание курсов математического моделирования, руководство аспирантами и докторантами, консультации по проблемам экономики) я и мои подопечные исследуем более или менее адекватные математические модели экономических процессов. При этом зачастую возникают выводы и закономерности, не вполне согласующиеся с применяемыми на практике подходами и рекомендациями. Хотя эти результаты достаточно широко публикуются (в том числе и в центральных журналах), прямая реакция на них отсутствует — видимо, в большей мере потому, что экономисты-практики не слишком любят и не слишком доверяют математическим работам. При этом со временем к тем же выводам заставляет прийти и практика, предлагаемые рекомендации в той или иной мере реализуются — но уже с потерей времени и без математического обоснования.

Вот и недавно в телевизионной передаче «Основной инстинкт» (с участием министра финансов Кудрина и советника президента Илларионова) обсуждался ряд вопросов экономической политики, но никто и ни разу не сослался на математические модели, хотя около 300 лет тому назад Лейбниц провозгласил важнейший принцип научной дискуссии: *«... если между людьми возникают споры, потребуются лишь сказать: “Подсчитаем!” — дабы без дальнейших околичностей выяснить, кто прав»*.

В связи с этим кажется уместным привести результаты анализа некоторых математических моделей, относящихся к затронутым вопросам. Разумеется, всякая модель есть упрощение реальных

процессов, но тем не менее получаемые результаты могут (и должны) являться дополнительными аргументами в пользу принимаемых решений.

1. Проблема снижения ставки НДС.

Еще около 10 лет тому назад, на основе построенной эконометрической модели поведения фирмы, было показано, что существует предельное значение ставки НДС (аналог точки Лаффера), превышение которого приводит к абсурдной политике: при уменьшении прибыли фирмы *фискальный сбор государства также уменьшается*, т.е. это невыгодно ни фирме, ни государству. Этот вывод был подтвержден в свое время снижением ставки НДС с 28–30% до 20% и согласуется с предлагаемым дальнейшим ее снижением. Расчет конкретного критического значения требует использования осредненных по стране данных (в наших работах использованы модельные данные).

2. Проблема рассредоточения возврата НДС (не после завершения всех работ, например строительства) очевидна в силу уменьшения реальных платежей за счет дисконтирования «отложенных» платежей (в особенности при наличии инфляции). Такие расчеты проводятся в элементарных курсах финансовой математики, но напрочь не принимаются бухгалтерской практикой.

3. «Плоская» шкала подоходного налога. В работах автора этой статьи и Н.Б. Шидаковой было *доказано*, что при двух линейных целевых функциях (фискальный сбор и осредненная мера благосостояния общества) множество Парето состоит из отрезка плоских шкал (от минимальной ставки до максимальной для *всех страт*). Это — строгий математический результат, не зависящий от различных разговоров о «социальной справедливости» и т.п. Он может быть изменен лишь введением других целевых функций, но оснований для такого введения пока не видно. В тех же работах показано, при каких условиях НДС вообще не целесообразен (о чем на опыте других стран также шла речь в упомянутой передаче).

4. Снижение или повышение налога на прибыль.

По-видимому, не имеет смысла вводить единую шкалу налога на прибыль, зависящую только от величины прибыли: она обусловлена разными причинами — либо заслугами предпринимателя (новый товар, новая технология производства или сбыта), либо природной рентой, т.е. присвоением общественных, общенародных ценностей. В первом случае налог на прибыль действительно должен быть минимальным (это и обеспечивает заинтересованность предпринимателя в развитии производства, и выгодно всему обществу). Во втором случае эта прибыль должна быть «обрезана» по уровню успешного производства первого типа, а все остальное — возвращено государству, обществу. Например, в «Литературной газете» № 10 за 2003 г. приведен пример очень успешной ульяновской фирмы «Фрест», прибыль которой составляет 32% от собственных затрат, — примерно такой уровень и должен ограничивать прибыль естественных монополий, в первую очередь нефтегазового комплекса.

5. Борьба с «гонкой цен» (тарифов) естественных монополий. Вопрос этот связан с предыдущим, но имеет и свои особенности. Поочередное наращивание тарифов естественных монополий, оправдывающееся недостаточной их прибыльностью, ведет экономику страны к коллапсу, снижая конкурентоспособность других отраслей на мировом рынке, резко уменьшая покупательскую способность (и спрос) на рынке внутреннем, разрушая единую экономическую систему страны (за счет удорожания перевозок). С математической точки зрения, поочередный рост тарифов эквивалентен применению *метода Зейделя* решения системы уравнений для тарифов связанных между собой отраслей (монополий) при более или менее произвольном назначении нормы прибыли каждой из отраслей. При этом нарушаются условия сходимости метода, что и приводит к росту тарифов и чревато упомянутым коллапсом. Выход, на наш взгляд, заключается в со-

гласованном назначении норм прибылей отраслей (монополий), не превышающих значения, обеспечивающие сходимость методов решения этих уравнений, и в последующем их решении, т.е. назначении обоснованных, согласованных тарифов. Опять-таки модельные расчеты приведены в статьях и докладах автора данной статьи, а реальные расчеты могут быть проделаны лишь при участии центральных планирующих органов, располагающих необходимой информацией. Связан с рассматриваемой проблемой и вопрос о некорректности отраслевых, «ведомственных» моделей: при наличии **остаточного ненулевого спроса** (например, минимального объема перевозок при любых транспортных тарифах) прибыль отрасли растет до бесконечности при росте тарифов! Необходимое построение межотраслевых моделей представляет серьезные трудности, прежде всего из-за непрозрачности экономической информации отраслей.

6. Налог на прибыль и стабилизация цен. В свое время была предпринята попытка найти такой закон налога на прибыль, который бы способствовал не непрерывному росту цен, а приводил бы к их стабилизации. Такой закон был построен (разумеется, на основе очень упрощенной модели), но оказался нереализуемым, так как облагаемые объекты (субъекты) нашли бы способ уменьшения прибыли за счет перевода части ее в затраты (хотя бы ростом зарплат). Некоторым способом избежать этого стала бы замена налога на прибыль налогом с выручки — и это в последнее время реализовано как альтернативный вариант налога с предпринимателей (6% с выручки или 15% с прибыли). Легко показать, что первый вариант выгоднее (для предпринимателя) тогда и только тогда, когда норма прибыли превышает $2/3$. Соответственно, можно и со стороны государства выбирать область применения этого налога.

Рассмотренные модели и подходы, разумеется, не претендуют на роль универсальных моделей анализа экономи-

ческих процессов. Они лишь показывают возможности использования даже упрощенных математических моделей при анализе вероятных последствий принятия решений в области экономики¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббас Х., Жак С.В. Об оптимальных тарифах на транспорте. Деп. (ВИНИТИ) № 2373-B95.
2. Гусаков С.В., Жак С.В. Оптимальные равновесные цены и точка Лаффера // ЭИММ. Т. 31. Вып. 4. С. 131–138.
3. Гусаков С.В., Жак С.В., Шидакова Н.Б. Оптимизация ставок налогов и дотаций // Системное моделирование социально-экономических процессов. Воронеж, 1998. Ч. 2. С. 195–197.
4. Доманова А.В., Жак С.В., Стерликов Ф.Ф. Маркетинг. Компьютерное моделирование. Ростов н/Д: ЛаПО, 1999.
5. Доманова А.В., Жак С.В., Стерликов Ф.Ф. Экономика. Компьютерное моделирование. Ростов н/Д: ЛаПО, 1998.
6. Жак С.В. Куда и почему ползут цены? М.: Экономическая наука современной России, 2002. № 3. С. 141–145.
7. Жак С.В. Математические модели менеджмента и маркетинга. Ростов н/Д: ЛаПО, 1997.
8. Жак С.В. Модели взаимодействия отраслей и фирм // Системное моделирование социально-экономических процессов. Воронеж: ВГУ, 2000. С. 100–110.
9. Жак С.В. Проблема стабилизации цен // Компьютерное моделирование. Экономика. М.: Вузовская книга, 2000. С. 39–50.
10. Жак С.В., Землянухина Л.Н., Николаева С.Л. Многокритериальные модели поведения и взаимодействия фирм и отраслей. Деп. (ВИНИТИ) № 2020-B99.
11. Жак С.В., Николаева С.Л. Война тарифов и управление ими // Известия вузов. Сев.-Кавк. регион. Естественные науки. 2002. № 3. С. 24–26.
12. Жак С.В., Николаева С.Л. Конфликт монополий и общества — путь к катастрофе или к компромиссу? Информационные технологии и системы. Воронеж, 2002. Вып. 5. С. 44–46.
13. Жак С.В., Пенязев О.А., Сулейман М. Модели поведения предпринимателя и система налогообложения. Деп. (ВИНИТИ) № 2060-B93.
14. Жак С.В., Пенязев О.А., Сулейман М. Модели поведения предпринимателя и социальные интересы общества // Известия вузов. Сев.-Кавк. регион. Естественные науки. 1994. № 4. С. 68–71.

¹ Более подробное изложение приведенных моделей и подходов содержится в ряде публикаций [1–14].

МАТЕМАТИКА — МУЗА РЕКЛАМЫ

И.П. БОРОДИНА

Ростовская-на-Дону государственная академия сельскохозяйственного машиностроения

Музы¹, молю — из толпы многогрешного града людского
Вечно влеките к священному свету
скиталицу-душу!
Пусть тяжелит ее мед ваших сот, укрепляющий разум,
Душу, чья слава в одном — в чарующем уме благоречье.

Прокл

СОВРЕМЕННОЕ информационное пространство многообразно и разнонаправлено, но поистине царское место в потоке информации занимает Реклама. Рекламой пронизаны все сферы человеческой деятельности от безусловно коммерческой до социально-политической. Реклама приобрела Олимпийский статус. Реклама довлеет и управляет судьбами, создает стереотипы у одиночек и общественное мнение у групп. Реклама стала Богиней. Возможно, в архаическом пантеоне Реклама присутствовала в одном из своих сегодняшних образов — скрытой Рекламе, затерявшись в Олимпийских закоулках и ожидая своего часа, чтобы достойно выступить в ряду прочих бессмертных.

Сложные хитросплетения генеалогии древнегреческих богов позволяют предположить, что и Реклама не избежала искушения, породив богоподобных дочерей, а если следовать греческой традиции — муз.

Раз уж речь зашла о «неизвестных» бессмертных музах, то к их числу смело можно отнести Математику. Сегодня Математика все увереннее вытесняет с глав-

¹ Музы, мусы (Mousai, «мыслящие»), аониды, аонийские сестры, парнакиды, касталиды, ипокрениды, пиэриды (прозвища от мест обитания муз) — дочери Зевса и Мнемосины. Музы — в Греции и Риме — богини поэзии, искусств и наук, девять сестер, рожденные в Пиэрии и носящие имя «олимпийские». Им ведомо прошлое, настоящее и будущее, считалось, что они обладают даром предсказания.

ных позиций интуитивные предположения. Деловой мир стремится отказаться от исключительно качественной оценки любой деятельности, а особенно коммерческой. Реклама по определению является коммерческой. Пришло время Рекламы. Пришло время Математики.

Построим ряд допущений, которые позволят Математике проявить себя как музе Рекламы, определив условия планирования проведения рекламной кампании, цель которой – увеличение спроса на конкретную продукцию.

1. Спрос, обусловленный ценой на продукцию, уже существует, т.е. товар внедрен на рынок и известен потребителю.
2. Рекламный бюджет ограничен.
3. Тематика рекламной кампании объединена одной идеей.

Задача:

- наиболее эффективное использование рекламного бюджета, максимизация прибыли за счет увеличения объемов продаж;
- максимизация спроса путем воздействия рекламных акций на потенциального потребителя.

Пути решения:

- выявление зависимости изменения спроса при изменении затрат на рекламу и оценка основных параметров, определяющих эту зависимость;
- моделирование системы взаимоотношений участников товарно-денежного обмена, где исследуемым объектом является стратегия поведения фирмы, а в качестве инструмента управления спросом рассматривается оптимизация рекламных затрат.

ДЕТСТВО МУЗЫ – АРИФМЕТИКА

Рекламное воздействие всегда направлено на целевую аудиторию, теоретически обладающую необходимыми для покупки характеристиками – наличием денежных средств и потребности.

Рекламная информация публикуется с позиций наиболее вероятного совпадения интересов рекламодателя и «читателей» рекламного носителя.

Приоритетным для рекламодателя является определение величины рекламных затрат на каждый рекламный носитель.

Итак, рекламный бюджет будет складываться из следующих затрат:

$Z_r = (Z_1 + Z_2 + Z_3 + Z_4)L$ – общие затраты, где $Z_1 = (Z_{11} + \eta_1 \times Z_{12})\delta(\eta_1)$ – реклама в прессе; $Z_2 = (Z_{21} + \eta_2 \times Z_{22} \times \delta(\eta_2, t))$ – радио-телереклама; $Z_3 = (Z_{31} + \tau \times Z_{32})\kappa$ – наружная реклама; $Z_4 = \sum_i (Z_{41i} \times v + Z_{42i} \times \chi \times \delta(\chi))$ – полиграфическая реклама.

Параметры, формирующие затраты на рекламу: Z_1 – затраты на рекламу в газетах и журналах (печать); Z_2 – затраты на рекламу на TV, радио; Z_3 – затраты на наружную рекламу; Z_4 – затраты на полиграфическую рекламу (буклеты, каталоги); Z_{11} – затраты на изготовление макета рекламного объявления; Z_{12} – затраты на публикацию одного рекламного объявления; η_1 – частота рекламных объявлений в печати за условный период времени; Z_{21} – затраты на изготовление ролика рекламного объявления; Z_{22} – затраты на публикацию одного рекламного объявления; η_2 – частота рекламных объявлений на телевидении за условный период времени; Z_{31} – затраты на изготовление рекламного банера; Z_{32} – затраты на прокат рекламного щита в единицу времени; τ – условная единица прокатного времени; κ – число объектов наружной рекламы (число рекламных щитов); Z_{41i} – затраты на изготовление макета; Z_{42i} – затраты на выпуск рекламной продукции; δ – доля скидки, зависящая от тиража и размера рекламного блока в случае газет и журналов; t – время размещения рекламного

объявления в течение суток; χ — тираж единицы рекламной продукции; ν — количество макетов в одном рекламном продукте; i — количество рекламных продуктов; L — количество рекламных акций на планируемый период.

Теперь, сопоставив желания и возможности (ограниченный рекламный бюджет), проведем окончательный выбор рекламных средств и сбалансируем график публикаций таким образом, чтобы сократить число и длительность пауз между объявлениями.

ОТРОЧЕСТВО МУЗЫ — АЛГЕБРА

Вспомним классический закон спроса: чем ниже цена товара, тем выше на него спрос. Не забывая о нашей музе, ставшей более серьезной, обратимся к Алгебре.

Один из инструментов Алгебры — это выявление закономерностей, определение функций и аргументов. В контексте причины и следствия потребительский спрос является функцией зависящей от цены товара

$$D(P) = \frac{A}{P^E},$$

где P — цена товара; A — эмпирический коэффициент; E — коэффициент эластичности спроса по цене [2].

Сразу возникает законный вопрос — зачем же нужна Реклама? Как Реклама влияет на спрос? У Алгебры есть ответ на этот непростой вопрос. Реклама нужна, а влияет она на спрос следующим образом.

Функция спроса под воздействием Рекламы преобразуется в двухфакторную зависимость

$$D(P, Z_r) = D(P) + \Delta D, \\ \Delta D = D(P) * \beta * Z_r^\gamma, \quad (1)$$

где ΔD — изменение спроса под воздействием рекламы; $D(P, Z_r)$ — спрос на продукцию после проведения рекламных мероприятий; γ — коэффициент эластичности спроса по затратам

на рекламу; β — эмпирический коэффициент.

Зависимость (1) получена на основе статистических данных [1]. По результатам вычислительного эксперимента $\beta > 1, 0 < \gamma < 1$.

Тогда полный спрос на продукцию можно представить как

$$D(P, Z_r) = D(P) + \Delta D = \\ = D(P) + D(P) * \beta * Z_r^\gamma = \\ = D(P) * [1 + \beta * Z_r^\gamma].$$

ЮНОСТЬ МУЗЫ — МАТЕМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Юность — пора самоосознания, поиска смысла и смены облика. Одних определений уже недостаточно. Постановка целей и их достижение, анализ ретроспективы и предсказание — муза повзрослела.

Для Рекламы настало время глобальных решений. Прибыль! Реклама — корыстная женщина. Узнаваемость Рекламы, увеличение спроса, эти локальные задачи направлены на одну цель — добиться увеличения прибыли при ограниченности финансовых ресурсов. Юная муза для этого может использовать свой дар предсказания, математическое моделирование социально-экономических процессов.

Вспомним о постановке задачи. Необходимо увеличить прибыль за счет оптимизации рекламных затрат при ограничении рекламного бюджета.

Описание модели.

Выражение для прибыли предприятия

$$\Pi(Z_r, P^*) = P \times D(P^*) \times x - D(P) \times \\ \times x [B_0 + B_1 \times b_0 \times [D(P^*) \times x]^{-g}] - \\ - Z_r \rightarrow \max_{Z_r}^2$$

$$Z(R) = R \times [B_0 + B_1 \times q(R)], \\ B_0 = C_0 + C_\infty$$

² Оптимальное решение может быть найдено при помощи численных методов.

$$B_1 = C_\infty, C_\infty = \frac{C_0}{1 + b_0 R_0^{-g}} [1],$$

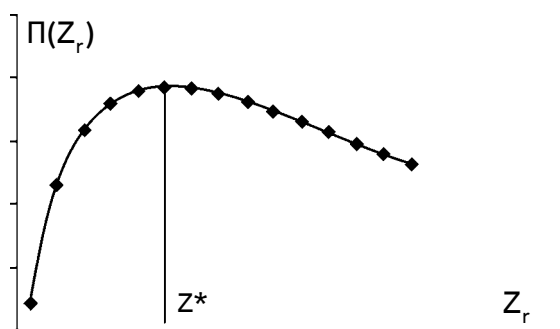
$$D(P^*, Z_r) = D(P^*) \times (1 + \beta Z_r^\gamma) =$$

$$= \frac{A(1 + \beta Z_r^\gamma)}{P^* E} = R,$$

$$Z_r \leq \bar{Z},$$

где R – предложение товара; Z_r – затраты на рекламу; $\bar{Z}$ – ограничение по рекламному бюджету; $Z(R)$ – себестоимость товара; $D(P, Z_r)$ – полный спрос, обусловленный ценой на товар и рекламными затратами.

Необходимо отметить, что оптимизация рекламных затрат производится при уже найденной оптимальной цене P^* , так как одновременная оптимизация приведет к быстрому падению ценового спроса. При фиксированной оптимальной цене, несмотря на увеличение затрат, максимизация прибыли достигается за счет увеличения сбыта продукции (см. рисунок).

Зависимость прибыли от рекламных затрат, где Z^ – оптимальные затраты на рекламу*

Не буду и далее утомлять читателя математическими выкладками и древнегреческими метафорами, хочу только

отметить, что для решения поставленной задачи возможно использование других математических процедур и методов.

Широко распространенные подходы определения эффективности рекламных объявлений, а тем более рекламных кампаний, используемые как инструмент для анализа воздействия рекламы на потребительский спрос, не могут предоставить вполне достоверной информации для моделирования и последующего прогнозирования поведения потенциальных потребителей. Зачастую мониторинговые исследования ограничиваются только арифметическим подсчетом затраченных «у.е.» и количеством публикаций. Это распространенный просчет руководителей предприятий.

Современный рынок требует серьезных аналитических исследований. Сегодня не достаточно занять определенную рыночную нишу и периодически напоминать потребителю о своем существовании. В условиях конкурентной среды каждое коммерческое решение должно быть подкреплено квалифицированным аналитическим исследованием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жак С.В. Математические модели менеджмента и маркетинга. Ростов н/Д: ЛаПО, 1997.
2. Бузин В. Коэффициент качества, или Как делят ответственность рекламное агентство и рекламодатель, отдел исследований «Премьер-СВ» // Рекламный мир. 1998. № 9, 10. Разд. Лаборатория.
3. Клейнер Г.Б. Экономико-математическое моделирование и экономическая теория // Экономика и математические методы. 2001. Т. 37. № 3. С. 111–126.

ОТКРЫТАЯ АУДИТОРИЯ

СПЕЦСЕМИНАР ПО «КАПИТАЛУ» К. МАРКСА: МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ (для бакалавров и специалистов)

А.М. ЮРКОВ

кандидат экономических наук, профессор,
проректор Ростовского государственного
университета

В.М. ЗЕПАЛОВ

кандидат экономических наук, доцент ка-
федры истории экономических учений,
Ростовский государственный университет

Подобно Библии, Корану, «Основам»
Ньютона, «Происхождению видов»
Дарвина, «Капитал» является книгой,
которая изменила ход истории.

*П. Самуэльсон, лауреат
Нобелевской премии по экономике*

1. ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ СПЕЦСЕМИНАРА ПО «КАПИТАЛУ» К. МАРКСА

Появление 14 сентября 1867 г. в Гамбурге первого тома «Капитала» ознаменовало возникновение нового этапа в истории развития не только экономической мысли, но и большинства гуманитарных наук. Поскольку «Капитал» является классическим образцом экономического, исторического, социологического, политологического и философского исследования, постольку и сегодня он читается во всем мире. Более того, в ряде университетов Западной Европы и Америки проводятся специальные семинары по изучению «Капитала». На экономическом факультете РГУ ведутся спецсеминары по таким классическим произведениям экономической мысли, как «Принципы экономической науки» А. Маршалла, «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса, «Капитал» К. Маркса.

Созданию своего экономического учения К. Маркс посвятил много лет напряженнейшего труда. Сделав объектом исследования экономический организм буржуазного общества XIX в., Маркс критически переосмыслил огромный экономический, исторический и статистический материал. Опираясь на достижения гуманитарной мысли своих предшествен-

ников, К. Маркс создал принципиально новое экономическое учение, которое научно отобразило закономерности возникновения и развития экономического организма буржуазного общества в виде стройной теоретической системы внутренне субординированных экономических понятий и законов. Оценивая «Капитал» К. Маркса, авторитетнейший специалист в области истории экономической мысли М. Блауг писал: «Надо иметь довольно слабые умственные способности, чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное и систематизированное толкование законов движения капитализма» (Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 207). К настоящему времени по теории и методологии «Капитала» К. Маркса имеется обширная литература, позволяющая углубленно изучить марксистский этап в истории развития экономической мысли. Однако для формирования подлинной культуры экономико-теоретического мышления необходимо штудировать текст первоисточника, а не ограничиваться информацией о нем из «вторых рук».

Целью спецсеминара является углубление знаний в области научного метода создания конкретной экономической теории на примере «Капитала» К. Маркса.

Учебные задачи спецсеминара сводятся к следующему:

- расширение представлений о построении и содержании целостной системы внутренне соподчиненных экономических категорий и законов, иерархия которых теоретически воспроизводит и научно объясняет процесс возникновения и развития экономического организма буржуазного общества;
- развитие у студентов умений и навыков творческого прочтения сложных экономических произведений;

- углубление знаний в области экономической теории и истории экономической мысли.

Специальный семинар по «Капиталу» К. Маркса включает следующие виды академических занятий и учебно-познавательной деятельности: установочные и обобщающие лекции, обсуждение на групповых занятиях содержания текста заданных глав, самостоятельную работу по написанию рефератов по проблемам «Капитала», участие в тестировании, заслушивание и обсуждение студенческих докладов, подготовленных на учебно-научную конференцию по «Капиталу» К. Маркса.

Экономическая теория Маркса является весьма масштабной и сложной. Достаточно заметить, что «... при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить, — указывает Маркс, — сила абстракции». Все это обуславливает существование определенных трудностей в постижении экономического творения Маркса. Предвидя их, автор «Капитала» в «Предисловии к французскому изданию» написал: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам». Пусть эти слова станут девизом вашей творческой работы по изучению «Капитала».

2. КАК ИЗУЧАТЬ «КАПИТАЛ» К. МАРКСА

Работу над «Капиталом» желательно осуществлять по книгам, изданным после 1961 г., так как тексты этих изданий содержат уточненный перевод. При внимательном чтении «Капитала» студент неизбежно столкнется с многими неизвестными или малопонятными терминами. Чтобы это не препятствовало пониманию, целесообразно иметь под рукой

словарь иностранных слов, а также экономический и философский словари.

Эффективное чтение «Капитала» предполагает сначала первичный просмотр книги. Он дает возможность ознакомиться со структурой произведения, основными положениями, объемом. Такой просмотр позволит определить объем материала для равномерного чтения с учетом сложности отдельных разделов, лучше спланировать и организовать самостоятельную работу.

Правильное осмысление и творческое отношение к прочитанному является самым главным в изучении данного экономического произведения. Оно должно сформировать ясное понимание и прочное усвоение классического текста. При изучении любого тома, отдела, главы или параграфа необходимо постоянно стремиться к следующему:

- выделять наиболее полные определения, которые дает К. Маркс исследуемым экономическим понятиям, категориям и законам;
- обращать внимание на частные методы, используемые Марксом на различных ступенях логического анализа экономической структуры буржуазного общества;
- постоянно увязывать углубленное изучение содержания «Капитала» с усвоением метода создания теории;
- проследить логику анализа каждой категории или закона, следить за логикой перехода от одной проблемы к другой;
- отмечать то, как Маркс на последующих ступенях своего исследования уточняет, конкретизирует и развивает дальше те понятия, которые были сформулированы на предшествующих стадиях анализа;
- уделять внимание критике Марксом методологических и теоретических суждений своих предшественников.

Такое изучение «Капитала» позволит углубить и расширить знания о возникновении, становлении и развитии товарно-денежных отношений, капитала, прибыли, процента, ренты и других экономических явлений, существующих и в современных экономических системах рыночного типа. Оно позволит как бы побывать в творческой лаборатории крупнейшего ученого-экономиста и поучиться методу разработки новаторских экономических теорий, какой была в XIX в. экономическая теория «Капитала».

3. ПЛАНЫ ЗАНЯТИЙ ПО ПЕРВОМУ ТОМУ «КАПИТАЛА»

Т. 1. «Процесс производства капитала»

Занятие № 1

Тема: «Предмет, цель и метод исследования в “Капитале”»

1. История становления и развития экономической теории К. Маркса. Экономические идеи в работах Маркса 40-х гг.: «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология», «Ниццета философии». Первоначальный вариант «Капитала» в рукописи 1857—1858 гг., «К критике политической экономии. Выпуск первый» (1859 г.). Экономическая рукопись 1861—1863 гг. Издание первого тома «Капитала». Работа Маркса над рукописями второго и третьего томов «Капитала».

2. Предмет исследования в «Капитале». Характеристика объекта исследования. Эмпирическая база исследования. Определение цели исследования.

3. Метод разработки теоретической системы экономических понятий и законов в «Капитале» К. Маркса. Сущность метода восхождения от абстрактного к конкретному. Критерии выявления исходного пункта построения экономической теории. Понятие экономической клеточки. Метод исследования и метод изложения.

4. Общая характеристика логической структуры «Капитала» К. Маркса. Анализ процесса производства в первом томе «Капитала» как исследование сущности экономики буржуазного общества. Рассмотрение процесса обращения капитала во втором томе как обнаружение важнейших форм проявления сущности. Освещение в третьем томе процесса капиталистического производства, взятого в целом, как исследование экономических форм, лежащих на поверхности буржуазного общества и находящих отражение в сознании субъектов рыночной экономики.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ¹

1. Маркс К. Капитал. Т. 1. Предисловие к первому изданию. С. 5–11.
2. Маркс К. Капитал. Т. 1. Послесловие ко второму изданию. С. 12–22.
3. Бондаренко Е.Л. Экономическое учение марксизма («Капитал» К. Маркса). М., 1991. С. 5–16.
4. Галеев И.В. Различие методов «Капитала», классики, неоклассики и неклассики // Постигание Маркса. М., 1998. С. 259–269.
5. Дюмон Л. Встреча Маркса с политической экономией и ее реформа // Генезис и расцвет экономической идеологии. М., 2000. С. 159–179.

Занятие № 2

Тема: «Учение о товаре и двойственном характере труда»

1. Товар как элементарная форма богатства капиталистического общества и исходный пункт анализа экономической системы буржуазного общества. Потребительная стоимость товара. Меновая стоимость товара как пропорция обмена. Стоимость товара. Субстанция стоимости. Величина стоимости.

¹ Страницы текста первого, второго и третьего томов «Капитала» приводятся соответственно по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23–25. Ч. I, II.

2. Двойственный характер заключающегося в товарах труда. Конкретный труд и его отличительные признаки. Абстрактный труд и развитие понятия о нем в § 2 первой главы.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 1. § 1, 2. С. 43–55.

Занятие № 3

Тема: «Анализ развития форм стоимости и обмена»

1. Меновая стоимость как форма проявления стоимости. Простая, единичная или случайная форма стоимости. Относительная форма стоимости и эквивалентная форма. Содержание относительной формы стоимости. Количественная определенность относительной формы стоимости. Эквивалентная форма и ее особенности. Полная, или развернутая, форма стоимости. Всеобщая форма стоимости. Денежная форма.

2. Товарный фетишизм и его тайна. Сущность товарного фетишизма. Овеществление лиц и персонификация вещей. Объективная и субъективная стороны товарного фетишизма.

3. Процесс обмена. Противоречия обмена как проявление и разрешение противоречий товара. Общественная форма денег и натуральная форма благородных металлов. Удвоение потребительной стоимости денежного товара. Фетишизм денег.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 1, § 3, 4; Гл. 2. С. 56–103.

Занятие № 4

Тема: «Теория денег»

1. Деньги как мера стоимости. Цена. Масштаб цен. Счетные деньги. Количественное несовпадение величины стоимости и цены.

2. Деньги как средство обращения. Кругооборот Т—Д—Т. Товарное обращение. Разница между товарным обращением и обменом продуктов. Абстрактная возможность кризисов. Количество обращающихся денег. Факторы, определяющие массу обращающихся денег. Монета. Знак стоимости. Бумажные деньги. Закон обращения бумажных денег с принудительным курсом.

3. Деньги как образование сокровищ. Противоречие денег. Роль сокровищ при металлическом обращении.

4. Деньги как средство платежа. Возникновение функции средства платежа. Усиление противоречия денег. Конкретизация закона денежного обращения. Кредитные деньги.

5. Мировые деньги. Функционирование мировых денег как всеобщего средства платежа, всеобщего покупательного средства и абсолютной общественной материализации богатства вообще.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 3. С. 104—156.

Занятие № 5

Тема: «Превращение денег в капитал»

1. Всеобщая формула капитала. Различия между кругооборотами Т—Д—Т и Д—Т—Д. Первое определение прибавочной стоимости. Определение капитала. Фетишизм капитала.

2. Противоречия всеобщей формулы капитала.

3. Купля и продажа рабочей силы. Условия, необходимые для превращения рабочей силы в товар. Стоимость рабочей силы. Своеобразная природа товара «рабочая сила».

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 4. С. 157—187.

Занятие № 6

Тема: «Процесс труда и процесс увеличения стоимости»

1. Процесс труда. Предмет труда, сырой материал, средство труда. Средства производства. Производственное потребление. Процесс труда как процесс потребления рабочей силы капиталистом.

2. Процесс образования стоимости. Стоимость рабочей силы и стоимость, которую она создает в процессе труда. Процесс увеличения стоимости, генезис капитала.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 5. С. 188—209.

Занятие № 7

Тема: «Постоянный капитал и переменный капитал. Норма прибавочной стоимости»

1. Процессы перенесения и воспроизведения стоимости. Постоянный и переменный капитал как экономические формы факторов процесса капиталистического производства.

2. Норма прибавочной стоимости. Примененный и потребленный постоянный капитал. Необходимое рабочее время и необходимый труд. Прибавочное время и прибавочный труд. Выражение стоимости продукта в относительных долях продукта. Критика теории «последнего часа». Понятие прибавочного продукта.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 6, 7. С. 210—241.

Занятие № 8

Тема: «Рабочий день. Производство абсолютной прибавочной стоимости»

1. Границы рабочего дня. Взгляды капиталиста и рабочего на продолжи-

тельность рабочего дня. Механизм нормирования рабочего дня в истории капиталистического производства.

2. Дневной и ночной труд. Система смен. Экономические причины издания законов об удлинении рабочего дня в XIV–XVII вв. и законодательного ограничения рабочего времени в XIX в. Абсолютная прибавочная стоимость.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 8. С. 242–246, 267–306.

Занятие № 9

Тема: «Законы взаимосвязи нормы и массы прибавочной стоимости»

Экономический смысл формулы массы прибавочной стоимости. Содержание трех законов взаимосвязи нормы и массы прибавочной стоимости. Проблема минимальной суммы денег, которая может быть превращена в капитал. Конкретизация понятия «капитал».

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 9. С. 312–321.

Занятие № 10

Тема: «Понятие относительной прибавочной стоимости. Кооперация как исторически первая форма организации производства относительной прибавочной стоимости»

1. Индивидуальная и общественная стоимость. Относительная прибавочная стоимость. Понятие добавочной прибавочной стоимости. Цель развития производительных сил при капитализме.

2. Кооперация. Исходный пункт капиталистической промышленности, количественное отличие последней от цехового производства. Общественный сред-

ний труд. Экономия средств производства. Общественные производительные силы кооперативного труда. Прежние формы кооперации. Ее капиталистическая форма.

ЛИТЕРАТУРА У ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 10, 11. С. 322–347.

Занятие № 11

Тема: «Разделение труда и мануфактура»

1. Мануфактура и ее двойное происхождение. Частичный рабочий и его орудие. Факторы повышения производительной силы труда в мануфактуре. Материальные предпосылки возникновения машинного производства, создаваемые мануфактурой.

2. Две основные формы мануфактуры: гетерогенная мануфактура и органическая мануфактура. Разделение труда внутри мануфактуры и разделение труда внутри общества. Капиталистический характер мануфактуры.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 13. С. 348–381.

Занятие № 12

Тема: «Машины и крупная промышленность»

1. Отличие машины от ремесленного орудия. Три составные части машины. Способы использования машин. Различия между разделением труда внутри мануфактуры и на фабрике. Машина и промышленная революция XVIII в.

2. Перенесение стоимости машин на продукт. Изменения в структуре цен товаров при машинном производстве. Экономические границы применения машин.

3. Воздействие машинного производства на рабочего. Вовлечение в производство женского и детского труда. Уд-

линение рабочего дня. Интенсификация труда. Фабрика и дисциплина труда.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 13. § 1—4. С. 382—437.

Занятие № 13

Тема: «Единство производства абсолютной и относительной прибавочной стоимости»

1. Единство и различия двух форм прибавочной стоимости. Конкретизация понятия «производительный труд». Формальное и реальное подчинение труда капиталу. Взаимосвязь естественных и социально-экономических предпосылок возникновения и развития капиталистического производства.

2. Изменение в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости. Величина рабочего дня и интенсивность труда постоянны, производительная сила труда изменяется. Рабочий день и производительная сила труда постоянны, интенсивность труда изменяется. Производительная сила и интенсивность труда постоянны, рабочий день изменяется. Одновременные изменения продолжительности труда.

3. Различные формулы нормы прибавочной стоимости.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 14—16. С. 516—544.

Занятие № 14

Тема: «Заработная плата»

1. Превращение стоимости, соответственно и цены, рабочей силы в заработную плату. Трактовка заработной платы предшественниками К. Маркса. Понятие превращенной экономической формы. Причины выражения стоимости рабочей силы в превращенной форме заработной платы.

2. Основные формы заработной платы. Повременная заработная плата. Пощучная заработная плата. Национальные различия в заработной плате.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 17—20. С. 545—575.

Занятие № 15

Тема: «Процесс накопления капитала. Простое и расширенное воспроизводство»

1. Всеобщее определение воспроизводства. Простое воспроизводство. Анализ черт капиталистического простого воспроизводства.

2. Капиталистический процесс производства в расширенном масштабе. Превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения.

3. Разделение прибавочной стоимости на капитал и доход. Обстоятельства, определяющие размеры накопления независимо от той пропорции, в которой прибавочная стоимость распадается на капитал и доход. Разница между применяемым капиталом и потребляемым капиталом. Так называемый рабочий фонд.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 21, 22. § 1, 3—5. С. 578—601, 605—625.

Занятие № 16

Тема: «Всеобщий закон капиталистического накопления»

1. Техническое, стоимостное и органическое строение капитала. Увеличение спроса на рабочую силу по мере накопления при неизменяющемся строении капитала. Понятие пролетариата. Механизм взаимосвязи накопления капитала и уровня заработной платы. Капиталистический закон народонаселения.

2. Относительное уменьшение переменной части капитала в ходе накопления. Концентрация и централизация капитала.

3. Возрастающее производство относительного перенаселения, или промышленной резервной армии. Различные формы существования относительного перенаселения. Всеобщий закон капиталистического накопления.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 23. § 1–4. С. 626–662.

Занятие № 17

Тема: «Тайна первоначального накопления. Историческая тенденция капиталистического накопления»

1. Сущность первоначального накопления. Экспроприация земли у сельского населения. Расхищение церковных земель. Превращение феодальной собственности в буржуазную собственность. Расхищение государственных имуществ. Общинная собственность и ее разграбление.

2. Генезис капиталистических фермеров. Обратное влияние земледельческой революции на промышленность. Создание внутреннего рынка для промышленного капиталиста. Эволюция частной собственности. Историческая тенденция капиталистического накопления.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 1. Гл. 24. С. 725–773.

Занятие № 18

Тема: «Специфика объекта и порядок исследования в первом томе «Капитала»»

Исследование товара, денег, превращения денег в капитал, сущности прибавочной стоимости, абсолютной и относительной прибавочной стоимости, заработной платы и накопления капитала как ступени восхождения от абстрактного к конкретному в теоретическом отображении сущности процесса производства капитала.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Введение. Метод политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 36–45.

Розенберг Д. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М., 1983. С. 28–33.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.

Дятел Е.П. Системный анализ объекта и предмета политической экономии в «Капитале» К. Маркса. Иркутск, 1987.

Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002.

Куликов Л.В. Об особенностях логической схемы Маркса // Постигание Маркса. М., 1998. С. 149–159.

Тиханова Т.Е. Системный анализ исходного производственного отношения в «Капитале» К. Маркса. Киев, 1983.

Юдкин А.И. Метод исследования системы производственных отношений в «Капитале» К. Маркса. М., 1985.

4. ПЛАНЫ ЗАНЯТИЙ ПО ВТОРОМУ И ТРЕТЬЕМУ ТОМАМ «КАПИТАЛА». **Т. II. «Процесс обращения капитала»**

Занятие № 1

Тема: «Предмет и порядок исследования процесса обращения капитала»

1. Процесс обращения капитала и фаза обращения. Понятие обращения в узком и широком смысле слова. Исследование процесса обращения капитала как новый этап в восхождении от абстрактного к конкретному на пути ото-

бражения в системе экономических категорий и законов процесса функционирования экономического строя буржуазного общества.

2. Порядок исследования процесса обращения. Общая характеристика ступеней исследования: анализ кругооборота капитала, оборота капитала и обращения всего воспроизводимого капитала общества.

3. Работа К. Маркса над рукописями второго тома «Капитала». Научная деятельность Ф. Энгельса по редактированию и изданию второго тома. История перевода второго тома «Капитала» на русский язык и его распространения в России.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Энгельс Ф. Предисловие к первому изданию второго тома «Капитала» // Маркс К. Капитал. Т. 2. С. 3–24.

Чепуренко А.Ю. Из истории второй книги «Капитала» Маркса // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса. М., 1983. С. 206–248.

Занятие № 2

Тема: «Кругооборот денежного капитала»

1. Формула кругооборота денежного капитала. Различия формы и содержания первой стадии кругооборота. Понятие «капитальная стоимость». Специфическая функция денежного капитала.

2. Вторая стадия. Функция производственного капитала.

3. Третья стадия. Понятие товарного капитала. Специфическая функция товарного капитала.

4. Кругооборот в целом. Понятие промышленного капитала. Конкретизация понятия «капитал».

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Капитал. Т. 2. Гл. 1. С. 31–73.

Занятие № 3

Тема: «Кругооборот производительного капитала и товарного капитала»

1. Формула кругооборота производственного капитала. Характеристика кругооборотов производственного капитала для простого и расширенного воспроизводства. Резервный фонд.

2. Формула кругооборота товарного капитала. Отличия кругооборота товарного капитала от кругооборотов денежного капитала и производственного капитала. Характеристика общественного капитала.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 2. Гл. 2, 3. С. 74–114.

Занятие № 4

Тема: «Время кругооборота и издержки обращения»

1. Время кругооборота. Соотношение понятий «время труда», «время функционирования» и «время производства». Характеристика взаимосвязи времени производства и времени обращения. Составные части времени обращения.

2. Издержки обращения. Чистые издержки обращения: издержки на операции купли и продажи, затраты на ведение бухгалтерского учета, издержки по печатанию денег. Издержки по хранению. Запас вообще и товарный запас. Транспортные издержки.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Капитал. Т. 2. Гл. 5, 6. С. 138–171.

Занятие № 5

Тема: «Оборот капитала»

1. Время оборота. Число оборотов. Экономический смысл формулы расчета числа оборотов.

2. Основной капитал и оборотный капитал. Критерии деления капитала на основной и оборотный. Физический и моральный износ основного капитала. Амортизационный фонд и его экономическая роль.

3. Общий оборот авансированного капитала. Оборот капитала по стоимости и реальный оборот. Циклы оборотов.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 2. Гл. 7, 8, 9. С. 172–211.

Занятие № 6

Тема: «Воспроизводство и обращение всего общественного капитала»

1. Годовой продукт общества. Его деление по натуральной форме и по стоимости. Два подразделения общественного производства.

2. Простое воспроизводство. Обмен между двумя подразделениями: I ($v + m$) на II с. Условия реализации при простом воспроизводстве.

3. Накопление и расширенное воспроизводство. Система Марксовых абстракций, необходимых для исследования закономерностей расширенного воспроизводства в наиболее чистом виде. Условия осуществления расширенного воспроизводства и условия реализации частей годового продукта при расширенном воспроизводстве.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 2. Гл. 20. § 1, 2, 3; Гл. 21. § 3. С. 441–453, 576–594.

Т. III. «ПРОЦЕСС КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЗЯТЫЙ В ЦЕЛОМ»

Занятие № 7

Тема: «Издержки производства и прибыль. Норма прибыли»

1. Специфика предмета исследования в третьем томе «Капитала».

2. Издержки производства. Капиталистические и действительные издержки производства. Различия между издержками производства и авансированным капиталом. Прибыль. Превращенность прибыли как формы прибавочной стоимости. Основа закона капиталистической конкуренции.

3. Норма прибыли. Количественные и качественные различия между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли. Отношения нормы прибыли к норме прибавочной стоимости. Факторы, определяющие величину нормы прибыли.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. I. Гл. 1, 2, 3. С. 29–79.

ЗАНЯТИЕ № 8

Тема: «Превращение прибыли в среднюю прибыль»

1. Различное строение капиталов в разных отраслях производства и вытекающие отсюда различия в нормах прибыли. Конкретизация Марксом понятий технического, стоимостного и органического строения капитала. Формулирование противоречия между теоретическими положениями предшествующего анализа и капиталистической действительностью.

2. Образование общей нормы прибыли (средней нормы прибыли) и превращение стоимости товаров в цену производства. Расчет средней прибыли и определение цены производства.

3. Выравнивание общей нормы прибыли посредством конкуренции. Внутриотраслевая и межотраслевая конкуренция. Рыночные цены и рыночные стоимости, добавочная прибыль.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. I. Гл. 8, 9, 10. С. 154–218.

Занятие № 9

Тема: «Закон тенденции нормы прибыли к понижению»

1. Логика вывода К. Марксом закона падения нормы прибыли в чистом виде.
2. Причины, противодействующие осуществлению закона как такового: повышение эксплуатации труда, понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, удешевление элементов постоянного капитала, относительное перенаселение, внешняя торговля, увеличение акционерного капитала.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. I. Гл. 13, 14. С. 231–263.

Занятие № 10

Тема: «Товарно-торговый и денежно-торговый капитал»

1. Определение товарно-торгового капитала. Причины, объективно обусловившие обособление и превращение товарного капитала в товарно-торговый капитал. Торговая прибыль. Механизм образования торговой прибыли. Особенности возвращения капитала обращения и получения прибыли на него. Процесс покрытия чистых издержек обращения и присвоения торговыми капиталистами прибыли на эту часть капитала.
2. Определение денежно-торгового капитала. Экономическая целесообразность возникновения денежно-торгового капитала. Проблема прибыли, присваиваемой денежно-торговыми капиталистами.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. I. Гл. 16, 17, 19. С. 293–331, 346–354.

Занятие № 11

Тема: «Деление прибыли на процент и предпринимательский доход»

1. Капитал, приносящий проценты. Отдача капитала в ссуду. Потребительная стоимость ссудного капитала. Цена ссудного капитала.

2. Предпринимательский доход. Капитал-собственность и капитал-функция. Оплата за надзор и управление.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. I. Гл. 21, 22, 23. С. 371–429.

Занятие № 12

Тема: «Капиталистический кредит. Фиктивный капитал»

1. Кредит. Вексель и банкнот. Источники банковского капитала. Роль кредита в капиталистическом обществе.
2. Составные части банковского капитала. Ценные бумаги. Облигации и акции. Курс ценных бумаг. Ценные бумаги как фиктивный капитал.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. I, II. Гл. 25, 27, 29. С. 440–455, 478–485, 3–17.

Занятие № 13

Тема: «Превращение добавочной прибыли в земельную ренту»

1. Определение земельной ренты. Цена земли. Первая форма дифференциальной ренты (дифференциальная рента I). Ложная социальная стоимость. Норма ренты. Вторая форма дифференциальной ренты (дифференциальная рента II).
2. Абсолютная земельная рента. Условия образования абсолютной ренты. Экономический источник абсолютной ренты.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. II. Гл. 37, 38, 39, 40, 45. С. 163–238, 306–333.

Занятие № 14

Тема: «Доходы и их источники»

1. Трехединая формула капитала. Анализ связи между источниками доходов. Исследование взаимосвязи между источниками и формами доходов.

2 Валовой продукт. Валовой доход и чистый доход. Экономические границы заработной платы, прибыли и ренты. Видимость, создаваемая конкуренцией. Доходы и классы.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Маркс К. Капитал. Т. 3. Ч. II. Гл. 48, 49, 50, 51. С. 380—448, 457—458.

Занятие № 15

Тема: «Логика “Капитала” и судьба экономической теории К. Маркса»

Логическая структура трех томов «Капитала». Внутренние противоречия экономической теории «Капитала». Научные споры о «Капитале». Подтверждения и опровержения исторической практикой развития человеческой цивилизации социально-экономических гипотез и прогнозов К. Маркса.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

Блауг М. Путеводитель по «Капиталу» // Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.

Гольчинский А.С. К. Маркс и развитие экономической мысли Запада. М., 1990.

Негиши Т. Экономическая теория Маркса // История экономической теории. М., 1995.

Ракитский Г.Я. Марксизм и псевдомарксизм // Постигание Маркса. М., 1998.

Сажина М.А. Актуальность марксизма для современной экономической науки: марксизм и институционализм // Там же.

Соболевская А.А. Трехединая парадигма Маркса // Там же.

Шляпин В.Н. Фундаментальное значение марксизма и объективные ошибки его последователей // Там же.

Шумпетер Й. Марксистская доктрина // Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

Занятие № 16

Тема: «Актуальные проблемы теории “Капитала”»

Занятие проводится в форме студенческой учебно-научной конференции, на которой заслушиваются и обсуждаются лучшие студенческие доклады о «Капитале» К. Маркса. Примерные темы докладов приведены в разделе 6. Дополнительная литература о «Капитале» дана в конце.

5. КОНТРОЛЬНЫЕ ТЕСТЫ НА ЗНАНИЕ «КАПИТАЛА» (Вариант 07)

1. К. Маркс разработал и применил для создания своего экономического учения метод:

- а) материалистической диалектики;
- б) структурно-функционального анализа;
- в) восхождения от абстрактного к конкретному.

2. Исследование экономического строя буржуазного общества К. Маркс начинает с:

- а) всеобщей формулы капитала;
- б) денег;
- в) товара.

3. По теории К. Маркса стоимость создается:

- а) трудом в физиологическом смысле слова;
- б) абстрактным трудом;
- в) средним трудом.

4. Историческое развитие формы стоимости проходит путь:

- а) от единичной формы стоимости до всеобщей;
- б) от простой до денежной;
- в) от свернутой до развернутой.

5. Всеобщая формула капитала имеет вид:

- а) $T-D-T$;
- б) $D-D'$;
- в) $D-T-D'$.

6. Под нормой прибавочной стоимости К. Маркс понимал:
 - а) степень эффективности использования капиталом рабочей силы;
 - б) степень эксплуатации наемного труда капиталом;
 - в) степень возрастания применяемого капитала.
7. Категорию «заработная плата» К. Маркс трактовал как:
 - а) денежную сумму, выплачиваемую рабочему;
 - б) цену труда рабочего;
 - в) превращенную форму стоимости рабочей силы.
8. Под содержанием накопления капитала К. Маркс понимал:
 - а) превращение прибавочной стоимости в капитал;
 - б) концентрацию капитала;
 - в) централизацию капитала.
9. Историческую тенденцию накопления капитала К. Маркс усматривал в:
 - а) росте благосостояния населения буржуазного государства;
 - б) непрерывном обогащении капиталистов;
 - в) усилении экономических противоречий и экспроприации экспроприаторов.
10. Исследование процесса обращения капитала К. Маркс начинает с анализа:
 - а) кругооборота производительного капитала;
 - б) кругооборота товарного капитала;
 - в) кругооборота денежного капитала.
11. Под оборотом капитала в теории К. Маркса понимается:
 - а) несколько взаимосвязанных кругооборотов;
 - б) период от авансирования капитала до его возвращения с приростом;
 - в) единство фаз: купля—производство—продажа.

12. К. Маркс трактовал прибыль как:
 - а) надбавку к стоимости товара при его реализации;
 - б) превращенную форму прибавочной стоимости;
 - в) разницу между суммой выручки и величиной авансированного капитала.
13. По мнению К. Маркса, величина ставки процента в фазе депрессии является:
 - а) минимальной;
 - б) средней;
 - в) максимальной.
14. К. Маркс проанализировал следующие формы ренты:
 - а) дифференциальную, абсолютную и монопольную;
 - б) дифференциальную ренту I, дифференциальную ренту II и квазиренту;
 - в) дифференциальную, абсолютную и квазиренту.
15. С точки зрения К. Маркса, триединая формула капитала выражает:
 - а) отношения социально-экономического обособления капиталистов, земельных собственников и наемных рабочих;
 - б) отношения антагонизма между капиталистами, наемными рабочими и земельными собственниками;
 - в) отношения сотрудничества и гармонии классовых интересов в капиталистическом обществе.
16. Специальными объектами исследования в первом, втором и третьем томах «Капитала» соответственно выступают:
 - а) производство капитала → обращение капитала → потребление капитала;
 - б) производство капитала → распределение капитала → потребление капитала;
 - в) производство капитала → обращение капитала → капиталистическое производство в целом.

6. ТЕМЫ ДОКЛАДОВ НА ИТОГОВУЮ УЧЕБНО-НАУЧНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ ПО «КАПИТАЛУ» К. МАРКСА

1. Теория конкуренции в «Капитале» К. Маркса.
2. Исследование проблем внутреннего и мирового рынка в «Капитале» К. Маркса.
3. Концепция рынка труда в «Капитале» К. Маркса.
4. Анализ К. Марксом влияния спроса и предложения на величину рыночной стоимости товаров.
5. Исследование К. Марксом функций собственника и функций предпринимателя.
6. Теория промышленных циклов в «Капитале» К. Маркса.
7. К. Маркс о банкротстве предприятий.
8. Исследование К. Марксом эволюции ценных бумаг при капитализме.
9. Марксова теория вексельного обращения.
10. К. Маркс о коммерческом кредите.
11. Теория монополии К. Маркса.
12. Категории «рыночная цена» и «рыночная стоимость» в «Капитале» К. Маркса.
13. Анализ К. Марксом рыночной ставки процента и факторов, влияющих на ее величину.
14. Марксистское учение о роли государства в экономике.
15. Теория экономических потребностей и интересов в «Капитале» К. Маркса.
16. К. Маркс о критериях периодизации социально-экономического развития человеческой цивилизации.
17. Анализ процесса присвоения в «Капитале» К. Маркса.
18. Собственность и метод ее исследования в «Капитале» К. Маркса.
19. Теория земельной собственности в «Капитале» К. Маркса.
20. К. Маркс о значении и способах экономии на издержках обращения.

21. Развитие понятия «производительный труд» в «Капитале» К. Маркса.
22. К. Маркс о способах экономии на условиях производства.
23. Марксова концепция заказа как договора о поставке товара.
24. Трактовка К. Марксом человека как производительной силы общества.
25. Развитие понятия денег в «Капитале» К. Маркса.
26. Теория аренды в «Капитале» К. Маркса.
27. К. Маркс о науке и ее применении в производстве.
28. Развитие понятия «капитал» в «Капитале» К. Маркса.
29. Характеристика России в «Капитале» К. Маркса.
30. Методологические приемы исследования в «Капитале» К. Маркса.
31. Теория ренты в «Капитале» К. Маркса.
32. К. Маркс о промышленной революции и законе перемены труда.
33. Проблемы экономической социологии в «Капитале» К. Маркса.
34. К. Маркс о превращении науки в производительную силу общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьев Вл.* Великое открытие Карла Маркса. М., 1980.
2. *Бережной Н.М.* Проблема человека в трудах К. Маркса. М., 1981.
3. *Бем-Баверк О.* Критика теории Маркса. М., 2002.
4. *Блауг М.* Путеводитель по «Капиталу» // Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
5. *Вазюлин В.А.* Логика «Капитала» К. Маркса. М., 1968.
6. *Вазюлин В.А.* Марксизм и современность // <http://www.amitel.ru>.
7. *Гальчинский А.С.* К. Маркс и развитие экономической мысли Запада. М., 1990.
8. *Зиновьев А.А.* Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002.
9. *Ичитовкин Б.Н.* Методология К. Маркса и современная российская экономика // Постигание Маркса. М., 1998.

10. «Капитал» К. Маркса и современность. Киев, 1989.
11. Коган А.М. В творческой лаборатории Карла Маркса. М.? 1983.
12. Лисичкин Г. Карл Маркс — злейший враг российских большевиков. М., 1993.
13. Мареев С.Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса. М., 1984.
14. Маркс К. Капитал. Т. I—III // <http://www.rsu.ru>.
15. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // <http://aecon.parod.ru/ieu/ekon/marx/rukop00.html>.
16. Мухаметов Г.Ш., Семенюта О.Г. Методология анализа рыночной экономики в теории К. Маркса. Ростов н/Д, 1995.
17. Негиши Т. Экономическая теория Маркса // История экономической теории. М., 1995.
18. Радаев В.В. Роль наследия К. Маркса в анализе переходной экономики // Постигение Маркса. М., 1998.
19. Сычев Н.В. Методология К. Маркса в разработке критериев периодизации исторического процесса и современность // Там же.
20. Тиханова Т.Е. Системный анализ исходного производственного отношения в «Капитале» К. Маркса. Киев, 1983.
21. Филякин Ю.П. Марксистское учение о государстве: традиции и современность применительно к российским условиям // Постигение Маркса.
22. Черковец В.Н. «Капитал» в свете некоторых проблем современной экономической теории // Там же.
23. Шкредов В.П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973.
24. Шумпетер Й. Марксистская доктрина // Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
25. Marx K. Ökonomische Manuskripte 1857/58 // MEGA, 2. Abt. Bd. 1/1—1/2.
26. Marx K. Ökonomische Manuskripte und Schriften 1858—1861 // MEGA, 2. Abt. Bd. 2.
27. Marx K. Zur kritik der politischen Ökonomie: Manuskript 1861—1863 // MEGA, 2. Abt. Bd. 3/1—3/6.

ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ КОНКУРЕНЦИИ (Программа курса)

С.Б. АВДАШЕВА

доктор экономических наук, зав. лабораторией Института анализа предприятий и рынков, Государственный университет — Высшая школа экономики

Е.Н. КАЛМЫЧКОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Н.М. РОЗАНОВА

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Государственный университет — Высшая школа экономики

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОГРАММЫ

Курс «Политика поддержки конкуренции» предназначен для студентов магистратуры, специализирующихся по программе «Экономика общественного сектора и анализ экономической политики».

Целью курса служит знакомство студентов с экономическими основами конкурентной политики, важнейшими направлениями антимонопольного регулирования и особенностями конкурентной политики в некоторых отраслях и рынках.

Предварительным требованием для студентов служит освоение курсов «Микроэкономика» промежуточного уровня и «Теория организации отраслевых рынков» вводного уровня.

Курс предполагает сочетание лекционных и семинарских занятий с самостоятельной работой студентов. Основными направлениями самостоятельной работы служат:

- подготовка докладов по ключевым вопросам курса (используя статьи из списка дополнительной литературы);
- анализ актуальных проблем конкурентной политики России на основе информации из периодической печати (в том числе и написание экономического эссе).

Объем курса — 68 академических часов.

Основным учебником по курсу выступает: *Viscusi W.K., Vernon J.M., Harrington J.E. Economics of Regulation and Antitrust, Third Edition. MIT Press, 2000.*

Для знакомства с российским конкурентным законодательством используется учебник: Конкуренция и антимонопольное регулирование / Под ред. А.Г. Цыганова. М.: Логос, 1999.

Кроме того, в качестве дополнительного учебника для продвинутых студентов может быть рекомендован: *Laffont J.-J., Tirole J. A Theory of incentives in procurement and regulation. L., 1993.*

Курс состоит из четырех основных блоков. Первый блок посвящен **общим вопросам конкурентной политики**. Его задачей служит анализ целей конкурентной политики, организации конкурентной политики, в том числе основных процедур, используемых в деятельности органов, осуществляющих конкурентную политику, а также важнейших компонентов процесса дерегулирования и приватизации, оказывающих существенное влияние на развитие конкуренции в современной экономике.

Второй блок курса посвящен **основным компонентам конкурентного законодательства** и предполагает знакомство одновременно с содержанием соответствующих норм Закона РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – закон «О конкуренции»), опытом применения соответствующих норм в законодательстве США и ЕС, а также с основными выводами экономической теории, на которых основаны нормы конкурентной политики.

Третий блок курса посвящен анализу **проблем конкурентной политики на отдельных рынках, в отдельных отраслях и сферах деятельности**. Задачей этого блока служит конкретизация представлений о применении принципов конкурентной политики в зависимости от технологической структуры и особенностей контрактов.

В завершающем блоке курса содержится **история и современные тенденции развития конкурентной политики**. Здесь анализируется эволюция конкурентного законодательства развитых стран и России. Задача этого блока состоит в том, чтобы показать, как на протяжении последних ста лет менялись задачи, стоящие перед конкурентной по-

литикой, и методы, использовавшиеся для их решения в разных странах.

Учебная задача курса заключается в том, что в процессе обучения студенты развивают и углубляют навыки экономического анализа, полученные в бакалавриате, учатся оценивать применимость экономических моделей к тем или иным конкретным ситуациям. Предполагается развитие инструментария экономического анализа применительно к более глубокому исследованию поведения экономических агентов, углубление понимания закономерностей функционирования экономики в рамках конкурентного и антиконкурентного поведения на рынках. В результате изучения курса студенты должны уметь применять данные теоретические знания при решении конкретных задач в анализе экономической деятельности.

Формы контроля: освоение материала и получение положительной оценки предусматривает посещение лекций, работу в семинаре и самостоятельную работу с учебниками и учебными пособиями. Проверка знаний студентов и выставление итоговой оценки происходит следующим образом:

Вид работы	Максимальный балл
Экономическое эссе	50
Работа на семинаре	50
Экзаменационная работа	100

Итоговая оценка выставляется по совокупности баллов, полученных за все виды работы:

Баллы	Оценка
151–200	Отлично
111–150	Хорошо
71–110	Удовлетворительно
Ниже 70	Неудовлетворительно

1. Общие вопросы конкурентной политики

Тема 1: «Экономические основы конкурентной политики»

Необходимость регулирования рынков как проявление неоптимальности распределения ресурсов в условиях несовершенной конкуренции. Возможность достижения «второго» и «третьего» уровня оптимальности при выработке мер государственного регулирования рынков.

Оптимизация общественного благосостояния как цель рыночного регулирования. Направления регулирования рынков, позволяющие оптимизировать общественного благосостояние: регулирование естественной монополии, совершенствование распределения информации, контроль цен и качества продуктов и услуг.

Организация и поддержание конкуренции на рынках как возможный путь оптимизации функционирования рыночной системы: проблема дерегулирования, приватизации, патентная политика, организация тендеров и аукционов.

Определение релевантного рынка. Конкуренция и эффективность. Конкуренция и стимулирующие контракты. Эффект потенциальной конкуренции. Конкуренция и собственность. Разработка оптимальной формы конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. *Block M., Nold F.* The deterrent effect of antitrust enforcement // *Journal of political economy*. June 1981. № 89 (3). P. 429–445.
2. Framework for the design and implementation of competition law and policy. The World Bank. Washington, DC, 1999.
3. *Hunt S.* A general theory of competition. L., 2000.
4. *Joskow P., Rose N.* The effects of economic regulation // *Handbook of industrial organization*. N.Y.: Elsevier Science Publishers, 1989.

5. *Kessides I.* The Regulatory Challenge in Developing and Transition Economies, and Patrick Rey, Competition Policy and Economic Development // G. Kochendorfer-Lucius, B. Pleskovic (eds.) *Development Issues in the 21st Century*. World Bank, 1999.
6. *Lande R.* Wealth Transfers as the Original and Primary Concern of Antitrust: The Efficiency Interpretation Challenged // *Hastings Law Journal*. 1982. № 34 (1982). P. 65–151.
7. *Pittman R.* Competition Law in Central and Eastern Europe: Five Years Later // *Antitrust Bulletin*. 1998. №. 43. P. 179–228.
8. *Scheffman D., Spiller P.* Geographic market definition under U.S. Department of Justice merger guidelines // *Journal of law and economics*. April 1987. № 30 (1). P. 123–128.
9. *Sherman R.* Monopoly Regulation: From Legal Unrealism to Unreal Legalism and Beyond // *Review of Industrial Organization*. 1993. № 8. P. 257–276.
10. *Stigler G., Sherwin R.* The extent of the market // *Journal of law and economics*. October 1985. № 28 (3). P. 555–587.
11. *Werden G., Froeb L.* Correlation, Causality, and All that Jazz: The Inherent Shortcomings of Price Tests for Antitrust Market Delineation // *Review of Industrial Organization*. 1993. № 8. P. 329–353.

Тема 2: «Институты конкурентной политики»

Сравнительный анализ системы органов по применению конкурентной политики в различных странах: США, Япония, Западная Европа, Россия. Особенности положения антимонопольных органов в системе исполнительной власти. Процедуры деятельности антимонопольных органов в России и других странах.

Проблемы анализа в конкурентной политике: выделение видов запрещенной монополистической деятельности, понятие недобросовестной конкуренции и недобросовестной рекламы, анализ и контроль экономической концентрации. Уровень ответственности за нарушение норм конкурентного законодательства.

Проблема применения принципа разумности в антимонопольном законодательстве.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. *Агаев Р.* Сравнительно-правовой анализ антимонопольного законодательства западных стран и практики его применения // Законодательство и экономика. 1995. № 3.
2. *Гальперин Л., Михайлова Л.* Правовые аспекты недобросовестной конкуренции // Правоведение. 1991. № 1.
3. *Еременко В.И.* Защита от недобросовестной конкуренции в США // Вопросы изобретательства. 1991. № 2.
4. *Еременко В.И.* О пресечении недобросовестной конкуренции // Вопросы изобретательства. 1992. № 1–2.
5. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства» от 30 марта 1998 г. № 32.
6. *Нойффер И.Г.* Основы законодательства против недобросовестной конкуренции. Основы немецкого торгового и хозяйственного права. М.: БЕК, 1995.
7. *Паращук С.А.* Виды недобросовестной конкуренции по законодательству России и зарубежных стран // Право и экономика. 1995. № 5–6.
8. *Паращук С.А.* Гражданско-правовая ответственность за недобросовестную конкуренцию по законодательству России // Право и экономика. 1995. № 17–18.
9. *Паращук С.А.* Конкуренция: от экономической многозначности к правовой определенности // Хозяйство и право. 1998. № 12.
10. *Паращук С.А.* Недобросовестная конкуренция: содержание и правовые средства ее ограничения. М., 1996.
11. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о Министерстве РФ по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства» от 12 июля 1999 г.
12. Правила рассмотрения дел о нарушениях антимонопольного законодательства, утвержденные приказом ГКАП России от 26 июля 1996 г. № 154.
13. *Соколова И.П.* Государственно-правовые основы антимонопольного законодательства. СПб., 1996.
14. *Тотьев К.Ю.* Конкуренция и монополия. М., 1997.
15. *Шерер Ф., Росс Д.* Структура отраслевых рынков. М.: ИНФРА-М, 1997. Гл. 9, 12.
16. *Competition Policy and the Transformation of Central Europe.* N.Y., 1999. Ch. 4, 5.

17. *Kaserman D., Mayo J.* Government and Business: The Economics of Antitrust and Regulation. N.Y., 1998. Ch. 3, 11.

Тема 3: «Дерегулирование, приватизация и развитие конкуренции»

Проблема дерегулирования в экономике США, Японии, Великобритании: история, результаты, современное состояние, проблемы дальнейшего развития. Деревулирование как способ развития конкуренции: условия, возможные плюсы и минусы.

Приватизация и проблема эффективного собственника. Опыт приватизации в странах с развитой рыночной экономикой и странах переходной экономики. Результаты приватизации: проблема оценки эффективности работы рыночной экономики.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. *Armstrong M., Cowan S., Vickers J.* Regulatory reform: economic analysis and British experience. MIT Press, 1994.
2. *Clarke N., Pitelis C.* (eds.). Political economy of privatization. L., 1993.
3. *Newberry D.* Privatization, restructuring, and regulation of network utilities. MIT Press, 2000.
4. *Posner R.* Antitrust Law: an Economic Perspective. Chicago: University of Chicago Press, 1976.
5. *Spulberg D.* Regulation and markets. MIT Press, 1989.
6. *Vickers W., Yarrow G.* Privatization: an economic analysis. MIT Press, 1988.

2. Сферы деятельности антимонопольного органа

Тема 4: «Доминирующее положение и антиконкурентные соглашения»

Определение доминирующего положения фирмы на рынке. Правило разумности в отношении доминирующих фирм: анализ экономических основ и последствий доминирования.

Политика в отношении сговора фирм. Фиксирование цен как метод сговора. Эмпирические исследования сговора и его последствий для рынка.

Политика в отношении грабительского ценообразования как метода вытеснения конкурента с рынка.

Вертикальные ограничения и их влияние на конкуренцию: теория и практика. «Правило разумности» при анализе вертикальных ограничений: опыт США. Европейская интеграция и подход к оценке вертикальных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. Areeda P., Turner D. Predatory pricing and related practices under section 2 of the Sherman Act // Harvard Law Review. 1975. V. 88. P. 687–724.
2. Bork R. The rule of reason and the per se concept: price fixing and market division 1 // Yale Law Journal. 1965. № 74. P. 775–847.
3. Bork R. The rule of reason and the per se concept: price fixing and market division 2 // Yale Law Journal. 1966. № 127. P. 373–475.
4. Connor J. Our Customers Are Our Enemies: The Lysine Cartel of 1992–1995 // Review of Industrial Organization. 2001. № 18. P. 5–21.
5. Fraas A., Greer D. Market Structure and Price Collusion: An Empirical Analysis // Journal of Industrial Economics. 1977. № 26. P. 29–33.
6. Gilbert R., Katz M. An Economist's Guide to U.S. v. Microsoft // Journal of Economic Perspectives. 2001. № 15. P. 25–44.
7. Hay G., Kelley D. An empirical survey of price fixing and collusion // Journal of law and economics. April 1974. P. 13–38.
8. Joskow P., Klevorik A. A Framework for Analyzing Predatory Pricing Policy // Yale Law Journal. 1979. № 89. P. 213–270.
9. Parker P., Roller L.-H. Collusive conduct in Duopolies // RAND journal of economics. 1997. V. 28. № 2. Summer. P. 304–322.
10. Posner R. A statistical study of antitrust enforcement // Journal of law and economics. Oct. 1970. P. 365–420.
11. Stocking G. The Rule of Reason, Workable Competition, and the Legality of Trade Association Activities // University of Chicago Law Review. 1954. № 21. P. 527–619.

Тема 5: «Контроль и регулирование экономической концентрации»

Вопросы экономической концентрации и вертикальных ограничений в законе «О конкуренции». Цели регулирования экономической концентрации. Оценка возможных выигрышей и потерь от горизонтальной и вертикальной интеграции.

Подходы к регулированию экономической концентрации: сравнительный анализ американского и европейского опыта.

Контроль слияний и поглощений в США и ЕС. Практика антимонопольного контроля за экономической концентрацией в России.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. Алюминиевый рынок // Обзоры МАП РФ «Товарные рынки». <http://www.maprus.ru>.
2. Анализ роли интегрированных структур на российских товарных рынках / Под ред. С.Б. Авдашевой, А.З. Астаповича, А.Е. Шаститко. М.: Бюро экономического анализа, ТЕИС, 2000. Гл. 1.
3. Kovacic W. Merger Enforcement in Transition: Antitrust Controls on Acquisitions in Emerging Economies // University of Cincinnati Law Review. 1998. № 66. P. 1075–1112.
4. Mattoo A. Can no anti-trust policy be better than some anti-trust policy? World Bank working paper series, WP № 2191 // <http://www.worldbank.org>.
5. Ordober J., Willig R. Economics and the 1992 Merger Guidelines: A Brief Survey // Review of Industrial Organization. 1993. № 8. P. 139–150.
6. Pittman R. Merger Law in Central and Eastern Europe // American University Journal of International Law and Policy. 1992. № 7. P. 649–666.
7. Reynolds S.P. EU vertical integration restraints policy – a new regulation and new approach // <http://www.antitrust.org>.
8. Salant S.W., Switzer S., Reynolds R.J. Losses from horizontal merger: the effects of an exogenous change in industry structure on Cournot-Nash equilibrium // Quarterly journal of economics. 1983. № 98. P. 185–199.

Тема 6: «Деятельность органов исполнительной власти и соблюдение принципа конкуренции»

Регулирование и конкуренция на рынках. «Провалы рынка» и «провалы регулирования». Необходимость контроля за соблюдением Закона «О конкуренции» в деятельности органов исполнительной власти.

Ограничения конкуренции в деятельности российских органов исполнительной власти. Барьеры входа на региональные рынки. Неравные условия конкуренции в российских отраслях. Оценки потерь от неравных условий конкуренции: доклад Глобального института МакКинси.

Государственная поддержка, государственная помощь и конкуренция на товарных рынках. Принципы оказания государственной помощи в странах Европейского Союза. Проблемы разработки системы государственной помощи в России.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. Административные барьеры на пути инвестиций в субъектах Российской Федерации (доклад FIAS, 2001) // <http://www.maprus.ru>.
2. Ограничение конкуренции на региональных рынках товаров и услуг местными органами власти и управления (Очерк российской практики 1990-х годов) / Под ред. А.З. Астаповича. М.: Бюро экономического анализа, ТЕИС, 2000.
3. Реформирование системы государственной помощи: европейский опыт и выводы для России (серия статей) // Вопросы экономики. 2001. № 5.
4. Экономика России: рост возможен. Report by Global McKinsey Institute, 1999 // <http://mgi.mckinsey.com>.
5. Clark J. Restraints by Regional and Local Governments on Competition: Lessons from Transition Countries // Brooklyn Journal of International Law. 1999. № 25.

3. Конкурентная политика в отдельных отраслях и на отдельных рынках

Введение

Общее представление об отраслях естественной монополии. Проблемы конкурентного равновесия на подобных рынках. Второй оптимум: достоинства и недостатки. Общие подходы к регулированию отраслей естественной монополии. Опыт регулирования и дерегулирования отраслей естественной монополии в Западной и Восточной Европе.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. Slay B., Capelik V. Natural Monopoly Regulation and Competition Policy in Russia // Antitrust Bulletin. 1998. № 43. P. 229–260.
2. Spiller P. Institutions and Regulatory Commitment in Utilities Privatization // Industrial and Corporate Change. 1993. № 2. P. 387–450.
3. Viscusi K. Economic Foundations of the Current Regulatory Reform Efforts // Journal of Economic Perspectives. 1996. № 10. P. 119–134.
4. Winston C. Economic Deregulation: Days of Reckoning for Microeconomists // Journal of Economic Literature. 1993. № 31. P. 1263–1289.
5. Winston C. U.S. Industry Adjustment to Economic Deregulation // Journal of Economic Perspectives. 1998. № 12. P. 89–110.

Тема 7: «Конкурентная политика в сфере естественных монополий: рынок электроэнергетики»

Определение сферы деятельности ЕЭС. Анализ структуры оптового и розничного рынка электроэнергии по следующей схеме: производство, передача и распределение электрической энергии. Механизм управления Единой энергетической системой России. Структура собственности в отрасли.

Барьеры входа на рынок. Роль капитальных затрат. Преимущества в из-

держках. Возможности снижения издержек входа: дискуссия.

Анализ поведения РАО ЕЭС в отрасли как доминирующей вертикально интегрированной фирмы.

Взаимодействие РАО ЕЭС с органами власти через Федеральную энергетическую комиссию и региональные энергетические комиссии. Установление тарифов на электроэнергию. Учет интересов потребителей и производителей.

Проблемы реформирования электроэнергетики России: обсуждение разных программ.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. *Green R., Newbery D.* Competition in the British Electricity Spot Market // *Journal of Political Economy*. 1992. № 100. P. 929–953.
2. *Heller W., McCubbins M.* Politics, Institutions, and Outcomes: Electricity Regulation in Argentina and Chile // *Journal of Policy Reform*. 1996. № 1. P. 357–387.
3. *Joskow P.* Restructuring, Competition and Regulatory Reform in the U.S. Electricity Sector // *Journal of Economic Perspectives*. 1997. № 11. P. 119–138.
4. *Newbery D.* Competition, Contracts, and Entry in the Electricity Spot Market // *RAND Journal of Economics*. 1998. № 29. P. 726–749.
5. *Newbery D.* Restructuring and Privatizing Electric Utilities in Eastern Europe // *Economics of Transition*. 1994. № 2. P. 291–316.
6. *Trebing H.* Electricity: Changes and Issues // *Review of Industrial Organization*. 2000. № 17. P. 61–74.
7. *Wolfram C.* Strategic Bidding in a Multiunit Auction: An Empirical Analysis of Bids to Supply Electricity in England and Wales // *RAND Journal of Economics*. 1998. № 29. P. 703–725.

Тема 8: «Конкурентная политика в сфере естественных монополий: рынок газа и нефти»

Конкурентная политика на рынке газа и нефти. Проблема разделения потенциально конкурентного компонента и компонента естественной монополии в деятельности компаний. «Ключевые

мощности». Политика вертикально интегрированной компании, предоставляющей доступ к «ключевым мощностям» при их одновременном использовании. Проблема установления «платы за доступ».

Международный опыт развития рынка газа: Великобритания. Приватизация «British Gas». Разделение оптового рынка, контрактного рынка и рынка тарифов. Развитие фьючерсного рынка газа.

Международный опыт развития рынка газа: США. Дерегулирование рынка газа в США. Свободный доступ к сетям и ограничение использования долгосрочных контрактов. Развитие фьючерсного рынка газа.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. Нефтедобывающая промышленность // Экономика России: рост возможен. Report by Global McKinsey Institute, 1999 // <http://mgi.mckinsey.com>.
2. *Juris A.* The emergence of markets in the natural gas industry. World Bank Working Paper Series, WPS № 1895. World Bank, 1998 // <http://www.worldbank.org>.
3. *Rosellyn J., Halpern J.* Regulatory reform in Mexico's natural gas industry: liberalization in the context of a dominant upstream incumbent. World Bank working paper series, WPS № 2537. World Bank, 2000 // <http://www.worldbank.org>.
4. *Valletti T.M., Estache A.* The theory of access pricing: an overview for infrastructure regulators. World Bank working paper series, WPS № 2097. World Bank, 1998 // <http://www.worldbank.org>.

Тема 9: «Конкурентная политика в сфере естественных монополий: транспорт и связь»

Регулирование транспортных отраслей. Выявление и стимулирование конкуренции между железнодорожным, автомобильным, авиационным транспортом и внутри самих отраслей. Проблема регулирования транспортных тарифов. Реформа регулирования железнодорожного транспорта в России.

Сравнительный анализ направлений и методов регулирования и дерегулирования транспортных отраслей в России, США, Японии, Великобритании, странах Западной Европы.

Телекоммуникации как классическая сфера проведения комплексных мер дерегулирования. Проблема идентификации состояния сферы телекоммуникации: естественная монополия, олигополия, соревновательный рынок. Условия конкуренции в области телекоммуникаций и возможности государственного воздействия на них.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. Концепция структурной реформы федерального железнодорожного транспорта // Вопросы экономики. 1998. № 4.
2. *Armstrong M., Vickers J.* Regulatory Reform in Telecommunications in Central and Eastern Europe // *Economics of Transition*. 1996. № 4. P. 295–318.
3. *Brock J.* Industry Update: Airlines // *Review of Industrial Organization*. 2000. № 16. P. 41–51.
4. *Estache A., Goldstein A., Pittman R.* Privatization and Regulatory Reform in Brazil: The Case of Freight Railways // *Journal of Industry, Competition and Trade*. 2001. № 1. P. 203–235.
5. *Kerf M., Geradin D.* Post-Liberalization Challenges in Telecommunications: Balancing Antitrust and Sector-Specific Regulation // *World Competition*. 2000. № 23. P. 27–77.
6. *Kessides I., Willig R.* Competition and Regulation in the Railroad Industry // C. Frieshtak (eds.). *Regulatory Policies and Reform: A Comparative Perspective*. World Bank, 1995.
7. *Lafont J., Tirole J.* Competition in telecommunications. MIT Press, 1999.
8. *Moor T.* US Airline Deregulation: The effects on passengers, capital and labor // *Journal of law and economic*. 1986. V. 29.
9. *Morrison S., Winston C.* Intercity transportation route structures under deregulation: same assessments motivated by the airline experience // *American economic review*. 1985. V. 75.
10. *Noll R.* Telecommunications Reform in Developing Countries // Anne O. Krueger (eds.). *Economic Policy Reform: The Second*

Stage. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1999.

11. *Spiller P., Cardilli C.* The Frontier of Telecommunications Deregulation: Small Countries Leading the Pack // *Journal of Economic Perspectives*. 1997. № 11. P. 127–138.

Тема 10: «Конкурентная политика на рынках финансовых услуг»

Закон «О защите конкуренции на рынках финансовых услуг»: цели и методы конкурентной политики на финансовых рынках России.

Особенности конкуренции и конкурентной среды в системе финансовых рынков. Асимметрия информации. Особенности барьеров входа на финансовые рынки. Проблемы определения границ финансовых рынков: заменяемость продуктов при различных моделях регулирования.

Тенденции концентрации и конкуренции на финансовых рынках зарубежных стран: сравнительный анализ подходов регулирования в США и ЕС.

Конкурентная политика на российских финансовых рынках. Модель «легкого входа» и ее влияние на структуру и эффективность финансовых рынков. Особенности конкуренции и задачи регулирующих органов на отдельных сегментах финансовых рынков России (рынок ценных бумаг, банки, страховые компании, негосударственные пенсионные фонды).

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. Тенденции концентрации на рынках финансовых услуг и разработка системы мер по снижению ее неблагоприятных последствий. Доклад Бюро экономического анализа, 2001.
2. *Alton G.* Bank Market Structure and Competition: A Survey // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1984. № 16. P. 617–645.
3. *Dermine J.* The economics of bank mergers in the European Union: a review of the Public Policy Issues. OECD, DAFEE/CMF (99). № 21. Fontainblau, 1999.
4. *Hanwech G.A., Shull B.* The bank merger movement: efficiency, stability and

- competitive Policy Concerns // The antitrust policy bulletin. Summer 1999. P. 251–284.
5. Powers M.R., Shubik M. On the tradeoff between the law of large numbers and oligopoly in insurance // Insurance: Mathematics and Economics. 1998. № 23. P. 141–156.
 6. Rhoades S. Retail Commercial Banking: An Update on a Period of Extraordinary Change // Review of Industrial Organization. 2000. № 16. P. 357–366.
 7. Weiss L. A Review of Concentration-Price Studies in Banking // Weiss L. (eds.). Concentration and Price. 1989.

Тема 11: «Развитие конкуренции в сфере государственных закупок»

Система государственных закупок и ее эффективность. Конкуренция Демсеца. Модель конкурентных торгов. Асимметрия информации, сговор и коррупция в системе государственных конкурсных торгов.

Практика организации конкурсных торгов в системе государственных закупок: опыт США и стран ЕС. Проблемы совершенствования системы государственных закупок в России.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. McAfee R.P., McMillan J. Auctions and bidding // Journal of economic literature. 1987. V. 25. P. 699–738.
2. Milgrom P. Putting auction theory to work: the simultaneous ascending auction. Stanford University. Working Paper. 1997.
3. Simultaneous ascending auctions with package bidding. Charles River Associates Incorporated, Report for Federal Communication Commission, March 1998.
4. **История и современные тенденции развития конкурентной политики**

Тема 12: «История и современные тенденции развития конкурентной политики»

Философия регулирования: анализ различных подходов к процессу конкуренции и конкурентной политике.

Конкуренция как состояние дел и как процесс. Конкуренция как часть структуры рынка (структуралистский подход). Конкуренция как форма взаимодействия фирм — использование теории игр для описания вариативности стратегий фирм и государства.

История антимонопольного законодательства развитых стран. Эволюция антимонопольной политики.

Реализация антимонопольного законодательства на практике: опыт развитых стран.

Конкурентная политика в глобальном контексте. Политика конкуренции как фактор, способствующий усилению конкурентоспособности национальных компаний на мировом рынке.

Стимулирующие меры государства в отношении национального бизнеса и ситуация на мировых рынках. Государство как агент мирового рынка. Государственная поддержка внутренних монополий на конкурентных международных рынках. Влияние этой поддержки на рыночную власть фирм внутри страны. Антитрестовское законодательство в эпоху глобализации.

ЛИТЕРАТУРА К ТЕМЕ

1. Antitrust goes Global / Ed. by Evenett S., Lehmann A., Steil B. Washington, DC: Brookings institution, 2000.
2. Joskow P., Noll R. Regulation in theory and practice: an overview. Studies in public regulation. MIT Press, 1981.
3. Kovacic W., Shapiro C. Antitrust Policy: A Century of Economic and Legal Thinking // Journal of Economic Perspectives. 2000. № 14. P. 43–60.
4. Posner R. Theories of economic regulation // Bell journal of economics. Autumn 1974. P. 335–358.
5. Regulation under Increasing Competition / Ed. by Crew M. Kluwer. Boston, 1999.
6. Schmalensee R. Antitrust and the new industrial economics // American Economics Review. May 1982.
7. Smith W., Vaughan M. Economic welfare, price and profit: the deterrent effect of alternative

antitrust regimes // Economics inquiry. 24.
Oct. 1986. P. 615–630.

8. The Process of Competition / Ed. by J. Kraft.
Cheltenham, UK, 2000.

Распределение часов между темами курса

Тема	Всего часов	В том числе		
		лекции	семинары	самостоятельная работа
Тема 1. Экономические основы конкурентной политики	10	4	0	6
Тема 2. Институты конкурентной политики	10	4	2	6
Тема 3. Дерегулирование, приватизация и развитие конкуренции	12	4	2	6
Тема 4. Доминирующее положение и антиконкурентные соглашения	10	2	4	4
Тема 5. Контроль и регулирование экономической концентрации и вертикальных ограничений	10	2	4	4
Тема 6. Деятельность органов исполнительной власти и соблюдение принципа конкуренции	10	2	4	4
Тема 7. Конкурентная политика в сфере естественных монополий: рынок электроэнергии	16	4	4	8
Тема 8. Конкурентная политика в сфере естественных монополий: рынок газа и нефти	14	2	4	8
Тема 9. Конкурентная политика в сфере естественных монополий: транспорт и связь	14	2	4	8
Тема 10. Конкурентная политика на рынках финансовых услуг	8	2	4	4
Тема 11. Развитие конкуренции в сфере государственных закупок	8	2	2	4
Тема 12. История и современные тенденции развития конкурентной политики	10	4	0	6
<i>Итого</i>	132	34	34	68

ЭКОНОМИСТЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ДВА ВЕЛИКИХ ИМЕНИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В.А. КАРДАШ

доктор экономических наук, профессор,
Кисловодский институт экономики и права

ОНИ ЖИЛИ и творили не только в разное время, но и в разных мирах. Вместе с тем их творческие пути удивительно близки непревзойденной глубиной и объективностью поиска экономических истин, сходными философскими принципами и средствами научного поиска, одинаково страстным желанием принести пользу человечеству через добытые общечеловеческие истины.

В 2002 г. передовая научная общественность страны и мира отмечала два замечательных юбилея: 160-летие со дня рождения Альфреда Маршалла (1842—1924 гг.) и 90-летие со дня рождения Леонида Канторовича (1912—1986 гг.). Их яркая научная и общественная деятельность, творческое наследие и принципиальное влияние на умы последующих поколений экономистов свидетельствуют о том, что великая мать-природа явила миру двух гигантов науки, ученых нового образа экономического мышления, заложивших и развивавших основы экономической теории как точной науки.

Что же было в этих личностях и их научном творчестве особенного и общего, что позволяет нам выделить их имена и подчеркнуть их исключительность в ряду величайших представителей экономической мысли XIX и XX вв.? Ведь и впрямь природа отличилась в этот период своей щедростью и дала миру ряд других крупнейших мыслителей в экономике: К. Маркса, Л. Вальраса, Дж.М. Кейнса. Самый известный из непосредственных учеников Маршалла Дж. Кейнс так определил его место в

истории экономической мысли [1]: «Маршалл был первым в истории великим экономистом в подлинном смысле этого слова, первым, кто свою жизнь посвятил созданию экономической науки в виде самостоятельного предмета, строящегося на собственных постулатах и отличающегося таким же высоким уровнем точности, как естественные и биологические науки. Маршалл был первым, кто занял по отношению к этому предмету профессионально научную позицию как к научной дисциплине, стоящей над текущими спорами и вне их, дисциплине, настолько же далекой от политики и политических воззрений, как физиология от представлений рядового врача». Ближайший ученик Л.В. Канторовича академик В.Л. Макаров писал о своем учителе: «... Казалось бы, все ясно. Леонид Витальевич — математик до мозга костей. В действительности это не так. В том и состоит выдающийся феномен Л.В. Канторовича, что он *одновременно* является и крупнейшим экономистом, ученым, который существенно изменил экономическое мышление, стал основателем своеобразной экономической школы». В этих оценках исторической роли Маршалла и Канторовича, данных каждому из них, что называется, «из первых рук», содержится почти исчерпывающий ответ на поставленный нами вопрос. К этому можно добавить лишь следующее. Видных экономистов всех времен и народов отличало непреодолимое стремление заглянуть в самый корень ветвистого дерева экономической жизни и именно там искать ответы на коренные вопросы экономической науки: какова природа богатства народов; в чем состоят причины его приумножения; почему это дерево то начинает увядать, то распускается роскошной зеленью и дает изобилие плодов, что, однако, не исключает нищеты и недостойной человека жизни отдельных членов и целых групп общества?

А. Маршалл и Л. Канторович принадлежат именно к таким немногим представителям экономической науки и стоят рядом в своем величии истинных ученых, как бы вне времени и обстоятельств. Обнаруживаются удивительные аналогии и совпадения в жизненных и творческих судьбах этих исторических личностей. Факты совпадений тем более достойны удивления, если принять во внимание, в каких совершенно разных общественно-исторических условиях пришлось жить и работать каждому из них. Пик экономического творчества Маршалла приходится на конец XIX в., на период бурного развития новых форм рыночного способа производства, форм, ограничивавших свободную конкуренцию в индустриально развитой Британской метрополии. Первые экономические работы Канторовича относятся к предвоенным и военным годам середины XX столетия, к кульминационному периоду жесткого сталинского режима в СССР, в стране, где в экономической теории монопольно господствовала «единственно верная» доктрина К. Маркса, а в экономической практике — предельно централизованное управление всеми хозяйственными процессами, что в принципе исключало свободу экономической деятельности и рыночные отношения. Такое положение вещей в силу идеологической инерции сохранялось в продолжение всей творческой жизни Леонида Витальевича [2].

Альфред Маршалл родился 26 июля 1842 г. в Лондоне в семье служащего банка и благодаря отцу, семейному тирану, получил суровое воспитание в духе почитания семейных традиций, религиозного, христианского благочестия и культа труда до самоистязания. Отец готовил ему карьеру священника, что соответствовало его плану восстановления прерванной им самим родовой традиции. Однако мальчик рано проявил живой интерес к математике, фи-

лософии и естественным наукам. Освободившись от опеки отца с помощью своих состоятельных родственников, он смог полностью посвятить себя занятиям любимыми предметами.

В 1865 г. он окончил учебу в колледже Сент-Джон при Кембриджском университете, проявив блестящие способности и знания в математике, благодаря чему был зачислен в аспирантуру университета. Стипендия аспиранта давала ему возможность полностью заниматься самообразованием и исследованиями в таких областях, как математика, молекулярная физика, философия этики. По-видимому, тогда от аспиранта не требовалось обязательной защиты диссертации на строго заданную тему по строго определенным пунктам Паспорта специальностей. В этот период (1867–1868 гг.) он преподает математику в Кембридже.

К экономической науке Маршалл обратился благодаря своим занятиям философией этики. Он хорошо понимал, что с этических позиций трудно оправдать контрасты нищеты и богатства современного ему общества. Это представлялось ему противным естественным законам природы человека. «Если бы ты разбирался в политической экономии, ты бы так не считал», — возражали ему в спорах знатоки объективных законов общественного устройства. Тогда он взялся за изучение экономических явлений и законов и начал со знаменитой в то время работы Дж. Милля «Политическая экономия». Но это не рассеяло, а еще более укрепило его сомнения насчет категоричности тезиса «о неравных возможностях людей», и он приходит к мысли, что «собственные способности человека являются самым важным объектом для изучения».

В экономические проблемы Маршалл углублялся с двух сторон: он внимательно наблюдал живую экономическую жизнь практического бизнеса и трудящихся классов и одновременно

основательно изучал различные доктрины экономической теории. С этого времени он безраздельно занялся экономической наукой уже в качестве глубокого и беспристрастного исследователя.

Дж. Кейнс отмечал [6], что своим ученикам Маршалл постоянно напоминал о «необходимости объективного изучения форм и принципов повседневной хозяйственной жизни, которые в большой мере обуславливают счастье людей и возможности для их благоденствия». По свидетельству Кейнса, сам он часто посещал кварталы бедных, ходил к рабочим в цеха, ездил в Германию и Америку с целью изучения социально-экономической жизни людей и экономической политики правительств в странах Старого и Нового света. Он участвовал в подготовке правительственных решений в различных комитетах и комиссиях: по оценке денежных систем в стране и ее колониях; по заработной плате рабочих; по налогообложению; по внешней торговле и валютному регулированию и др.

Расцвет научного творчества Маршалла приходится на 80–90-е гг. XIX в. В 1885 г. он возглавляет кафедру политической экономии в Кембриджском университете, оставаясь на этом посту до 1908 г., т.е. в течение 23 лет. В 1890 г. выходит в свет его главный труд «Принципы экономической науки» [3]. Идеи и результаты, изложенные в этом фундаментальном труде, позднее публиковались им в виде отдельных книг: «Экономика промышленности» (1892); «Промышленность и торговля» (1919); «Деньги, кредит и торговля» (1923). Все они по воле автора выходили в свет много лет спустя после их написания, чему не находили оправдания его близкие ученики.

Будучи незаурядным математиком, Маршалл применял в экономических исследованиях приемы рассуждений и инструментарий математического анализа, которому он был обязан глубоким

проникновением в суть экономических проблем. На этой основе он создал свой метод «обобщенной системы графического анализа» в экономике.

«Разработанные Маршаллом математические и графические методы анализа в экономической теории, — писал Дж. Кейнс, — отличались такой убедительностью, ясностью и научной строгостью и вышли так далеко за рамки “чистых идей” его предшественников, что мы вполне вправе считать его основателем современной графической экономической науки, конструктором того тонкого и простого механизма, который обычно оказывает огромное влияние на умных начинающих экономистов и который все мы используем в качестве стимула — и средства самоконтроля — в наших интуитивных поисках» [6]. Нужно отметить, что сам Дж. Кейнс широко пользовался этими методами в создании своей теории макроэкономического анализа.

На основе принципов всеобщей взаимосвязи экономических факторов и предельного анализа А. Маршалл разработал теорию рыночного равновесия, дуалистическую теорию стоимости, теорию денег и валютного рынка, ввел в экономический анализ понятия предельных издержек, эластичности и др. В результате он заложил научные основы и организационно оформил экономическую теорию в статусе самостоятельного предмета «экономикс». В одной из своих вводных лекций в новую дисциплину Маршалл говорил: «... нужна более строгая и более полная система научных знаний в этой области, система, которая была бы способна анализировать экономические проблемы нашей эпохи и содействовать их решению... В преподавании экономической науки чрезмерно употреблялись красноречие и показная эрудиция. Они хороши на своем месте, но теперь больше всего требуется умение трезво и четко выявлять и анализировать взаимодействие

множества взаимозависимых причин. Если не считать исключительных гениев, эту способность мы в редких случаях обнаруживаем только у тех, кто прошел суровую школу новейших наук» [6]. К сожалению, подобную ситуацию в преподавании экономических дисциплин можно наблюдать и в наши дни.

Экономическое творчество Л.В. Канторовича пришлось на тот период, когда господство схоластики и идеологической демагогии в советской экономической школе достигло своего апогея.

Л.В. Канторович родился 19 января 1912 г. в Санкт-Петербурге в семье врача. Четырнадцатилетним подростком он поступил на математический факультет Ленинградского университета, который успешно закончил в 1930 г. Научными исследованиями в области математики он начинает заниматься еще в студенческие годы в школах известных математиков Г.М. Фихтенгольца и В.И. Смирнова. Сразу же после окончания университета он преподавал в вузах Ленинграда математические дисциплины и уже в 1934 г., в возрасте 22 лет, избирается профессором в родном Ленинградском университете. В 1935 г. ему без защиты диссертации присваивается степень доктора наук. Его научная и педагогическая деятельность в ленинградский период неразрывно связана с Ленинградским университетом и Ленинградским отделением Математического института АН СССР. В 1960 г. он переезжает в Новосибирск, где создает и возглавляет математико-экономический отдел в Институте математики Сибирского отделения АН СССР.

В первом томе [2] двухтомного издания материалов о жизни и деятельности Л.В. Канторовича, посвященного его 90-летию юбилею, сказано: «Леонид Витальевич Канторович принадлежит к числу наиболее ярких ученых нашей страны, судьбы которых неразрывно связаны с ее историей XX столетия.

Можно даже говорить о двух разных судьбах Л.В. Канторовича: Канторовича — математика и Канторовича — экономиста. Первый, начав в 15 лет свои исследования по математике, вскоре стал одним из признанных ее лидеров. Второму пришлось почти 20 лет ожидать публикации своих работ, принесших ему в конце концов мировую известность».

Перу Л.В. Канторовича принадлежит более 300 научных работ. Мировое математическое сообщество хорошо знает имя Канторовича как выдающегося математика XX столетия, внесшего огромный вклад в функциональный анализ, теорию функций, вычислительную математику. Метрика Канторовича, полупорядоченные множества, пространство Канторовича, метод Ньютона—Канторовича, линейное программирование — эти и другие научные результаты-персоналии стоят в ряду самых важных приращений знаний в мировой истории математики. От математических проблем к глубоким проблемам экономической теории Канторович шел через практические задачи хозяйственной жизни. Он открыл свой метод разрешающих множителей применительно к классу линейных оптимизационных задач в экономике, занявшись в 1938 г. решением конкретной «станочной задачи» по заказу лаборатории Фанерного треста, и с этого момента принято вести отсчет экономической его деятельности. Однако переход его в область экономических исследований обусловлен более глубокими побудительными мотивами, лежащими в сферах его личностных качеств и активной гражданской позиции. Вот его высказывания в воспоминаниях об этом периоде, приведенные в книге [2]: «Мир находился под страшной угрозой коричневой чумы — немецкого фашизма»; «У меня было ясное ощущение, что слабым местом, снижающим нашу индустриальную и экономическую мощь, было состояние экономических решений»; «Я почув-

ствовал ответственность, понимая, что незаурядные люди должны что-то сделать». Составители этой книги подчеркивают исключительное гражданское мужество человека, ставшего при жизни классиком математики, науки, куда не смогла вклиниться партийная идеология: «Кажется безумно отважным само решение заняться экономикой, если вспомнить, какой она была в сталинское время... Нобелевских премий по экономике не было, зато хорошо были известны “специальные сталинские”: 1-й степени — расстрел, 2-й степени — лагерь, 3-й — ссылка». Леониду Витальевичу, к счастью, удалось избежать этих «наград», которыми были «удостоены» многие видные наши экономисты того времени. И это только потому, что в органах его считали хотя и слишком беспокойным, но идеологически безопасным математиком. В течение 20 лет все его предложения по улучшению организации производства и экономической работы официальными властями игнорировались, а научные его работы на этот счет просто не публиковали.

Первая экономико-математическая работа Канторовича «Математические методы организации и планирования производства» появилась в издании Ленинградского университета в 1939 г. К 1942 г. была полностью готова к изданию его основная работа по экономике «Экономический расчет наилучшего использования ресурсов», которая увидела свет только в 1959 г. Отечественная экономическая официальная «элита» только после «хрущевской оттепели» и падения «железного занавеса», вслед за мировым признанием экономических заслуг Канторовича, вынуждена была разрешить «считать полезными для социалистической экономики формальные методы оптимизации плановых решений».

В книге [2] подробно, с документальным сопровождением излагается

поучительная, порой драматическая, история упорной, самоотверженной борьбы гениального Человека-гражданина Л.В. Канторовича с косностью и рутинной политического режима и соответствующей ему идеологизированной научной системы этого периода, борьбы за утверждение своих неординарных научных идей и внедрение своих методов экономических расчетов и анализа в практику хозяйствования в различных отраслях экономики: в промышленности, на транспорте, в строительстве и др. До конца своих дней (Леонид Витальевич ушел из жизни 7 апреля 1986 г.) он развивал и конкретизировал в практических рекомендациях свою фундаментальную идею системно-стоимостной сущности объективно-обусловленных оценок затрат и результатов в равновесно-оптимальных экономических системах. Период 60–80-х гг. знаменуется его полным погружением в дела практической экономической жизни страны. На этот период приходится также процесс формирования и укрепления молодыми научными кадрами экономико-математической школы Канторовича.

Со своими учениками он ведет активную работу в правительственных комитетах, комиссиях, выступает на конференциях различного уровня. Пишет письма, предложения, выступает с программами по проблемам экономических реформ в стране. В частности, участвует в Комиссии АН СССР под руководством академика П.Н. Федосеева по выработке предложений к «Косыгинской реформе»; возглавляет работу Комиссии Госкомнауки по оценке эффективности внедрения оптимизационных методов в отраслях народного хозяйства, разрабатывает предложения по основным направлениям научно-технического прогресса и др. В 60-х гг. к Леониду Витальевичу не только приходит признание в своем отечестве, но и закрепляется его мировая слава ученого-экономиста. В 1965 г. он удостоен Ле-

нинской премии вместе с видными экономистами В.С. Немчиновым и В.В. Новожиловым. В 1964 г. ему присваивается академическое звание по отделению математики. В 1975 г. Шведская Академия наук присуждает ему, совместно с американцем Тьяллингом Купмансом, Нобелевскую премию по экономике.

В книге [2] об этих зачастую запоздалых признаниях сказано так: «Л.В. Канторович был удостоен многих международных почетных званий и наград. Есть немало имен, вес которых определяют полученные регалии. Имя Л.В. Канторовича относится к таким, чье награждение придает вес самим регалиям». Точнее не скажешь.

Когда современные историки экономических наук [5] определяют место Маршалла и Канторовича в истории экономической мысли, то прежде всего указывают на их вклад в формирование таких экономико-математических дисциплин, как экономикс, эконометрика, математическая экономика. Если давать такую упрощенную оценку и сводить ее к акцентам на формальных результатах, то можно было бы назвать еще целый ряд выдающихся имен: В. Парето, К. Менгер, У. Джевонс, Л. Вальрас. Однако имена Маршалла и Канторовича по праву выделяются из этой когорты прославленных ученых. Своим вкладом в фундаментальные основы экономической теории экономическое учение Маршалла–Канторовича выходит далеко за рамки современного содержания названных дисциплин.

Отметим здесь предельно кратко принципиальные моменты этого учения.

1. Применение в построении экономической теории характерных для точных наук аксиоматического и модельного подходов, с опорой на реалии живой экономической жизни. Это придавало их научным результатам характер строго математически доказанных положений.

Прежде чем сформулировать свои аксиомы экономического поведения человека, Маршалл скрупулезно изучал многообразные проявления побудительных мотивов к действиям в различных ситуациях и возможности измерения силы этих мотивов в деньгах, что и легло в основу его представления о стоимостных оценках благ в процессах их рыночного обмена.

Прежде чем построить общую модель оптимального функционирования экономики, Канторович изучил и обобщил массу жизненно важных экономических проблем страны и конкретных задач оптимизации в плановом ее хозяйстве. И затем уже из общей модели вывел систему стоимостных оценок факторов и результатов экономической деятельности, согласующих процессы максимального наращивания общественных благ при данных исходных ресурсах и условиях.

2. Применение в экономическом анализе, в частности – в анализе проблем стоимости, принципа системного взаимодействия экономических факторов.

Маршалл четко реализовал этот принцип с помощью метода аналитических функций и графического анализа. Такой аппарат исследования уже давал ему возможность строить модели механизмов взаимодействия множества факторов в процессах формирования рыночного равновесия и равновесных цен.

Канторович реализовал этот принцип в общей производственной модели и двойственной к ней ценовой модели. Его объективно-обусловленные оценки (о.о. оценки) производственных ресурсов и потребительских конечных продуктов являются результатом взаимодействия системно представленных в модели технологических, организационных и экономических производственных факторов формирования потребительского спроса.

3. Преодоление ограниченности монизма в теории стоимости.

А. Маршалл по праву считается основоположником дуализма в теории стоимости. Подходя с позиции всестороннего взаимодействия экономических факторов, он соединил теорию предельной полезности с теорией издержек на основе взаимосвязи факторов, формирующих рыночный спрос и рыночное предложение товаров. Известно его образное высказывание по поводу споров на этот счет: «Мы могли бы с равным основанием спорить о том, регулируется ли стоимость полезностью или издержками производства, как и о том, разрезает ли кусок бумаги верхнее или нижнее лезвие ножниц» [3]. Однако доступные ему в то время методы экономико-математического анализа не могли полностью раскрыть системный характер процесса формирования стоимостных оценок. Описательно такая системность явно представлена в трудах выдающихся русских экономистов Н. Бунге и Д. Пихно [4]. Но конструктивно и концептуально завершено это удалось сделать только Л.В. Канторовичу через систему двойственных оценок затратных элементов производства (характеризующих цену блага со стороны предложения) и оценок результатов производства (характеризующих цену блага со стороны спроса). Чем дефицитнее в системе ресурс (в смысле ограничения предложения благ из-за ограниченности этого ресурса) или чем дефицитнее продукт (в смысле необходимости его дополнительных поставок на рынок из-за превышения спроса над возможным предложением), тем выше его ценность, выраженная в объективно-обусловленной оценке. Таким образом, о.о. оценка блага, по Канторовичу, выражает собой цену одновременно и редкости, и полезности, и издержек производства. Такая система оценок, получаемая из оптимизационной модели функционирования экономики, соизме-

рует ценности благ относительно некоторого глобального критерия оптимальности функционирования экономической системы. Вводя в общую производственную модель условия, описывающие процессы согласования интересов продавцов-производителей и покупателей-потребителей при формировании компромиссных рыночных сделок, мы приходим к общей модели с рыночным механизмом, определяющим меновые стоимости товаров и функционирующим в виде взаимодействующей системы «маршалловых ножниц» [1].

4. Раскрытие роли предельных соотношений в понимании сущности экономических процессов.

Маршалл придавал исключительное значение принципу непрерывности и изменчивости в изучении экономических явлений. И хотя экономические законы определялись им как «обобщенные тенденции», а «нормальные» экономические параметры — как соответствующие среднестатистическим условиям, это вовсе не означало для него необходимости рассмотрения застывших во времени экономических форм и явлений. Его элементарные математические приемы экономического анализа позволили выявить глубокий динамический смысл и огромный аналитический потенциал таких впервые введенных им в экономическую науку показателей, как предельные издержки, коэффициенты замещения факторов, эластичность спроса и предложения.

Объективно-обусловленные оценки Л. Канторовича представляют собой предельные характеристики моделируемой экономической системы и количественно выражают последствия вариации (движения) условий функционирования этой системы. О.о. оценка одной единицы экономического фактора (ресурса) или конечного продукта означает (в строгом математическом смысле!), насколько прирастет общественное богатство — ценность суммарных обще-

ственных благ (выраженная критерием оптимальности), если количество данного экономического фактора (ресурса) прирастет в системе на одну физическую единицу.

Предельному характеру этих показателей Л.В. Канторович придавал исключительную роль в экономическом обосновании принимаемых решений, подчеркивая их преимущества перед усредненными экономическими показателями из-за нереализуемости последних. Памятен его убедительный пример из военно-технической области. Когда рассчитывают количество пороха в патроне для поражения цели на определенном расстоянии, то берут во внимание не среднюю скорость пули на всей траектории, а ее скорость в момент встречи с целью, т.е. предельную ее скорость. Точно так же, когда планируют прирост выпуска комбайнов на предприятии, то должны исходить не из средних реализационных цен на комбайны и не из средних затрат труда, материалов, денег, а из возможностей и условий заключения новых контрактов на поставку ресурсов и сбыт комбайнов, которые реально можно заключить на планируемый период, учитывая уже сложившиеся условия производства и поставок.

5. «Оптимизация» социально-экономического устройства общества.

Вряд ли мы могли бы обнаружить в явном виде четкие рецепты на этот счет у Маршалла или Канторовича. Однако цельность и объективность их общественно-экономического мировоззрения позволяет извлечь из их учения полезные принципы, подходы и ориентиры.

Прежде всего мы не можем игнорировать исторически подтвержденное положение о влиянии человеческой природы на характер социально-экономических отношений. В любой общественно-экономической системе необходимо учитывать открытые Маршаллом принципы поведения нормального человека с его интересами, побудительными мо-

тивами, эгоизмом и альтруизмом. Однажды Маршалл выразился так: «... сомнительно, чтобы одной отменой частной собственности можно было бы утвердить справедливость». Однако целенаправленное вмешательство в естественный ход общественного развития необходимо. Весь вопрос в том, когда и как это делать. Можно выделить три принципиально различные альтернативы такого вмешательства.

1. Раз и навсегда национализировать все блага нации и с помощью идеального Управляющего Центра регулировать их воспроизводство и справедливое распределение. Но такой эксперимент, вопреки мнению Маршалла, уже состоялся в достаточно широком масштабе и протекал длительное время, и история отвергла этот вариант.
2. Не мешать процессу социальной дифференциации общества и в кульминационные моменты антагонизмов в обществе вследствие накопившейся несправедливости производить революционное перераспределение собственности во имя восстановления справедливости. История испытала и этот вариант, сопряженный с ничем не оправданными материальными и моральными издержками общества.
3. Учитывать сущность человеческой природы и найти соответствующие механизмы и институциональные формы стимулирования субъектов экономики к действиям по наращиванию благ в обществе и регулированию их справедливого распределения.

При этом понятно, что рынок является одним из необходимых исторически оправданных институтов такого регулирования. В учении Маршалла—Канторовича содержится адекватная теоретическая база для реализации именно данной альтернативы.

Автору этой статьи выпала счастливая судьба стать одним из непосредственных учеников Л.В. Канторовича, много лет работать под его руководством в экономико-математическом отделе в Новосибирске, общаться с ним и после его отъезда в Москву. В кратком обзоре его научной и общественной деятельности невозможно отразить все богатство его человеческой натуры, представить множество живых поучительных эпизодов из жизни этого великого и в то же время простого в общении, земного человека. Леонид Витальевич обрел продолжение жизни в благодарной памяти и в сердцах близко знавших его людей, а Л.В. Канторович обрел вечную жизнь в мировой истории науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кардаш В.А. Компромиссный анализ рыночной экономики / Науч. ред. С.В. Жак. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2002.
2. Леонид Витальевич Канторович: человек и ученый: В 2 т. / Редакторы-составители В.Л. Канторович, С.С. Кутателадзе, Я.И. Фет. Новосибирск: Изд-во СОРАН, 2002. Т. 1.
3. Маршалл А. Принципы экономической науки: В 3 т. М.: Прогресс, 1993.
4. Русские экономисты (XIX — начало XX века). М.: Институт экономики РАН, 1998.
5. Ядгаров Я.С. История экономических учений: Учебник для вузов. М.: ИНФРА-М, 2000.
6. The economic Journal. Vol. 34. Sept. 1924. P. 300—372.

ДЕБЮТ

ПРОЦЕСС НАКОПЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

С.В. РАКША

аспирантка кафедры экономики и регионального менеджмента, Институт по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при Ростовском государственном университете

В СОВРЕМЕННОЙ экономической науке нет единой общепризнанной теории институциональных изменений. Это обусловлено, во-первых, тем, что в предмет исследования экономики мейнстрима (неоклассической школы) не включаются факторы, детерминирующие динамические, качественные изменения в экономике [7, р. 107]. Во-вторых, теории, которые описывали институциональные изменения с позиций классового подхода, не выдержали испытания практикой. В-третьих, большинство теорий институциональных изменений, возникающих в недрах институционализма, характеризуется эклектичностью и несовместимостью друг с другом.

Исследование влияния социального капитала на экономическое развитие связано именно с выявлением качественных характеристик социально-экономического порядка в отличие от механистических количественных подходов, которые доминируют в неоклассике. Проблема социального капитала впервые была исследована в трудах Дж. Коулмана. Социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация [2, с. 124].

Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно. Например, группа, внутри которой существует полная

надежность и абсолютное доверие, способна совершить много больше по сравнению с группой, не обладающей данными качествами [2, с. 126].

Следовательно, социальный капитал и есть качество социальных отношений. С другой стороны, он является ресурсом, используя который, акторы повышают эффективность своей экономической деятельности.

В отличие от иных форм капитала, социальный капитал свойствен структуре связей между экономическими агентами и среди них. Он не является атрибутом отдельного человека [4, с. 5]. Социальный капитал принадлежит сообществу, переплетенному устойчивыми связями. Более того, организации, преследующие определенные цели, могут действовать (так называемый корпоративный агент) так же, как и индивид. Связи внутри корпоративных агентов также могут создавать для них социальный капитал (при этом наиболее известным примером является обмен информацией, которая позволяет устанавливать фиксированные цены в пределах одной отрасли).

Таким образом, социальный капитал — это источник экономического роста, возникающий за счет формирования специфической локальной институциональной среды [1, с. 85]. Поэтому проблема социального капитала не может рассматриваться отдельно от институциональной структуры экономики.

В экономической литературе понятие «институциональная структура» имеет множество трактовок. Часто не проводится различий между дефинициями «институциональная структура» и «институциональная среда». О. Уильямсон приводит наиболее общее ее определение: «Это основные политические, социальные и правовые нормы, являющиеся базой для производства, обмена и потребления» [6]. Но наличие некоторых присущих спонтанному рыночному

порядку институтов еще не является достаточным условием для становления рыночной институциональной структуры. Например, создание правовой базы для частной собственности не означает, что она действительно может функционировать в экономике как рыночный институт. Согласно нашей трактовке, институциональная структура — это определенный упорядоченный набор институтов, создающих матрицы экономического поведения, определяющих ограничения для хозяйствующих субъектов, которые формируются в рамках той или иной системы координации хозяйственной деятельности.

Все типы институциональных изменений, которые описаны в экономической литературе, можно сгруппировать так:

1. Инкрементные институциональные изменения за счет закрепления неформальных правил, норм, институтов в относительно малых группах с семейно-родственными связями. Эффективно снижают трансакционные издержки для членов группы [3].
2. Эволюция институтов. Возникающие неформальные практики постепенно закрепляются как общепризнанные в формальных институтах.
3. Революционные институциональные изменения. Обычно проявляются при экзогенном заимствовании институтов, или их «импорте».

Роль социального капитала особенно значима в первых двух типах институциональных изменений в экономике.

Наблюдаемые различия в реформировании институтов являются отображением того, что большая часть литературы сфокусирована на формальных институтах. Таким образом, игнорируется, что неформальные и, следовательно, с трудом поддающиеся наблюдению институты могут в равной мере отсутство-

вать или быть несовместимыми с существующими формальными институтами, препятствуя экономическому росту. Это становится очевидным, если мы рассмотрим институты более широко в качестве части установившейся или однообразной практики, которая часто, но, несомненно, в целях необходимости систематизируется. При таком понимании институтов институциональные изменения не могут ограничиваться внедрением формальных институтов, они должны охватывать более широкий круг общественного опыта вместе с развитием идей и концепций. Невозможность внедрения или изменения неформальных институтов может, таким образом, отчасти зависеть от бедственного экономического учета в некоторых странах. В то же время установившаяся или однообразная практика различных поколений техники, возможно, выжила среди людей и оказывает устойчивое влияние на экономическую жизнь, в то время как законная основа (т.е. формальные институты) уже изменилась совершенно.

Процесс накопления социального капитала есть процесс закрепления неформальных институциональных норм (доверие, обязательства) в обществах, где доверие формализованным институтам высоко и наличие именно такой формы способствует экономическому росту [5, с. 33]. Таким образом, некоторые подходы останавливаются на содержании и скрытых первоначальных условиях формального институционального порядка. Первая часть этого вопроса предполагает, что тем быстрее будет установлен определенный институциональный порядок, чем больше будет доступный источник социального капитала. Идея, лежащая в основе этого, заключается в том, что социальный капитал дает возможность решения проблем коллективных действий, потому что общественный капитал подчеркивает возможность создавать и поддерживать добровольные ассоциации.

Вторая часть делает акцент на культурных различиях [8]. С точки зрения этой перспективы, специфический институциональный строй предполагает рыночно и демократически связанные нормы и ценности. Если таковые нормы отсутствуют либо они неполны или неадекватны, то институциональные изменения не оправдают надежд реформаторов из-за отсутствия идеальных условий, которые помогают утвердить институты или которые заставляют экономических агентов использовать возможности институционального строя. В конце концов, и это не менее важно, формальные и неформальные (некодифицированные) институты могут быть несовместимы по той причине, что первые одобряют цели действий, которые запрещают последние, или наоборот.

Социальный капитал не распределен равномерно между различными обществами и территориями. Он может развиваться параллельно нормам взаимодействия и участвует в экономическом развитии данной территории. Дифференциация в экономическом развитии между различными регионами показывает, что экономическая система не предопределяет степень общественной вовлеченности, тогда как количество социального капитала предопределяет экономические результаты деятельности. Таким образом, роль социального капитала во многом аналогична функциям институциональной структуры в микроаспектах. Поэтому для правильного понимания процессов экономического развития в странах с переходной экономикой необходимо учитывать воздействие как институциональной структуры, так и форм социального капитала, накопленного обществом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дускин И.Е. Экономическая трансформация и социальный капитал // Проблемы прогнозирования. 1997. № 1. С. 85.

2. *Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3.
3. *Норт Д.* Пять тезисов об институциональных изменениях // *Квартальный бюллетень клуба экономистов*. Минск: Пропилей, 2000. Вып. 4.
4. *Радаев В.В.* Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.
5. *Стрельникова Л.В.* Социальный капитал: типология зарубежных подходов // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 33.
6. *Уильямсон О.* Частная собственность и рынок капитала // *ЭКО*. 1993. № 5.
7. *North D.C.* Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge, 1990.
8. *Rosenbaum E.F.* Culture, cognitive models, and the performance of institutions in transformation countries // *Journal of Economic Issues*. Vol. 35. № 4. Dec. 2001.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Е.Г. ХОПЕРСКАЯ

соискатель, Северо-Кавказский научный
центр высшей школы

В ПОСЛЕДНИЕ годы масштабы финансирования (за счет бюджетных ассигнований) организаций и учреждений производства социально значимых товаров и услуг системы так называемой «государственной поддержки» (представленных предприятиями сфер образования, медицины, жилищно-коммунального хозяйства, рекреации, туристских и спортивных услуг) систематически возрастают. Так, доля социальных расходов в ВВП в 2002 г. составила 1,43% против 1,39% в 2001 г. [3, с. 4]. Однако это возрастание не способно дать должный и ожидаемый эффект, поскольку названная система продолжает сохранять унаследованный еще от административного прошлого главный недостаток финансирования ее хозяйствующих субъектов. Этот недостаток состоит в том, что основную часть выделяемых бюджетом денег могут получить в основном «избранные» учреждения (в том числе — избранные образовательные учреждения, покрытие расходов которых гласно или негласно выделяется отдельной строкой в федеральной, а также региональных статьях бюджетных затрат).

Преодолению этой социальной и экономической несправедливости должно способствовать ускоренное формирование развитой сети специализированных инновационных фондов, которые призваны выступить ведущим инструментом целенаправленного распределения и перераспределения бюджетных средств между «социально значимыми» организациями и учреждениями системы государственной поддержки. В качестве примера здесь уместно сослаться на существующую систему государственной поддержки научных и учебных заведений, которая в настоящее время обнаружила свою крайнюю неэффективность — и именно в силу того, что в данной системе не регла-

ментировано, кто конкретно будет определять получателей соответствующих бюджетных ассигнований и каков конкурсный механизм этого определения. По мнению А. Селезнева, «при обосновании проектов федеральных бюджетов на соответствующие годы необходимо учитывать зависимости между бюджетными вложениями в развитие фундаментальных исследований и показателями экономического роста, доли наукоемкой продукции в общем производстве» [4, с. 42]. Для вузовских же организаций регламентированная неопределенность порождает сложную коллизию отношений между органами власти различной иерархии, субординации и уровней.

Эти и другие моменты показывают, что принципиальному изменению механизма бюджетного реформирования подлежит вся система государственной поддержки соответствующей группы организаций и учреждений в России. В то же время предлагаемые варианты требуемого радикального реформирования весьма различаются между собой по характеру и глубине такого реформирования. Тем не менее основным среди них является, по нашему мнению, активизация и продвижение мер рыночного характера. Так, при сравнительном анализе «европейского» механизма регламентации процедур (с помощью которых осуществляется регулирование предоставления государственной помощи тем организациям, которые в ней нуждаются) с механизмом регулирования и предоставления государственной помощи тех центральных и региональных органов исполнительной власти, которые оказывают подобную поддержку в России, обнаруживается, что основным вектором оптимизации существующего механизма является оказание помощи со стороны системы государственной поддержки. Речь идет об антикоррупционной направленности меры, связанной с развитием уровня демократизации соответствующих проце-

дур, которая реально обеспечивает их прозрачность посредством повышения степени общественного контроля над действиями административных органов.

Другим вектором выступает своеобразный отказ директивных органов от выполнения тех рыночных функций, которые в развитой рыночной системе являются сферой самостоятельной деятельности не только для рыночных предприятий, но и для организаций и учреждений сугубо государственной поддержки. Мы имеем в виду такие функции, как самостоятельный выход организациями социально значимого производства на локальные и региональные рынки сбыта продукции (услуг), поиск и формирование таких рынков, а также нахождение источников дополнительного финансирования. При этом важно учитывать, что конкретные формы и методы государственной помощи (выключая механизмы государственной поддержки организаций и учреждений сферы социальной инфраструктуры) различаются в зависимости от размера, специализации и формы собственности названных учреждений и организаций.

Не менее важно преодолеть противоречивость критериев выделения финансовых средств подобным предприятиям, учреждениям и организациям. С этой целью следовало бы придать рыночную направленность мерам по совершенствованию законодательства в области государственной помощи, для того чтобы минимизировать деформирующее воздействие подобной помощи на условия рыночной конкуренции, не подрывать эту конкуренцию чрезмерной поддержкой государственных предприятий.

Особое значение приобретает усиление дифференцированного подхода к налоговым льготам, которые формируются в результате развития экономических отношений государства с учреждениями государственной поддержки и которые выступают одним из главных

инструментов оказания такой поддержки¹. Однако данная дифференциация в своей основе должна ориентироваться на учет различий между учреждениями и организациями, принадлежащими к различным сферам. Так, в настоящее время продолжают устанавливаться одинаковые налоговые льготы и для социально значимых, и для развлекательных учреждений. И это происходит в то время, когда Россия подписала международные конвенции, согласно которым она обязалась предоставлять налоговые льготы преимущественно тем учреждениям, которые способствуют развитию культуры, науки, образования. Другими словами, речь идет о социально значимых учреждениях и организациях, для которых актуальна специально разработанная система мер государственной поддержки.

Однако наиболее эффективной следует, видимо, считать формирование такой экономической политики в сфере оказания государственной поддержки социально значимым организациям и учреждениям, которая привела бы к созданию системы экономически самостоятельных в финансовом отношении учреждений государственной поддержки. Инвестиции в создание такой системы оказались бы, по нашему мнению, самыми рентабельными затратами соответствующих бюджетных ассигнований. Именно по такому критерию следовало бы также оценивать уровень разработки федеральных программ государственной поддержки социально значимых предприятий. Для этого, прежде всего, необходимо сформировать развитую систему государственной поддержки организаций и учреждений социально значимого профиля, которая, в частности, до-

пускает акт авансирования государством процессов субсидирования и кредитования этих организаций и учреждений.

Важнейшим слагаемым системы государственной поддержки социально значимых предприятий должно стать кредитование, причем кредитование, осуществляемое с помощью государственных финансовых институтов (внебюджетных фондов, государственных страховых компаний, казначейских инструментов).

В этой связи оправданно радикально преобразовать бюджетную систему государственной поддержки тех категорий хозяйствующих субъектов и населения страны, которые по своему социальному и экономическому статусу относятся к числу социально незащищенных групп с высокой степенью социального и предпринимательского риска (мелкие предприниматели, трудоустраиваемая молодежь, работники массовых профессий старших возрастов)². Этого можно добиться посредством четкой адресности выделяемых социально значимым учреждениям бюджетных средств и установления жесткого контроля над их расходованием.

Особое место в данном механизме занимает такой элемент формирования доходов муниципального бюджета, как рента, получаемая за счет рыночной эксплуатации природных ресурсов в данном регионе («природная рента»). При всей дискуссионности этого вопроса муниципальное присвоение природной ренты, ее частичная концентрация в муниципальном бюджете и распределение муниципально-бюджетными инструментами будут способствовать преодолению тех же самых природных (ресурсных) различий между ресурсонасыщен-

¹ В частности, льготное налогообложение — «эффективный инструмент, стимулирующий развитие экономической самостоятельности высших учебных заведений, повышение их финансовой обеспеченности» [1, с. 28].

² «В нормальной рыночной экономике снижение государственных расходов до некоторых разумных пределов является эффективным средством оживления экономики, стимулирующим бизнес, увеличивающим масштабы производства и спрос» [2, с. 32].

ными и ресурснедостаточными регионами и далее — на этой материальной базе — осуществлению достаточной социальной поддержки населения, путем создания системы социальных доплат к заработной плате и пенсиям.

Консервация современной системы государственной поддержки на самом деле чревата разрушением этой самой системы, занимающей статус основного объекта муниципальной экономической политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винницкий Д.* Проблемы финансирования и налогообложения в системе государственного высшего образования // *Финансы*. 2003. № 3.
2. *Львов Д.* Проблемы долгосрочного социально-экономического развития России // *Экономическая наука современной России*. 2003. № 1.
3. *Мухетдинова Н.* Финансирование социальной сферы // *Экономист*. 2002. № 2.
4. *Селезнев А.* Бюджетное финансирование науки // *Экономист*. 2002. № 1.

РЕЦЕНЗИЯ

**УЧЕБНИК НОВОГО
ПОКОЛЕНИЯ
(Рецензия на учебно-
методическое пособие
Р.М. Нуреева
«Теория общественного
выбора»
(Вопросы экономики.
№ 8 за 2002 г. —
№ 7 за 2003 г.)**

О.С. БЕЛОКРЫЛОВА

доктор экономических наук, профессор,
зав. кафедрой экономической теории, Ро-
стовский государственный университет

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ пособие Р.М. Нуреева «Теория общественного выбора» следует по праву считать учебником нового поколения.

В современной России явственно заметна «смена вех» в развитии учебной литературы по экономике. В 1990-е гг. основным спросом пользовались учебники универсального характера. На смену этому старому поколению учебников идет новая «волна» — учебные издания, менее широкие по тематике, но более глубокие по содержанию. Речь идет о нормативных курсах, посвященных отдельным направлениям современной экономической науки: экономике труда, экономике развития, мировому хозяйству, институциональной экономике, экономике фирмы и т.д. Пока такие курсы являются нормативным в соответствии с федеральными стандартами подготовки специалистов по экономической теории. В качестве спецкурсов они используются почти исключительно в подготовке экономистов других специальностей, да и то лишь в немногих наиболее «продвинутых» вузах. Однако есть тенденция расширения как числа вузов, вводящих в учебную программу спецкурсы по экономике, так и учебных специальностей гуманитарного характера, предъявляющих спрос на экономические спецкурсы. Наибольшим вниманием пользуются учебные спецкурсы, посвященные «пограничным» проблемам современного обществоведения, — это связано с общей интегративной тенденцией в развитии современной науки. Именно к такому типу и относится рецензируемый спецкурс по теории общественного выбора, подготовленный Р.М. Нуреевым.

Теория общественного выбора, как известно, — это очень популярное в современной мировой науке направление неoinституционализма, которое использует

экономические методы анализа для изучения политических процессов. Таким образом, рецензируемый спецкурс посвящен «стыку» экономической и политической теорий, а потому представляет интерес как для студентов-экономистов, так и для студентов-политологов.

Спецкурс Р.М. Нуреева является первым в отечественной литературе спецкурсом по теории общественного выбора. Работы его предшественников (Ф. Алескерова, Л. Якобсона) освещали лишь отдельные части public choice. Следовательно, в данном сегменте учебной литературы рецензируемое учебно-методическое пособие занимает, по существу, монопольное положение. Впрочем, и за рубежом специальных учебников по теории общественного выбора (ТОВ) немного. Таким образом, и по мировым стандартам учебник подобного типа весьма уникален и ценен.

Учебно-методическое пособие Р.М. Нуреева, опубликованное в журнале «Вопросы экономики» (с № 8 за 2002 г. по № 7 за 2003 г.), представляется оригинальным как по содержанию, так и по форме.

Прежде всего, создатель курса уделил большое внимание объяснению методологических принципов ТОВ (главы 1–3). Такой акцент на методологии очень важен для российского читателя, поскольку в российской экономической науке всегда был силен интерес к парадигмальным основам экономики, к философии хозяйственной деятельности. Понимание места данного направления в общем контексте развития экономической науки помогает читателю получить важные знания и по истории экономических учений.

Учебным пособиям Р.М. Нуреева (вспомним ранее изданные «Курс микроэкономики», «Экономику развития») свойственна одна отличительная черта — они имеют очень четкую структуру, благодаря чему читатель легко воспринимает логику изложения. Рецензируемое учебно-методическое пособие также характеризуется важным специфическим качеством: каждая из глав разбита на подразделы и подпункты («фонарики») с короткими и четкими заглавиями.

Как и предыдущие учебные издания Р.М. Нуреева, его «Теория общественного выбора» иллюстрирована многочисленными схемами и графиками, которые являются для студентов важными «опорными сигналами». В одном отношении, однако, рецензируемое пособие представляет собой явный шаг вперед в поиске автором наиболее эффективной формы подачи учебного материала. Речь идет об интересном приеме вкрапления в обычный учебный текст, во-первых, «развлекательных» врезок под рубрикой «Занимательная политэкономия», а во-вторых, биографий выдающихся экономистов (их можно было бы озаглавить «Жизнь замечательных политэкономов»). Такой методологический прием нам кажется очень удачным (он используется и в некоторых зарубежных изданиях). «Занимательная политэкономия» обращает внимание на некоторые парадоксальные ситуации, которые помогают глубже понять многие принципиальные вопросы учебного курса. Что касается «Жизни замечательных политэкономов», то эта рубрика позволяет читателю лучше понять пути развития науки сквозь призму личных биографий некоторых выдающихся ее представителей.

Еще одно очень важное достоинство рецензируемого курса — это широкое использование конкретного российского материала (см., например, главы 10 и 11 — в них, в частности, приводятся очень интересные карты России, показывающие региональную дифференциацию некоторых ее политэкономических характеристик). Пожалуй, это одно из первых учебных изданий по экономической теории, где российская тематика равноправно представлена с примерами из практики зарубежных стран.

Наконец, последнее по счету (но не последнее по значению) достоинство рецензируемого спецкурса — это обширные учебно-методические материалы: списки литературы и веб-ресурсов, планы семинаров, задания разных типов сложности с ответами на них. Взяв в руки подобный учебник, даже начинающий преподаватель сможет очень быстро освоить новый курс. Очень ценны такие учебно-методические материалы и для студентов.

ОН ТАКОЙ ОДИН

**ДЖОЗЕФ УИЛЛИ
МЭЙНСТРИНГ
(1894–1943)**

Джозеф Уилли Мейнстринг — представитель институционального течения в американской экономической мысли. Наряду с теоретическими работами, оставил обширное эпистолярно-поэтическое наследие. Впервые публикуемые на русском языке знаменитые средизападных экономистов шуточные экспромты Дж.У. Мейнстринга написаны им в годы обучения (1913–1919) на экономическом факультете Мичиганского университета. Перевод Анфима Кандопожского.

ОДНООБРАЗНЫЕ СТИХИ СО СЧАСТЛИВЫМ КОНЦОМ

* * *

Я ручку взял, купил тетрадь,
Нашел две книги, две статьи,
И курсовую стал писать:
В ней мысли есть, но — не мои!

Я ручку взял, купил тетрадь,
Нашел две книги, три статьи,
И стал дипломную писать:
В ней мысли есть, но — не мои!

Я ручку взял, купил тетрадь,
Нашел три книги, три статьи,
Стал диссертацию писать:
В ней мысли есть, и все — мои!

18 ноября 1918 г.

* * *

Ревную вас к автомобилю¹:
К колесам, к фарам и к рулю;
Хочу, чтоб вы меня любили,
Как я — без авто — вас люблю!

19 декабря 1918 г.

¹ Написано Дж.У. Мейнстрингом в разгар бума автомобильной распродажи продукции фирмы «ФОРД».

CONTENTS

FUTURE IS BEING SHAPED TODAY...

Editor **O.Y. Mamedov** interviews Rector of Rostov State University **A.V. Belokon** 5

EDITORIAL

Mamedov O.Y. Unbidden empiricism is worse than scholastics! 20

ECONOMIC THEORY: CRISIS OR REVIVAL

Tambovtzev V.L. About Crisis in Economic Science 24

Rozmainsky I.V. Postkeynesianism + traditional institutionalism = systematic realistic economic theory of XXI century 28

Volchik V.V. Economics failure and path dependence 36

Kvasov R.A. Philosophy of economic relations 43

FAMOUS NAMES OF ECONOMIC SCIENCE

Arthur B.W. Inductive reasoning and bounded rationality 53

ACTUAL PROBLEMS OF ECONOMIC PRACTICE

Blinov A.O. The model of strategic management of federal districts 62

Maksimov A.V. Financial component of city economy restructuring 74

Tumanyan Y.R. Scientific and technological progress and reproduction process under current conditions 78

Arhipov A.Y. International Economic Relations of the Russian Region under Modern Globalization 82

REVIVING THE SYSTEMATIC CHARACTER OF SOCIAL SCIENCES

Latova N.V. What matrix do we live in? (ethnometrical testing of the theory of institutional matrixes) 89

LETTERS

Zhak S.V. Is Mathematics an argument in economic science? 95

Borodina I.P. Mathematics is a muse of advertisement 98

THE OPEN AUDIENCE HEADING

Yurkov A.M., Zepalov V.M. Special seminar on «Capital» by K. Marx: methodical materials 102

Avdasheva S.B., Kalmychkova E.N., Rozanova N.M. Competition Policy (program of the course) 117

ECONOMISTS: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

Kardash V.A. Two great names in economic science 127

DEBUT

Raksha S.V. The process of social capital accumulation like a basis of institutional transformation 136

Hoperskaya E.G. Efficiency of government support of socially important organizations ... 140

REVIEW

Belokrylova O.S. Review of teaching and methodical book by R.M. Nureev «Public Choice Theory» 144

JOKES OF THE ECONOMISTS

Mainstreang J.W. Poems 146

Научно-аналитическое издание

**ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
РОСТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
2003
Том 1
Номер 3**

Корректор *Н.В. Бирюкова*
Технический редактор *Н.П. Соловьева*
Компьютерная верстка *И.В. Басовой*
Дизайн обложки *О.Ф. Жуковой*

ИБ № 2874
Лицензия ЛР № 65-41 от 01.09.99 г.

Сдано в набор 30.05.2003. Подписано в печать 18.06.2003.
Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура TextBook.
Печать офсетная. Усл. п. л. 17,20. Уч.-изд. л. 9,75.
Тираж 576 экз. Заказ № 252. С 86.

Издательство Ростовского университета.
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Оригинал-макет и диапозитивы изготовлены ООО Фирма «Ирбис».

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Талер».
344068, г. Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 32/2.